

Детектив

АННА ТРЕФЦ

СЕРИЈА

с Севера

Не исполни группа Премьер Министр на конкурсе Евровидение 2002 песню «Девочка с Севера», может, и не пришла бы в голову молодой певице Маше Ивановой шальная мысль бросить родной северный городок и податься в Москву на поиски славы и богатства. Ей повезло, ее заметил известный продюсер Серж Бобров. Но начавшаяся сказка тут же обернулась кошмаром. Убивают певицу Ирму Бонд, а вскоре находят тело Машиной подруги Аськи. И вот уже Маша чувствует себя не восходящей звездой эстрады, а дичью, на которую открыта охота. Защитит ли ее всемогущий продюсер Серж Бобров или он не против, чтобы молодая певица стала следующей жертвой жестокого убийцы?

Глава 1

В 17.00 по московскому времени в VIP-зал международного аэропорта Шереметьево вошел молодой человек, прибывший рейсом из Лондона. Взгляд, исполненный восхищения и сожаления, брошенный ему в спину сексапильной стюардессой, говорил о том, что он произвел впечатление даже на выдавших виды девиц.

Хотя в этом не было ничего странного: выглядел он действительно интригующе, особенно для среднерусских широт.

Черное длинное пальто, под которым угадывался дорогой костюм-тройка, тоже черный, белый шарф, черные, сверкающие чистотой ботинки и черная шляпа. В руке, затянутой в кожаную перчатку, он нес небольшой дорожный кейс. Другой рукой он опирался на тонкую трость с набалдашником в виде оскалившегося льва. Вещица, разумеется, старомодная, но для него бесценная. Он был высок, и некоторым придиричвым особам женского пола мог бы показаться несколько худощавым.

Лицо его было по-мужски красиво: прямой нос, волевой подбородок, темно-карие, почти черные, глаза, слегка выпирающие скулы, — все эти характерные черты не давали покоя трем стюардессам, стремившимся угодить ему во время перелета из Лондона в Москву. Но розовый румянец, обильно покрывающий его вполне мужественные скулы и, к его досаде, оставшийся у него со времен младенчества, указывал на то, что молодому человеку нет и тридцати. Взгляд его устремился в раскрытые двери VIP-зала, за которыми его ожидала кутерьма аэропорта, наполненная той громкоголосой, скомканной суетой простой жизни, к которой он так давно стремился.

Сэр Александр Доудсен, а молодого человека звали именно так, впервые ступил на землю своей исторической родины. Людям, всю жизнь проведенным рядом с могилами их предков, вряд ли понять те чувства, с которыми сын отверженных праотцов делает первый шаг в незнакомый мир своей исторической родины. Впрочем, назвать Александра Доудсена чистокровным русским было бы по меньшей мере несправедливо. История его семьи столь запутана, что с подобным чувством он мог бы ступить как на русскую землю, так и на земли многих европейских стран, а также побродить по побережью Индийского и Атлантического океанов. Пращур Александра, чистокровный англичанин, попал в Россию при Петре I и тут осел, получив поместье, а выгодно женившись — и княжеский титул.

При русских царях Доудсенам жилось весьма вольготно. Они отличались лояльностью к властям и всегда умудрялись выбирать именно те дворцовые коалиции, кои впоследствии становились правящими. К XX веку Доудсены, уже окончательно обрусевшие, достигли немалых высот. Тому способствовал передававшийся из поколения в поколение инстинкт самосохранения, не разрешавший им добираться до самого верха, однако позволявший дружить с сильными мира сего, не участвовать в склоках, но выносить из них максимальную выгоду. Род Доудсенов считался в России знатным, богатым и достаточно влиятельным. Накануне революции инстинкт самосохранения автоматически сработал у прадеда Александра — князя Аркадия Доудсена, который умудрился вывезти в Великобританию не только всю семью, но и большую часть имущества. Это позволило Доудсенам занять неплохое положение в английской аристократии. Положение это упрочил дед Александра Павел Доудсен — военный летчик, которому за заслуги во Второй мировой войне пожаловали титул пэра. Отец Александра сэр Петр Доудсен приумножил родовое состояние,

посвятив себя фармакологии и произведя на свет «Эликсир Доудсена», вот уже пятнадцать лет успешно спасавший англичан от изжоги, мигрени и бессонницы, связанных с перееданием.

Таким образом, Александру Доудсену вовсе не обязательно было заниматься каким-либо полезным делом, чтобы прокормить себя. Окончив сначала Итон, а потом и Оксфордский университет, он по-прежнему не знал, где применить свой интеллект, обогащенный классическими знаниями. В основном он его использовал на заумные рассуждения в курительной комнате лондонского аристократического клуба «Пеликан». Однако жажда деятельности, столь мучившая его, диктовала Александру искать себе достойное дело.

Химия его совсем не занимала, поэтому продолжить отцовский бизнес он не мог. Страстное увлечение его матушки Беллы Доудсен — журнал для молодых матерей «Моя крошка» — интересовал его еще меньше. Решение родилось неожиданно. Дядя Александра по матери Реджинальд Блэр владел транспортной компанией с громким названием Speed, не так давно открывшей свой филиал в Москве. Филиал приносил больше неприятностей, нежели доходов его владельцу. Каждый новый его руководитель, педантично засылаемый в Россию раз в два месяца, не выдерживал и возвращался в Лондон с грустным лицом, которое могло выразить лишь малую толику тех горестных мыслей, которые его обуревали. Спустя год российский филиал Speed уже заслужил сомнительную славу «ссылки», куда отправляли не слишком угодных начальству сотрудников.

Поднять транспортные перевозки в России на должную высоту англичане оказались не в состоянии. Однако, к ужасу своих клерков, Реджинальд Блэр показал себя настоящим спортсменом, решившим идти до победного конца. Он не желал верить в провал, а потому не соглашался с разумными предложениями советчиков закрыть представительство в Москве. Неделью назад в компании Speed назрел вопрос о засылке в Россию очередного директора.

По понятным причинам добровольцев не нашлось.

Как раз в этот судьбоносный для компании момент Реджинальд Блэр оказался в гостях у своей сестры Беллы Доудсен. Таким образом Александр Доудсен, вовремя показавший интерес к дядиной проблеме, неожиданно для всех стал новым директором филиала английской транспортной компании в Москве.

— Пусть попробует, — успокаивал дядя свою сестру, когда та, заламывая руки, принялась причитать о несостоятельности этого предложения.

Отец Александра лишь недоуменно хмыкнул и вернулся в оранжерею к своим любимым розам, коим посвящал последние десять лет гораздо больше времени, нежели сыну. Он вовсе не возражал против его решения, поскольку считал, что каждый, в ком течет русская кровь, должен побывать на родине предков. Сам он посетил Москву, Санкт-Петербург (в то время еще Ленинград) и города Золотого кольца с туристической компанией «Легкий ветер», увезя в Лондон смешанные ощущения от прикосновения к абсолютно чужой культуре. В семье Доудсен из поколения в поколение передавалось незыблемое правило: каждый из рода обязан свободно изъясняться на русском языке, дабы прочесть русских классиков в подлиннике. В этой странной семье всячески приветствовалось знание географии и истории России. Зачем все это нужно английским аристократам, никто из Доудсенов не задумывался. Просто так было заведено. И, отдавая дань традиции, Александр большую часть детства и отрочества провел за книгами. Теперь же сэр Петр Доудсен считал вполне логичным

решение сына посетить страну, история, география, литература и язык которой столь долго отравляли ему жизнь. Сам он не был русофилом и, не противясь явно устаревшей традиции наносить на семейство легкий налет России через принятые в этой стране имена, являлся обыкновенным англичанином. В нынешней ситуации он полагал, что сын не задержится на месте директора дольше своих предшественников и, вернувшись домой, займет достойное положение в английском обществе. Но Александра распирали горячий энтузиазм поднять филиал транспортной компании на должную высоту. И он готов был побороться за это со всеми врагами, сокрушившими его предшественников.

Рассказы бывших московских директоров, с которыми он успел встретиться, его не испугали и не привели в уныние. Он не слишком задумывался о важности своего визита в Россию. Знание языка, истории и географии, как он весьма объективно считал, было его козырем против незримых пока противников. Если бы он был знаком с культурой Филиппин, наверное, он схватился бы за место директора филиппинского отделения компании с тем же азартом. Он не мог сказать о себе, что очарован Россией заочно. Все, что он желал, так это победить. И географическая принадлежность поля битвы для него значения не имела.

И теперь в аэропорту душа его не затрепетала от родовой ностальгии. Он обозревал видимые просторы зала прилета, чувствуя себя викингом, ступившим на землю, чтобы завоевать ее.

— Только подумайте, Серж, — он повернулся к своему спутнику, огромному мужику, больше напоминавшему двустворчатый шкаф, нежели человека из плоти и крови, — со сколькими людьми нам предстоит столкнуться и не оставить следа в их судьбе. Размышляли ли вы когда-нибудь над этим?

— Угу, — пропыхтел Серж. — Только что столкнулся с какой-то мордой. Ну уж дудки! Я ему так в бок чемоданом заехал, что нипочем не поверю, если он будет врать, будто я следа на нем не оставил.

Александр поморщился. Манера его спутника выражать свои мысли, лишённая всякого изящества, была ему неприятна. Однако, что поделаешь: Серж — единственный русский, которого он знал. Во всяком случае, пока Потомок древнего рода покосился на спутника. Он познакомился с ним в самолете. Охарактеризовав его сразу «буйным типусом», он предпочел бы держаться от него подальше, однако судьба распорядилась по-своему. Их места оказались рядом.

Серж явился в самолет на пятнадцать минут позже означенного времени вылета. Плюхнулся в кресло с размаху, шумно выдохнул и заказал стопку водки. Александр подивился такому желанию нового соседа: судя по запаху, витающему вокруг этого господина, водки для середины дня он выпил уже предостаточно. Однако Серж залпом опорожнил принесенную стопку, икнул, хрюкнул и только после этого огляделся.

— Ба! — радостно гаркнул он, узрев рядом с собой потомка древнего рода. — Артисты! Александр инстинктивно оглянулся, ища кого-то рядом с собой. Потом растерянно развел руками. Почему его отнесли к театральной братии, это второй вопрос. Первым же был, почему его узрели во множественном числе.

— Из Большого? — Серж деловито насупил, продолжая пристально разглядывать его. — Почему не знаю?

— Может быть, потому что я не из Большого? — деликатно осведомился Александр.

— А-а-а... — несколько разочаровался Серж. — С Таганки?

— Да как вам сказать. — Доудсены всегда славились своим умением поддержать светский разговор, поэтому, поднапрягшись, Александр сделал все, чтобы не осрамить своих предков. — Я не артист. Вы меня с кем-то спутали?

— Певец? — сделал следующее предположение Серж.

«Все-таки странная манера заводить знакомство, — подумалось Александру. — Хотя, вполне возможно, довольно удобная для длительного полета. Пока он переберет все существующие профессии, мы как раз долетим до Москвы».

— Где выступал? — Серж бесцеремонно помял белый шарф Александра. — Отличный прикидон. Надо бы себе такой завести. Прямо лорд английский.

Тут Александр понял суть проблемы. И эта суть ему не очень-то понравилась. Он решил, что если не закончит затянувшееся представление, то в скором времени его начнут мять, пихать в бок, хлопать по плечу и трясти за руку. А этого он не выносил.

— Меня зовут Александр Доудсен. Я из Дербишира. Вы не знакомы с дербиширскими Доудсенами?

— Это как-то относится к породе собак? — Серж напряженно нахмурился.

— Никоим образом.

— А... — Лицо того просветлело. — Так ты англичанин! Вот уж нипочем бы не подумал. Давай выпьем за это!

— Простите, я не пью в такой час, — отрезал Александр.

— Водки! — рявкнул Серж.

Когда стюардесса принесла еще две стопки, Александр отрицательно мотнул головой, добавив, чтобы скрасить отказ:

— Прошу прощения.

— Ну... тогда ты хоть посиди со мной. — Серж склонился к нему и, доверительно шепнув, подмигнул, — Очень хочется выпить.

В общем-то, предложение соприсутствовать не выглядело вызывающим, учитывая то обстоятельство, что выхода у Александра все равно не было — самолет уже набирал высоту.

— Так чем нонче занимаются Деб... Деб... тьфу ты, леший. — Язык Сержа отставал от мысли. Наконец он нашелся, выпалив:

— Чем теперь аристократы занимаются?

Александр пожал плечами и улыбнулся. Улыбка вышла у него несколько кислой от сознания, что лететь с этим нетрезвым господином бок о бок ему предстоит не менее четырех часов. Он бы предпочел провести это время более плодотворно. Он согласен был даже на компанию пожилой леди, уже донимающей всех окружающих рассказом о своей внучке Милисенте, которая похожа на едва распустившуюся розу. К подобным характеристикам Александр научился относиться скептически, поскольку недавно его чуть было не женили на девушке, про которую все ее родственники, как один, трубили в трубы, что более дивной розы не встретить на всем побережье. Каково же было удивление юного Доудсена, когда его представили высоченной особе, телосложением напоминавшей оглоблю, с длиннющим носом и мутными глазами цвета старой пакли.

— Чего молчишь, отпрыск древнего рода? — Серж нетерпеливо дернул его за шарф.

— Лучше всего у аристократов получается есть и пить, — Александр невольно поморщился. Он с трудом переносил, когда его трогают.

— А-а-а, — разочарованно протянул собеседник. — Ну так для того, чтобы хорошо жрать, вовсе не нужно быть аристократом. Я вот, к примеру, совершенно не аристократ!

Александр подумал, что Серж мог бы и не упоминать об этом. И без того понятно.

— Вы коммерсант? — попытался догадаться он.

— Более или менее. Я, вишь ли, тоже человек с именем, — не без гордости сообщил

Серж. — Ну тебе-то, доходяге англицкому, мало что моя фамилия скажет, а вот в России Боброва знают прекрасно. Мой отец — бывший министр внешней торговли бывшего СССР. А я его наследник, соответственно.

— Тоже министр?

Серж фыркнул.

— На хрена мне это сдалось! Я вольный художник.

Александр опять напомнил себе, что Доудсены всегда славились умением поддерживать светскую беседу, а потому поинтересовался:

— Вы маслом пишете?

Удивительно, но подобное умозаключение вызвало смех русского:

— Ха! Чудаки вы, иностранцы! Маслом! Да я за всю жизнь не нарисовал ничего более оригинального, чем три известные буквы на заборе.

«Вольный художник» в наши дни может быть кем угодно. Лишь бы в штате не состоять.

— А-а-а, — протянул Александр и кивнул, хотя мало что понял.

— Я то там, то здесь. Везде состою, нигде не числюсь.

В основном в совете этих, как их, — он пощелкал пальцами, дабы взбодрить память, — не то попечителей, не то спонсоров, не то владельцев. В общем, везде по-разному.

Все дни заняты, на себя времени нет. Вот лечу, между прочим, тоже не просто так. Я в Лондоне был по делу.

Молодого Доудсена не слишком занимали дела Сержа, но чувство самосохранения подсказало ему, что сейчас лучше выслушать собеседника до конца.

— Друган мой там загремел за решетку, — зевнув, продолжал тот. — Пытаются пришить бедолаге, что он какие-то деньги перевел на подставные счета. Я им говорю: «Вы чо, мужики, патиссонов несвежих обхряпались?!» Юрчик — это дружок мой — и фразу-то «подставные счета» не выговорит. Он в банке сидит наместником. Дурак дураком и оболтус к тому же! А ваши зануды заладили: «Подставные счета да деньги из Чечни». В общем, сидит теперь Юрчик в английской тюрьме. И расследование идет полным ходом. Вот дурень.

— Но ведь это противозаконно...

— Вот я им то же сказал. Я говорю, Юрчик — русский мужик, так что пускай тухнет в русской тюрьме, в какой-нибудь Владимирской губернии. У меня ж на родине такие связи, что его, только моргни, отпустят.

А они — нет. Будет сидеть у нас. Меня к нему даже не пустили. Показали видеозапись, ну, чтоб убедились мы с его адвокатом, что он в порядке. Юрчик — умора. Комбинезон на нем оранжевый, рожа зеленая. Приперся в Лондон на встречу к зазнобе, а тут его так встретили. И ведь хрен бы с ней, с отсидкой этой. Все равно добьюсь, что его в нашу тюрьму переправят, а по-вашему, экстрадируют, значит. Жуть, как подумаю, что Юрчику светит, когда он домой вернется. Дело-то вскрылось, по всем каналам показали. Наши там с НТВ околачивались. А жена у Юрчика — бой-баба. Она ему устроит изоляцию почище всякой тюрьмы.

Александр мало что понял из этого душещипательного монолога, в конце которого Серж даже всхлипнул и шумно высморкался в салфетку, висящую на спинке кресла и предназначенную для головы пассажира. Однако Доудсен предпочел придать своему лицу

сочувствующее выражение.

— Слушай, друг, давай за Юрчика выпьем, — неожиданно взревел Серж, подзывая к себе стюардессу. — Ему, бедняге, очень тяжело без водяры. Он ведь ни дня без нее не жил, пока не зачалился.

Александр призвал к себе все мужество, но оно было сломлено напором русского. В такой ситуации любой Доудсен не стал бы испытывать судьбу. И, подчинившись диктату предков, юный Доудсен смирился.

Маша Иванова замерла на перроне Ярославского вокзала, с наслаждением вдыхая теплый, по северным меркам, воздух. Ноль градусов в октябре — это же просто сказка. В родной Инте, маленьком северном городке, уже снежные сугробы. Она закрыла глаза. На перроне пахло слякотью и беляшами. Маша представила себе маму, склонившуюся над ее письмом. Конечно, она будет плакать, а отец непременно пригрозит всыпать ей по первое число. Знай они о ее планах, ни почем бы не отпустили. Сейчас небось сердятся, обижаются.

"Но не прогуляться же я в Москву приехала, — оправдывала себя Маша, — Я же и для их будущего стараюсь. Вот стану звездой, и все будет хорошо!"

Маша действительно приехала не просто так. Не как туристка и не за шмотками. Она приехала навсегда. Она приехала покорить Москву и имела целью положить этот гордый город к своим ногам. Она хочет стать звездой и непременно добьется своего, чего бы ей это ни стоило.

А почему бы и нет? Она прекрасно поет, хорошо сложена, неплохо танцует, и в отличие от многих знаменитостей российской эстрады окончила музыкальную школу с красным свидетельством. В интинской студии звукозаписи она записала три песни на диск, сшила костюм, накопила аж пятнадцать тысяч рублей, что по московскому курсу — пятьсот долларов, а потому готова к штурму столицы. Зря она, что ли, пела в местном ресторане, потешая пьяных бизнесменов, которых только из страха не называют как положено — бандитами? Зря, что ли, целый год мужественно терпела ухаживания всевозможного сброда — ресторанных поклонников, которые на трезвую голову и имени-то ее не могли вспомнить? Так и звали Ledy in red за то, что пела на бис известную песню в красном до пят платье. Зря разве она скрывала от родителей, что вечерами работает в месте, которое отец — добропорядочный мастер шахты, а тем более мать — учительница стороной обходили? Зря врала и выкручивалась? Ничего подобного! Все у нее получится. Главное — талант. «Девочка с Севера, девочка ниоткуда», — пропела она гимн своей жизни. Именно с него все и началось.

Не исполни группа «Премьер-министр» эту песню на конкурсе Евровидения, может быть, и не собралась бы Маша Иванова в дальнюю дорогу. Не пришла бы ей в бессонной ночи шальная мысль бросить родительский дом и податься навстречу славе и богатству, о которых и мечтать-то было боязно. Поступила бы она следующим летом в Сыктывкарское музыкальное училище и окончила бы свои дни учителем фортепиано в Интинской музыкальной школе. Вышла бы замуж за какого-нибудь шахтера или бизнесмена средней руки, родила бы детей, и все, капут прекрасной мечте. Но песня прозвучала. Она узнала в ней знак от судьбы. Надо ехать, надо сражаться за свое будущее. И Маша начала готовиться к своему бегству.

Главный вопрос — деньги. Виталик — тот самый звукорежиссер, который и песни ее записал — подкинул работенку — привел Машу в модный, по местным меркам, ресторан

«Астория». Предупредил, что контингент еще тот, но платят хорошо. А то плохо — по сто пятьдесят рублей за вечер. После пяти «концертов» она справила себе то самое красное платье с глубоким вырезом на спине. До того эффектный наряд получился, что в ресторане даже ставку Маше увеличили — до двухсот рубликов. Копить на Москву стало легче. А как подкопила, сказала родителям, что едет на День открытых дверей в Сыктывкарское музучилище, а сама мотнула вон куда — на перрон Ярославского вокзала. Так что боись, надменная столица! Скоро ты будешь выть от восторга перед Марией Ивановой.

Потомок древнего рода зябко переминался на холодном московском ветру, с тоской вспоминая зеленые газоны родного Лондона, по которым причудливым узором были разбросаны разноцветные осенние листья. Октябрь в Европе — сочные краски, крупные мазки, пейзажи, наполненные глубоким смыслом...

— Ох! — невольно вздохнул Александр.

Он закрыл глаза... Из-под ног его уходила в высокое небо тисовая аллея. Любимый скакун, породистый, поджарый, едва касаясь копытами земли, нес его к огромному старому замку Матчингем, коим издавна владели дербиширские Доудсены. Сейчас юный отпрыск увидел свой отчий дом так ясно, что у него защемило сердце. Тонкие путы вьюна покрыли северную башню, отчего издали она кажется бархатной, восточная галерея уставлена цветочными горшками, и с ранней весны до поздней осени тут солнечно и многоцветно. Каминный зал с любимой картиной отца — большим портретом Алисы Доудсен, прабабки Александра, необыкновенно похожей на его мать. Библиотека, столовая и место его дислокации в отрочестве — конюшня с аккуратно развешанной сбруей и седлами...

— Куда едем?

Александр вздрогнул и, открыв глаза, уставился на усатого господина, по пояс высунувшегося из старого «Мерседеса».

— Ну, чего уставился, едешь или будешь дальше замерзать? — Господин расплылся в широченной улыбке.

«Природа распорядилась таким образом, что ни при каких обстоятельствах лицо этого шофера даже на секунду не может стать красивым, — подумал про себя сэр Александр Доудсен. — А его звериный оскал вряд ли служит визитной карточкой добропорядочного человека. Даже если не учитывать его красных прыщей и сильно выраженного косоглазия».

Он беспомощно огляделся, ища какой-нибудь другой автомобиль, но желающих везти в город больше не находилось.

Зато в ста метрах от него замаячила знакомая фигура недавнего попутчика.

— Эй! — кричал он, размахивая руками, словно орел крыльями. — Эй, аристократ хренов, айда в мою тачку.

Надежнее шофера не сыщешь! — Тут он с размаху ткнул себя кулаком в грудь. — Давай в «Метрополь», устриц нажремся, вспомним Англию!

«Ах, как было опрометчиво не сообщить в контору о своем прибытии, — запоздало пожалел Александр. — Хотел нагряться внезапно, вот она, цена неожиданности...» Он покосился на улыбающегося водителя.

— Давай не капризничай, турист, — хрипло подбодрил его тот. — А то околеешь!

Молодой Доудсен пожал плечами и шагнул к Мерседесу.

«Все-таки этот бандит лучше, чем пьяный в стельку Серж Бобров за рулем», — подумал Александр и, открыв дверь, забрался на заднее сиденье.

— От же! — непонятно по какому поводу возмутился усатый господин и со всей силы выжал педаль газа.

Машина рванулась с места, словно дикий мустанг.

Александра вдавило в спинку сиденья с такой силой, что он возблагодарил небеса, что его совсем не выкинуло на улицу.

— Вполне возможно, вам будет интересно узнать, что я не слишком тороплюсь, — тактично заметил он.

— Ха! А я так очень! — шофер хохотнул. — У нас время — деньги. Знаешь такую поговорку?

Они миновали турникет стоянки и, повернув налево, как-то сразу углубились в темноту. «Странно», — подумал младший Доудсен.

Впрочем, он был не из тех, кто скрывал интересующие его аспекты дела, если их мог разрешить находившийся рядом человек.

— Прошу прощения, — обратился он к водителю. — Но в Москву, если следовать указателю, надо было ехать прямо. По вон той, хорошо освещенной трассе.

— Вот умник, — неприятный усач опять хохотнул. — У нас только дураки по этой дороге ездят. Далеко и дорого. И долго, везде пропускные пункты поставили. Да, — тут он от безнадежности махнул рукой, — чо тебе объяснять-то. Все равно не поймешь. По этой дороге короче, и баста.

Тем временем машина миновала редкие световые островки. Где-то далеко еще виднелись огни Шереметьево, но они были настолько далеки, что уже казались чем-то не вполне реальным.

— Прошу прощения. — Александр нервно озирался по сторонам. — Вы хорошо уяснили, что мне нужно именно в Москву? Не на Бородинское поле, ни на Марсово и ни на Поле Чудес, а именно в Москву.

— Вот чудак. Заладил, как три сестры: в Москву, в Москву! Будет тебе Москва, — несколько возмущенно проворчал косоглазый шофер.

— Вы любите Чехова? — удивился младший Доудсен.

— Оскорбляешь! — неожиданно обиделся усатый. — Я те не гомика какой-то. Никакого Чехова знать не знаю. Не встречался ни разу. Я ваще баб люблю.

— Хм... Но вы цитировали... — озадачился наследник древнего рода. — Я подумал, что вы хорошо знакомы с творчеством этого писателя. Простите за мой русский. Он требует некоторой практики.

— Писателя! Да это присказка такая у нашего босса.

— Он, видно, начитанный человек...

— Да, башковитый. Тем и живет. Если б не его мозги, то сидеть бы нам всем в выгребной яме под деревней Большие Писецы.

Из всего сказанного Александр понял лишь то, что босс шофера вполне устраивает. Однако речь этого усача ему не понравилась. Не ожидал он найти русский язык в таком упадке. Сколько лет он просидел в отцовской библиотеке, пытаясь найти ответ на вечные вопросы Чернышевского и Добролюбова, разгадывая тайны рифм Пушкина и глобальный смысл каждого предложения Толстого. И зачем, спрашивается? Уже второй встреченный им носитель «великого и могучего» языка выражается таким образом, что у вышеуказанных деятелей словесности давно бы животы с досады скрутило.

— Прошу прощения, — отпрыск знатнейшего рода решил не думать над тем, что

приводило его в столь огорченное состояние, и поменял тему, — Долго ли нам еще ехать?

— Ась? — водитель вдруг усмехнулся и радостно сообщил:

— Да мы уже приехали!

— Приехали?! — искренне удивился сэр Доудсен, пялясь в ночную мглу.

Не успел он как следует осознать, что происходит, как шофер резко притормозил у обочины. В это же мгновение из тьмы к машине метнулись два серых призрака и, резко распахнув обе задние двери, преобразились в двух типов неприятного вида, кои и зажали между собой несчастного аристократа.

— П-прошу п-прощения... — пролепетал тот.

— В тесноте, да не в обиде, — хохотнул левый бывший призрак — мужик средних лет, всем своим видом напоминавший сильно удивленную треску.

— Ну-кася, кто тут у нас? — Правый бывший призрак оказался рыжим парнем в круглых очках. Ни дать ни взять деревенский пастушок. Именно таких, словно по высшему указанию, изображали все художники в учебниках по русской грамматике. Только очков на рисованных мальчишках не было.

— П-потрудитесь объяснить, в чем дело, — потребовал Александр.

Впрочем, он уже прекрасно понял, что случилось, — его внезапно атаковали и теперь собирались ограбить. Дальнейшая же его перспектива в аспекте новой встречи представлялась ему весьма неприятной. Вполне возможно, после ограбления эти трое решат его прибить.

Противозаконные акты, совершенные над личностью, молодой Доудсен не одобрял. Если учесть, что противозаконный акт собирались совершить над его личностью, несомненно, ему дорогой, то можно понять, насколько сильно восстало все его существо против этого. Его пальцы лихорадочно отвинчивали набалдашник трости — его единственное оружие. Конечно, он пожалел, что не взял в дальнюю дорогу револьвер. Но что толку тосковать по несбыточному — в самолет его даже с тростью пускать не желали. Спас лишь билет первого класса. Летел бы в экономическом, пришлось бы отослать трость домой.

— Ты только послушай этого олуха, как девка прям! — совсем некстати воскликнул тот, кто походил на удивленную треску.

Сэр Доудсен покраснел от возмутительного сравнения и осторожно снял с левой руки кожаную перчатку.

— Молчи, смерд! — хохотнул рыжий и в доказательство, что он обратился именно к Александру, сунул ему кулак под нос.

— Чего, прям тут обыщем? — деловито спросил косой водитель. — Глушить будем?

— Господа, — ровным голосом, чтобы не выдать бушевавших в нем эмоций, обратился к новым знакомым молодой аристократ. — Не будете ли вы столь любезны обозначить мне суть вашей проблемы...

— Нашей проблемы?! — перебил его рыжий, и все трое дружно загоготали.

При этом тот, кто сильно смахивал на треску, пару раз двинул его кулаком в бок. Его явно дружеский жест оказался весьма ощутимым. Александр стиснул зубы, чтобы не застонать от боли, и от всей души возблагодарил небеса, пославшие его в Россию к началу зимы, что побудило его надеть пальто из плотной ткани.

— Нашей проблемы! — всхлипнул шофер и смахнул со щеки слезинку. — Ох, Петросян, прям!

Александр решил продолжить разговор:

— И все-таки, господа, вы ведь желаете получить всю мою наличность? Я с удовольствием вам ее предоставлю. К сожалению, у меня ее не так много, поскольку большую часть отпущенных мне средств я привык держать на карте...

— О наличности забормотал! — обрадовался трескообразный и снова пихнул Александра в бок — Братец, да мы у тебя и наличность возьмем, и пальто твое, и даже шляпу. Понял?!

Сэр Доудсен в очередной раз ощутил боль в правом боку. Впрочем, это уже не было для него неожиданностью, а потому он смирился с неприятным побочным эффектом общения с правым оппонентом.

— Значит, так, братья, — неожиданно посуровев, распорядился водитель. — Глушите этого жмурика, а то он сейчас нам «Гербалайф» попытается продать. Говорливый, зараза!

Александр напрягся всем телом, судорожно соображая, кому следует нанести первый удар. Он отлично понимал, что его сила во внезапности. И если один из противников сообразит, в чем дело, его надежда на спасение рухнет.

— Черт, фары сзади, мать их, — проворчал рыжий, — надо бы переждать.

Машина наполнилась желтым светом, исходящим от подъезжавшего автомобиля.

— Сиди смирно, — родственник удивленной трески опять ткнул его в бок.

Это был предел. Александр аккуратно выдохнул, чтобы освободить себе поле для действия.

— И не... — начал было рыжий, но хлопнул и резко откинулся назад.

Черная перчатка метнулась вправо. Описав дугу, с треском врезалась в переносицу трескообразного. Тот тоже хлопнул и отвалился к заднему стеклу. В следующую секунду удар настиг затылок водителя.

— Та... — удивленно изрек тот и ткнулся лбом в руль.

Александр вынул из перчатки железный набалдашник и принялся ввинчивать его на место.

К его удивлению, в этот момент левая дверь распахнулась, и в салон ворвался знакомый запах перегара.

Сэр Доудсен обратил свой взор ко вновь прибывшему и приветливо ему улыбнулся:

— Дорогой Серж, я рад вас видеть.

— Хм, — Бобров хмуро оглядел поле боя, взял за волосы водителя, откинул его голову, чтобы рассмотреть на свету, покачнулся и процедил:

— Знал бы, как ты со знакомыми обращаешься, не стал бы с тобой знакомиться. Ван Дамм, твою мать, доморощенный. А с виду не скажешь. Я-то думал, тебя соплей перешибить можно.

— Прошу прощения...

— Ой, только не начинай, все равно не поймешь! — скривился Серж. — Вылазь из этого морга лучше.

Уже на улице Бобров усмехнулся и хлопнул его по плечу, вложив в силу удара всю свою безудержную радость:

— Ну, брат, ты молоток! Я-то ведь спасти тебя поехал.

Мы ж прям за твоим «мерсом» пристроились у пропускного пункта, гляжу, а эта тварь тебя не в Москву, а вокруг Шереметьева повезла. Я думаю, чего он в глушь-то поперся? Точно дело нечисто. Ну, и мотанул следом.

— Огромное спасибо вам, Серж, — от души поблагодарил его Александр, потирая

плечо. — Не будете ли вы столь любезны подбросить меня до гостиницы?

— Ха! Нравятся мне твои обороты, едренить! — взревел Серж. — Экзюпери читал?

— В детстве...

— Вот и я тоже. Помнишь, там выражение было, не помню чье: мы в ответе за того, кого приручили. Я тебя приручил — знамо дело. Я ж тебя от смерти спас! Верить?!

Александр бросил взгляд в салон Мерседеса и улыбнулся:

— Бесспорно.

— А то! Если б я вовремя не подоспел, ты бы уже в кустах валялся без шляпы и ваше без башки. Так что я тебя спас, я тебя в мире этом оставил, а значит, теперь за тебя ответственность несу. Может, тебе в самый раз сейчас по судьбе было к твоим высокородным пращурам отправиться, а тут я! Получается, теперь все, что ты на Земле на нашей натворишь, — это и моих рук дело. — Серж по-отечески его обнял и повел к своему огромному джипу. — Знаешь, мне прям уже нелегко от такой ответственности. Ты ж, оказывается, парень не промах! Всяких дел натворить можешь. В общем, свой парень. А у меня дар. Я своих за сто метров узнаю. Гляну на человека и сразу могу сказать: свой он или нет. Я ведь чего за тобой поехал? — Он открыл дверь и впихнул младшего Доудсена в салон. — Был бы ты дерьмом каким, так, по мне, хоть совсем пропади. А я ведь сразу понял, что ты свой. Точно тебе говорю.

Третий день Маша Иванова тщетно пыталась найти работу. Страх, что деньги закончатся раньше, чем подвернется заработок, уже грыз ее изнутри холодными стальными зубами. Две ночи она не спала, ворочалась, думала, даже плакала в подушку. Тихонечко, чтобы бабка за стенкой не услышала, не осерчала на квартирантку. Впрочем, переполох-то рано еще было устраивать. Если посмотреть на дело объективно, все пока устраивалось неплохо.

С Ярославского вокзала Маша напрямик направилась в Бибирево по адресу, который ей дал вездесущий Виталик.

Звукорежиссер так проникся к юной искательнице славы, что созвонился с другом, который в Москву уже давно уехал, попросил помочь с устройством. Вот к нему Маша и отправилась. Ехала, тряслась. Виталик предупредил: мол, Коля — московский знакомый — человек со странностями. Одним словом — художник. Малюет всякий ширпотреб, который продает возле ЦДХ на Крымском валу, а сам мечтает создать великое полотно. И никак не может найти подходящую натурщицу. А потому тягает каждую встречную, уговаривает позировать. И позы-то ему какие-то срамные нужны. Даже представить стыдно. А Маша, несмотря на то что год в бандитском ресторане пела, сумела остаться девушкой порядочной. И наказ Виталика никаким уговорам не поддаваться, на ночь не оставаться ни в коем случае усвоила хорошо.

Коля оказался низкорослым типом, лицом напоминающим давно не стриженную пегую болонку. Пахло от него соответственно. По дому он расхаживал в плюшевом халате до пят, цвет которого можно было определить, разве что хорошенько его постирав.

Внутри двухкомнатной квартирki слышался гомон и женское хихиканье.

— Будешь пятой, — объявил он, оглядев ее с ног до головы.

— Натурщицей? — испуганно пискнула будущая звезда, чувствуя, как все ее внутренности сковывает холод.

— Натурщицей... — Художник еще раз оглядел ее и брезгливо фыркнул, — Не-е... У

тебя мослы торчат, из-под пуховика видно. Мне нужна особа мясистая, породистая. Ты в этом смысле отдыхаешь.

— Фу! — облегченно выдохнула путница и протопала к голосам.

— Новенькая, — объявил Коля, втолкнув ее в тускло освещенную комнату, где на нее уставились три пары глаз. — Еще одна дурочка притащилась Москву покорять.

— На хрена? — вяло удивился абсолютно лысый парень в растянутом по богемной моде синем свитере.

— Павел, — отрекомендовал его хозяин квартирки. — Почти актер ТюЗа.

Павел самодовольно усмехнулся и протянул Маше нечистый стакан:

— Водку пьешь?

Она отрицательно мотнула головой.

— Н-да... — разочарованно протянул тот и хмыкнул, — Как знаешь, второй раз в Москве не предлагают. Уламывают девушек на периферии.

— Ой, блин, штучка ты наша столичная. Пальцы веером, слюни во все стороны. — Рыжая девица точно в таком же свитере расхохоталась и, схватив Машу за руку, усадила ее рядом с собой на потертый диван. — Где остановилась?

— Я? — Та никак не могла прийти в себя. Она понятия не имела, что будет с ней дальше в этой компании. Ехала, наивно надеялась, что ей сейчас адресочек дадут, где она остановиться может, а тут компания нетрезвая...

— У тя тут родственники имеются? — настаивала девица;

— Катька, отвяжись от нее, — буркнул Коля и, сев на диван с другой стороны, покровительственно возложил руку на Машино плечо. — Позвони лучше соседке своей.

Помнишь, ты болтала про бабу Ньюру, которая постояльцев ищет за скромную плату и работу по дому? — Он ущипнул Машу за щеку. — Ты убирать-то умеешь? Полы там мыть, окна драить?

— Конечно, — Ей было страшно неприятно, что ее в незнакомой компании обнимают и щиплют за лицо, но она ничего поделать с этим не могла. Тут свои законы.

Попробуй взбунтуйся, выгонят, не примут. И что ей тогда делать? На вокзале ночевать?

А Катерина-душечка уже набрала номер телефона.

— Баб Ньюр, приветики. Квартирантка еще нужна? Порядочная девушка, даже водку с нами пить отказалась.

Приехала только что. Откуда? Да из Сибири...

— Нет, я из Коми. Это на Севере, до Уральских гор... тихо поправила ее Маша.

Лысый Павел хохотнул и подмигнул ей:

— Какая теперь разница, а?

— И правда, никакой. — Маша задумалась. Она теперь без роду и племени. Она просто серая масса под ногами равнодушных москвичей, которой нужно сильно постараться, чтобы обрести имя, родину, жизнь... Сможет ли она?

— Колька, это ты про нее рассказывал? — подала голос хрупкая блондинка в джинсовом костюме. И, не получив ответа, повернулась к Маше:

— Меня Асей зовут. Это ты поешь?

— Я пою.

— Чо поешь? Есть что послушать?

— Да, на диске.

— Неси, — скомандовала Ася.

Маша вскочила с дивана, метнулась к сумке, вытащила диск, протянула ей. Та по-хозяйски спокойно подошла к старенькому музыкальному центру.

Вьюга, вьюга, холод и стужа,
Я умоляю тебя, ты мне не нужен,
Я отдаляюсь к небу, за тучи,
Дальше, дальше, забыться, забыться,
Дальше, дальше, не мучай, не мучай,
Отпусти-и-и-и...
К ветру, к холоду,
Отпусти-и-и-и...
Куда угодно,
Только отпусти-и...
Хватит мучить,
Отпусти-и-и-и...

Маша слышала свой далекий голос. Сердце ее остановилось.

"Господи, сейчас скажут, что все это бред и гадость.

Что я тогда? Господи, пусть уж лучше молчат. Пусть подожмут губы, усмеваются, пусть сделают вид, что ничего не слышали, только бы молчали..."

— Ничо... — Коля вдруг одобрительно кивнул. — Сыро, но ничо. Душа чувствуется. Музыка чья?

— Моя. — Маша ощутила, как по телу разливается тепло. Только сейчас она поняла, что начала отогреваться.

Боже! До чего же у нее пальцы холодные. А виски пылают. И дышать нечем. Душно в комнате! Накурено!

— Знаток, мать твою! — огрызнулась Ася. — Голос у тебя хороший, Маш. И песня хорошая. Но для первого шага не годится. Тебе бы попроще репертуарчик. С таким в клуб сразу не возьмут. Эту песню нужно потихоньку вворачивать.

— Аську слушай, — улыбнулся Павел. — Она в этих делах профи.

— Все, бабка согласна, — неожиданно объявила рыжая девица и грохнула трубкой по аппарату. — Пиши адресок.

— На, позвони мне завтра часа в три дня, я тебе места подкину, куда сходить, — Ася протянула ей бумажку. — Только раньше не звони, я по ночам работаю, днем отсыпаюсь. И не вздумай припереться к работодателям с такой песенкой. Выставят. Лучше спой вживую им что-нить.

Ну, там, из Пугачевой или Булановой. Задом вертеть умеешь?

— В каком смысле?

— В прямом. Если умеешь правильно вертеть задом, то пой из Апиной. Народ эту дрянь обожает.

— Я тоже спрашиваю. — Коля убрал руку с Машиного плеча и, взъерошив бороду, неожиданно изрек, — А может, я тебя все-таки напишу...

— Е-п-р-с-т, в корягу, ишь как проняло, — расхохоталась рыжая Катька. — Валяй, Машунь, считай, что ты принята в наш Северный клуб взаимопомощи и моральной поддержки. Собираемся по нужде любого члена.

— На и мой телефон, — Павел протянул ей настоящую визитку, опять подмигнул, — У меня приятель на курсе подрабатывает по кабакам. Он в свое время Аську пристроил.

Может, и тебе поможет.

— Спасибо. — Маша готова была плакать от счастья.

Столько у нее теперь добрых друзей в Москве. А ведь еще час назад она ехала по чужому бездушному городу. — А почему вы себя Северным обществом называете?

— Так мы же все оттуда. — Коля протянул руку, включил чайник. — Катька, дай-ка чашку новому члену. Я из Инты, Аська из Печоры, Катька с Пашкой из Кулоя. Земляки. Стараемся вместе держаться, чтоб легче выживалось. Ну, всяким там студентам-технарям мы не друзья. Мы люди творческие. Был у нас еще Серега из Сыктывкара, только он теперь зазвездил и отошел.

В его голосе явственно слышалась обида.

— Да, забыл нас, — Катька вздохнула. — Впрочем, у них, у педиков, свои правила. А модельер он тем не менее хороший.

— Я была неделю назад на его показе. — Аська блеснула глазами. — Сделал вид, что не узнал. Собака.

— А можно я в кабаках буду показывать песни Ирмы Бонд? — осторожно спросила Маша. — Я все ее песни очень хорошо знаю.

— Все четыре? — Аська рассмеялась. — Нравятся?

— Да, — честно призналась Маша. — Мне кажется, она очень яркое явление на эстраде. Просто звезда.

— Ну-у... — протянула Катька. — Тривиальные кабацкие песенки. И голосок — так себе. Хотя какая, хрен, разница, фанера все вытянет. Вот найти бы такого продюсера, как у этой замарашки Ирмы...

— Я не согласна, что она замарашка. Она прирожденная звезда.

— Ха! — снова возмутилась Катька. — Гонору у нее на трех Пугачевых хватит, сиськи торчат, спина узкая. И все достоинства. У нее продюсер, которого даже у вышеуказанной Пугачевой нет. Он ее нашел, сделал и раскрутил.

А вот зачем ему это нужно было... Не знаю...

— В ней есть что-то особенное, — тихо проговорил Павел. — В ней есть харизма.

— Но петь-то она не умеет! — парировала Аська.

— А на эстраде и не нужно хорошо петь, — со знанием дела ответил Павел. — Харизма — это козырная карта.

— Мне бы встретить где Аркадия Нестерова — великого папашу-продюсера, я б ему все свои харизмы показала, — Аська мечтательно закинула голову.

— Да нет у тебя харизмы, — сурово обрубил ее Павел. — Харизма — это природный дар. Это ядерный реактор внутри человека. Можно стать артистом и без харизмы, но без нее не стать звездой. К тому же Нестеров — это мыльный пузырь. За ним другой человек стоит.

Маша испугалась. Есть ли у нее эта загадочная харизма? И что это вообще такое? Группа крови? Не слышала о такой. Состояние души? Как ее искать-то в себе?

Она и сейчас, борясь с холодом в полупустом троллейбусе, пыталась нащупать в себе тайные ростки этой самой харизмы. Три дня прошло, как Маша в Москве. Поселилась в чистенькой комнатке двухкомнатной квартирки (спасибо Катюше-ангелу). Хозяйка — бабушка подозрительная и сварливая, но, в общем, мирная. Заявила сразу, что не потерпит двух вещей: гостей и грязи.

Первый день пребывания на новом месте Маша посвятила уборке. Драила старенький кафель в ванной, унитаза и раковины от ржавчины отчистила, полы вымыла, даже окна

газетой протерла, чтобы блестели. А два следующих дня колесит по всем московским увеселительным заведениям. Десять — в первый день, двенадцать — во второй.

И все мимо. В половине мест, адресами которых ее снабдили новые друзья, певицы вообще не требовались. Предлагали стать официанткой. Маша отказалась — успеет еще. В остальных ресторанах и клубах уже все дни за кем-нибудь числились. Сегодня французское трио выступает, завтра «Шансон-дуэт», и так далее. И главное, в каждом кабаке ее спрашивали про опыт работы. «Где вы еще поете? Ах нигде... Ну, тогда и нам не нужно. В интинской „Астории“? Не в Москве? Всего хорошего, девушка». Ни один менеджер даже спеть не попросил. С наступлением ранних осенних сумерек Маша уже и надежду на устройство потеряла. Хоть и успокаивала себя в душе, что не все потеряно, что клубов и ресторанов в Москве больше, чем потенциальных посетителей, все равно было страшно.

Плата за комнату не маленькая — три тысячи. Еще месяц, и придется садиться на жесткую диету: хлеб и вода. Иначе не выжить в Москве. Одна дорога сколько денег сжирает.

Метро — семь рублей в один конец, наземный транспорт — столько же. Только вытаскивай из кошелька да отстегивай.

А каково тому, кто Москвы не знает да по ошибке не в тот транспорт садится? Эх, и дорого же в Москве ошибаться.

«Нужно бы родителям позвонить, — подумала Маша, открывая дверь клуба „Фламинго“. — А что мне им сказать? Сообщить-то пока нечего...»

Потомок древнего аристократического рода кисло поморщился, мотнул головой и вновь уставился в монитор компьютера. Голова у него гудела. В который раз он давал себе обещание больше никогда не проявлять слабость в общении с Сержем Бобровым, которое неизменно заканчивалось отвратительным утренним похмельем. Александр с тоской подумал, что уже третий день в Москве, а из всех красот этого замечательного (как он вычитал в книгах) старинного города он видел лишь три ресторана, по сути, ничем не отличавшихся от любых других в Европе.

«Нет бы прогуляться по Красной площади или посетить Большой театр, — ругал себя сэр Доудсен, мужественно преодолевая тошноту. — Я же как последняя свинья, да простят меня эти благороднейшие создания, ем и пью! Кошмар! Где мое благоразумие?!»

«Если так и дальше пойдет, — пришел он к мнению, — я закончу свою бесславную жизнь, так и не оставив в ней хоть какой-нибудь значимый след. Ну, разве что в полицейских отчетах, вернее, в милицейских, нужно привыкать к местному диалекту».

Александр снова поморщился. Несмотря на строгие выговоры, голова его все равно гудела, кабинет плыл перед глазами, а тело взывало придать ему лежачее положение. Потомок гордых Доудсенов изо всех сил старался не пасть духом.

«В конце концов, у меня есть дело!» — напомнил он себе, с ужасом понимая, что дела как таковые совсем перестали его интересовать. А ведь, казалось бы, как все хорошо складывалось. У него прекрасный офис, под его началом замечательный коллектив, который принял его с воодушевлением... Тут его физиономию перекосила самая кислая гримаса, на которую только он был способен. Он прекрасно понимал, что его попытки приободриться терпят неудачу. Москва встретила знатного англичанина вовсе не так радушно, как он ожидал, держа в памяти календарик, купленный отцом в гостинице «Интурист» в год своего посещения столицы бывшего СССР. На календарике славянская красотка в кокошнике, из-под которого стекала на ее плечи толстенная русая коса, держала огромный каравай. И при этом ласково улыбалась. Под красоткой располагалась надпись: «Добро пожаловать!»

Так вот, теперь Александр не ощутил и толики того календарного гостеприимства. Народ по Москве ходил по большей части хмурый, а местами даже злой. Жители российской столицы, словно сговорившись, постоянно норовили наступить потомку древнего рода на ногу, тем самым привести с трудом доведенные до блеска ботинки в полную непригодность. Квартира, арендованная фирмой как уютное прибежище директора московского филиала, где он мог бы расслабиться, забыв о невзгодах трудного рабочего дня, совершенно не оправдывала возложенных на нее надежд. Едва Александр переступил порог, ему показалось, что он чуть не врезался лбом в противоположную стену холла. Конечно, глупо было сравнивать московскую квартиру с замком Матчингем в Дербишире. Младший Доудсен прекрасно понимал, что на Земле полно домов, сильно уступающих размерами его родовому поместью. Но то, что жилище, предназначенное для человека, походило на собачью конуру, — этого он никак не мог принять. Он обошел все три комнаты и, снова выйдя в холл, обратился к своему заму Виталию с немым вопросом.

— Хм... — Виталий почесал лысеющий затылок. — Обычно в таких квартирах обитают целыми семьями. Можете мне поверить, для Москвы у вас шикарные жилищные условия.

— В каком смысле? — Александр не хотел ему верить.

— Вы не видели стандартных квартир, — Виталий усмехнулся.

Таким образом, в распоряжение потомка всех славных Доудсенов досталась квартира в центре города на набережной реки Яузы в новом высотном доме из красного кирпича с зеленой крышей — ужас для любителя английских просторов и предмет зависти коренных москвичей. Новое рабочее место тоже встретило Александра неласково. Главное здание компании международных перевозок Speed располагалось в огромном здании викторианского стиля в Сити на улице Тренидл, а это практически в деловом центре Лондона. Внутри этого архитектурного шедевра просторные коридоры, вместительные офисы для клерков среднего звена и шикарные кабинеты директоров. В самом его сердце, на пятом этаже, находятся конференц-зал и святая святых компании — кабинет ее владельца и бессменного руководителя Реджинальда Блэра. Роскошь и простор здания утвердили молодого аристократа в ошибочном мнении, будто бы и все филиалы обладают вместительными офисами и внушительными кабинетами. Московский филиал, к его разочарованию, представлял собой убогую комнатенку, в которой разместился весь персонал: два менеджера, заместитель директора — вышеуказанный Виталий и секретарша. К комнатенке примыкала еще меньшая каморка, единственным достоянием которой являлось маленькое грязное оконце. Возле него Александр нашел письменный стол, на котором стоял до того старый компьютер, что его впору было поместить в музей древностей, и продавленный предыдущими директорами стул. Подчиненные встретили его без особенного энтузиазма. Менеджеры скупно поздоровались, а секретарша, оценив его взглядом, криво усмехнулась. Правда, уверенная русская речь из уст вновь прибывшего англичанина, с которой он обратился к сотрудникам, их слегка позабавила. Но в целом атмосфера осталась гнетущая. Работники привыкли к частой смене руководства, а потому не возлагали на нового босса никаких надежд.

"Этот красавчик, — скорее всего, подумали они, — упорхнет домой раньше, чем мы запомним, как его зовут. Разве он чем-то отличается от своих предшественников? Так стоит ли тратить на него свое гостеприимство? Стоит ли выказывать радушие, хотя бы из корыстных побуждений продвинуться по служебной лестнице, если месяца через три на его место придет новый и нужно будет все начинать сначала?"

Александр решил не падать духом.

«Пускай они пока не верят в меня, — рассудил он. — Предоставлю им право судить обо мне по делам, а не по словам».

И он поздравил себя, что решился на шаг поистине смелого человека. Кое-как устроившись в пыльной каморке, он вызвал к себе своего заместителя. Тот явился и за неимением второго стула уселся прямо на край стола. Молодой аристократ приложил большие усилия, чтобы удержаться от замечания в его адрес. Лишь воспитание, полученное в Итоне, помогло ему сохранить хладнокровие.

— Как идут дела в филиале? — спросил он, стараясь напустить в голос побольше дружелюбия.

Лысеющий Виталий наморщил лоб, словно вспоминая, что означает это забавное слово «дела». Потом ухмыльнулся в торчащие во все стороны усы, которые у человека с хорошим вкусом не могли не вызвать отвращения, и изрек:

— Как могут обстоять дела... В прошлом месяце у нас было два крупных заказа на перевозку комплектов мебели для магазина «Ваш дом» из Финляндии. Каждый раз ходили три фуры. Фуры — это такие громадные машины.

В этом месяце заказов пока не поступило.

— С какими организациями вы работаете? — задал очередной вопрос новый директор.

— Да со всеми. Магазины, базы, склады... Проблема в том, что они-то с нами работать не хотят.

— Но компания Speed славится надежностью и быстротой доставки любых грузов. — Александр с интересом посмотрел на Виталия. — Вы, надеюсь, доходчиво объясняете это клиентам?

— Господи боже! — Зам всплеснул руками. — Да им плевать на нашу надежность и быстроту. Все дело в «крыше».

— В крыше? — молодой аристократ невольно поднял глаза к потолку. — О какой крыше вы говорите?

Простой вопрос вызвал у усача неадекватную реакцию. Он хлопнул себя по колену и, сверкнув взглядом, вскричал:

— Да вы продвинутый начальник, как я погляжу! Наконец-то нам прислали кого-то более развитого в интеллектуальном смысле, чем все прежние лондонские лопухи!

Несмотря на то что подобная характеристика не могла не польстить молодому искателю славы от деяний своих, он предпочел уточнить:

— С чего вы так решили?

— Как же! Ведь все прежние задавали один и тот же тупой вопрос: «Что, крыша протекает?»

Александр своим, как выяснилось, судьбоносным для него вопросом: «О какой крыше вы говорите?» — каким-то непостижимым для него образом сумел расположить к себе этого странного человека. Но вся проблема заключалась в том, что он хотел узнать примерно то же, что и его предшественники. Он понятия не имел, в каком еще смысле может употребляться слово «крыша». Однако раз уж судьба к нему решила быть столь благосклонной, он не стал ей мешать, а потому и не прояснил ситуацию.

Виталий же, наоборот, сдерживаться не стал, и информация полилась из него как из рога изобилия:

— Рынок забит компаниями, желающими перевозить грузы. Каждый клочок русского бизнеса, где что-нибудь продают или покупают, просто на вес золота. Спрос явно превышает предложение. А потому существует конкуренция.

— Хм... — Пока молодой босс все понимал. — Так и должно быть. В таких случаях нужна хорошая реклама, солидное имя (а у компании Speed оно имеется) и, конечно, рекомендации клиентов...

— Вот! — импульсивно перебил его Виталий, что повергло выпускника Итона и Оксфорда в длительный ступор. Он не привык к взрывным диалогам, когда оппонент перебивает тебя на полуслове. Он рассчитывал произнести речь минут на двадцать, которая бы определила задачи филиала на текущую неделю. Но теперь вместо шефа, захлебываясь собственной энергией, тараторил его заместитель. — Именно рекомендации играют решающую роль в России. Рекомендации определенных людей, которые приводят больших, то есть богатых клиентов. Кроме того, они обеспечивают безопасность на дорогах и прочие необходимые услуги. Например, «зеленый коридор» на таможнях. Эти люди и есть «крыша». Без них в России и плюнуть с выгодой не дадут. Никто не станет с вами работать, пока вы не добьетесь рекомендаций этих важных людей.

— Н-да... — Александр попробовал рассуждать вслух. — Если так обстоят дела, то... в

конце концов, это поправимо... Мой отец прекрасно знаком с послом Великобритании в России. А наш босс Реджинальд Блэр еще в давние времена был представлен бывшему президенту России, когда он был в нашей стране с визитом. Кроме того, моя тетя в прекрасных отношениях с женой бывшего посла Швейцарии в Великобритании, муж которой недавно стал...

— Господи боже, о чем это вы! — не выдержал Виталий. — При чем тут послы, президенты и их жены? Нужно звонить Ваньке Кривому, и все дела!

— К-кому, позвольте? — Потомок древнего рода поперхнулся.

— Ваньке Кривому! — к его ужасу, повторил заместитель. — Это первый советник Бессмертного. Можно сказать, его правая рука.

— Ха! — сдержанность не была одной из благодетелей Сержа Боброва, а потому он выражал свои чувства громко и искренне.

Своим зычным «Ха!» он отреагировал на рассказ Александра о предложении Виталия позвонить какому-то «кривому Ваньке», чтобы наладить работу филиала английской фирмы в России.

Они опять сидели в ресторане. Серж с энтузиазмом поглощал жаркое из баранины, а потомок английских аристократов с кислотой во взгляде таращился на устрицы, пытаясь заставить себя поужинать. Есть ему не хотелось. Завидный аппетит, которым так славились все его предки, сегодня покинул младшего Доудсена. Причиной тому было нервное расстройство. Длительная, но неплодотворная беседа со своим заместителем, в ходе которой последний живописал деяния некоего господина Бессмертного и его подручного Ваньки Кривого, окончательно убедила молодого аристократа, что он совершенно не разбирается в российском бизнесе. Он не мог понять, кто такой этот Бессмертный и почему его слово есть закон даже для министров этой странной страны. И самое важное, чего он не мог взять в толк, — это с какой стати великий человек с громкой фамилией Бессмертный вдруг, сломя голову, примется выполнять просьбу плюгавенького господина с дурацкими усами, который и есть-то всего-навсего заместитель директора небольшого филиала английской транспортной компании.

— Ха! — еще раз лаконично высказал свое отношение к услышанному Серж и залпом выпил стопку водки.

Александр невольно поморщился.

— Я те вот что скажу, — сообщил Бобров, отфыркиваясь, — дело твоё — дрянь.

Младший Доудсен с удивлением уставился на собеседника. Странно, что тому и в голову не пришло, что человек, равнодушно созерцающий устрицы, вместо того чтобы наслаждаться этим превосходным яством, скорее всего, поступает так, потому что понимает: его дела — именно дрянь. В лондонском клубе «Пеликан», уютном прибежище молодых аристократов, ни у кого бы сомнений не вызвал столь вопиющий признак его дурного душевного состояния.

Но Серж Бобров не был членом клуба «Пеликан», поэтому лишь хмыкнул и продолжил:

— Самое удивительное, что хлыщу этому, Ваське Бессмертному, фамилия от рождения досталась. Люди жизнь кладут на такую кликуху, по зонам сидят, имидж зарабатывают... Не-да, а этот с младенчества попал на все готовенькое. Повезло, одним словом. Правда, фамилия обязывает. С такой фамилией необходимо непременно стать крупным человеком. Вот он и стал. Хлыщ поганый!

Из пламенной речи сотрапезника Александр понял, что тот относится к господину с громкой фамилией, мягко говоря, недоброжелательно. Но главное, он его знает!

— Да кто же он?

— Крупный авторитет в деловом мире. Чего ему от тебя нужно?

— А разве это ему от меня что-то нужно? — искренне удивился потомок Доудсенов.

— Если тебя толкают к нему в объятия, значит, ему от тебя что-то нужно. Твой усатый заместитель чего тебе плел?

— Плел? А... это, верно, означает «говорил», да?

— Точняк. Чо говорил?

— Настаивал на встрече. Обещал устроить.

— Ну, вот послушаешь, а потом будем голову ломать.

— Кому, простите?

— Ха! — Серж добродушно хлопнул его по плечу:

— Себе, конечно, не ему же. — Потом он задумался, многозначительно глянул в потолок и утробно изрек:

— Ему-то фиг сломаешь...

Маша Иванова прыгала от восторга — у нее появилась настоящая работа! Пускай и временная, пускай ей пообещали заплатить всего-то двадцать долларов за выступление и взяли ее на испытательный срок, но до чего же все хорошо вышло! Как же благосклонна к ней судьба! Не успела она приехать в Москву, а уже обзавелась друзьями, квартирой и даже работой. Можно передохнуть. Маша глянула на себя в небольшое зеркальце на стене комнаты.

Волосы растрепаны, глаза сияют, губы улыбаются. Чудо, что за жизнь у нее начинается! Вчера ведь совсем пала духом. Зашла в кафе «Фламинго» просто так, на всякий случай, и вот, пожалуйста, случай-то подвернулся. А с виду кафе ну никак не располагало к мыслям о том, что там вообще существует хоть какое-то развлечение, кроме еды и питья. Оно располагается в двухэтажном старом здании в центре. Находится это здание на улице Солянка, к нему от метро «Китай-город» рукой подать. В холле у дверей ее встретил хмурый дядька. На вопрос, где располагается администрация, махнул в сторону обеденного зала. Маша вошла и обомлела: у стены небольшая сцена, на ней синтезатор на подставке, гитара покоится на стуле. А возле сцены трое непромытых типов, таких же хмурых, как и тот, который в дверях.

— Простите... — Маша им лучезарно улыбнулась.

Они синхронно оглядели ее с ног до головы, синхронно хмыкнули. Потом один хрипло проворчал:

— Садитесь, сейчас официантка придет.

— Но я не обедать... — Маша вздохнула глубоко и призналась, — Я петь хочу.

— Караоке в подвале, — безучастно отозвался второй.

Маша опять улыбнулась:

— Вы не поняли, я работу ищу. Я певица.

В трех парах глаз появилось осмысленное выражение.

Потом тот, кто пытался послать ее в караоке, неприятно ухмыльнулся:

— Да ну?! Известная?

Маша постаралась сохранить лучезарную улыбку. Она была готова к подобной реакции.

Зря, что ли, ходила три дня в поисках работы?

— Нет, неизвестная. А здесь только известные выступают? — Она окинула взглядом небольшой зальчик. — Что-то не похоже.

Парни разом повеселели.

— Хочешь петь — пой, — заявил один и шагнул на сцену. Подошел к клавишам, взял аккорд. — Что будешь исполнять?

— А что нужно? — Маша расстегнула пуховик.

— Что-нибудь нежное, со стриптизом! — хохотнул второй и схватил со стула гитару.

— Интим не предлагать. — Маша стянула с головы вязаную шапочку.

Парень у клавиш кашлянул. Надрывно, как заядлый курильщик:

— Элвиса можешь?

— Да... — тихо сказала она. — Давайте «Can't help...».

После того как последний аккорд рассыпался по углам зала, парень у клавиш подал ей руку:

— Геннадий. С двумя "н". Попробуешь сегодня вечером? Мы тут Элвиса поем. А солистка слиняла, зараза.

Папик богатый на юга пригласил. Ну, она юбку задрала — и в аэропорт.

— Хоть бы предупредила, сволота, — ругнулся второй. — По мобильному полчаса назад позвонила уже из Дубая. Меня Вовой звать.

— Да, безответственная дрянь, — согласился третий, который, по всей видимости, должен был играть на ударной установке, тоже стоящей на сцене. — Я Леха.

— Маша, — она склонила голову. — А вы здесь постоянно?

— Всю неделю, кроме понедельника и четверга. В понедельник — выходной, в четверг работаем в «Эллочке-людоедке».

— Неподходящее место для Пресли. — Маша готова была расцеловать этих парней. Она сильно подозревала, что сейчас они расправят за спинами большие белые крылья, взмахнут ими и поднимутся к потолку.

— Чтобы понимала, — фыркнул Леха. — Там ставка на порядок выше, чем в этой закуской. Хотя и не центр.

Но тут тоже тепленькое местечко. Заработок небольшой, но постоянный.

— Хватит лясы точить, пора репетировать — Геннадий взял аккорд и кивнул Маше:

— Стриптиза не надо, но пуховик все-таки сними. Работать придется долго. До самого вечера.

Двое посетителей в углу покосились на них и вновь вернулись к своему обеду и своим разговорам.

Так девочка с Севера нашла работу по душе. Москва ей еще не покорилась, но вроде бы благосклонно кивнула. А сегодня она встала почти вечером, в три после полудня. Еще бы, вернулась-то в пять утра. Группа с вычурным названием «Эльдусто», которое никто никогда не пытался рассмотреть на предмет, что же оно означает, работала в кафе до последнего посетителя. Посетители разошлись, поддерживая тех, кто уже не мог идти своим ходом, в четыре утра. Добрый Леха накормил певицу жареными пельменями местного изготовления и подвез на своем дряхлом «Форде» прямо к дому.

— С дебютом тебя, — сказал на прощание. — Больше не повезу. Далеко. Добираться сама будешь.

— Хорошо, — согласилась Маша и улыбнулась ему:

— Вы завтра репетируете?

— На фига, — удивился тот. — Завтра ж понедельник.

Законный выходной. Учи слова, Генка же тебе дал книжку.

— Хорошо, — снова согласилась новоявленная звезда кафе «Фламинго» и выпорхнула на улицу.

Хорошее отношение к ней парней из группы объяснялось просто — посетителям и владельцам заведения Маша понравилась.

Сейчас, стоя у зеркала, она улыбнулась своему отражению, промурлыкав: «А может быть, у меня все-таки есть эта загадочная харизма?!»

Размышления ее прервал телефонный звонок, затем бабка Нюра забарабанила в дверь кулаком. Маша вылетела в коридор, схватила трубку: «Алло!»

— Послал бог квартирантку. Шляется по ночам невесть где, телефоны звонят... — Ворча, хозяйка удалилась на кухню, откуда шел аромат чего-то отвратительно-подгорелого.

— Машка, хочешь на Ирму Бонд сходить? — прохрипела в трубку Катерина.

— Сегодня же понедельник.

— И что с того? — удивились на другом конце провода. — Запись проводится независимо от дня недели.

— Запись?

— Ну! В «России», сборник пишут на какой-то там канал. У композитора, забыла, как его, день рождения. Он по этому случаю устраивает концерт. А Ирма в нем поет. Все тебе объяснять нужно, деревенщина ты!

— У тебя билет лишний? — У Маши забилося сердце.

«Господи, и недели еще в Москве не пробыла, а столько счастья. Разом и Ирма Бонд на сцене, и съемки телепрограммы!»

— Хрена, лишний. Прикинь, я охрипла. Слышишь, как говорю? А у меня завтра работа в клубе. Нужно лечиться. А Аська прицепилась: отдай ей столик баксов да отдай. Ты и передашь от меня. Никто из наших пойти не может, хоть и понедельник. Пашка на занятиях, а Колька... Его на попсовые концерты силой не затащишь, он их терпеть не может.

— Ася выступает в «России»?! — Маша ахнула.

— Ну да. Она же танцует в группе Леонтьева! Забыла?

— Нет, что ты. Просто не догадалась.

— Все, говорить мне нельзя. Одевайся, залетай ко мне и дуй в «Россию». Я тебе входной дам.

— А пустят?

— О господи! Колхоз ты неасфальтированный!

В шесть вечера Маша стояла в огромном фойе киноконцертного комплекса «Россия» и, широко распахнув глаза, пялилась на блестящее общество. Сердце у нее трепыхалось где-то в области голосовых связок и грозило выпрыгнуть на пол. Куда ни кинь взгляд — везде знаменитости. Одних она по телевизору видела, других даже на видеокассетах. Все эти небожители вальяжно прохаживались по холлу и мило приветствовали друг друга. Все такие красивые, такие ухоженные. А вокруг них простой народ толпится. В зал пока не пускают. Так что все развлекаются созерцанием особо важных персон. И вдруг все вокруг пришло в движение.

— Ой, Ирма! — взвизгнула малолетка, которая доселе мирно стояла рядом с Машей и так же, открыв рот, наслаждалась зрелищем.

— Ирма Бонд! — Толпа простых смертных рванулась к белой лестнице, на которой появилась потрясающая шатенка в темно-синем, обтягивающем фигуру платье с накинутой на узкие плечи пелериной из шиншиллы.

Машу поволокло к звезде плотным потоком. Все остальные знаменитости мгновенно забылись. Ирма Бонд была похожа на статую — высокую, холодную и неприступную. Она восприняла приближение толпы без тени беспокойства. Еще бы, вокруг нее непонятно откуда образовалось живое кольцо из мощных телохранителей. Как ни в чем небывало, Ирма Бонд общалась с каким-то молодым человеком. У Маши сложилось смутное ощущение, что где-то она его уже видела. На лице певицы блуждала загадочная полуулыбка богини, знающей, что перед ее чарами никто не может устоять. Со всех сторон к ней тянулись руки с листками, календарями и программками. Поклонники требовали внимания. Им нужен был автограф кумира. Несмотря на свою внушительную внешность, телохранители едва сдерживали натиск толпы. Какой-то мужик тянулся к певице с паспортом и громко голосил:

«Ирма, дорогуша! Распишись мне в графе „Семейное положение“!»

Ирма Бонд, продолжая что-то говорить собеседнику, благосклонно раздавала автографы, не глядя, кому и на чем. Поток людей вынес Машу на поверхность и бросил под ноги звезде. Очнулась она, сидя на ступеньках. Прямо перед ее носом колыхнулась синяя ткань.

— Господи ты боже! — грудным голосом выдохнула Ирма Бонд. — Совсем мозги потеряли!

Маша почувствовала на макушке сразу два взгляда.

Один надменный, холодный, другой насмешливый. Подняла голову — так и есть: певица смотрит на нее сверху вниз с нескрываемым презрением, а белобрысый парень, кажется, ведущий новостей, почти смеется. Наверное, она действительно похожа на клоуна Или на таракана.

— Простите, — пискнула Маша. — Я не сама сюда ласточкой нырнула. Меня толкнули.

— Ну так отползай, — сквозь зубы произнесла звезда.

Маша поднялась на ноги, чувствуя, что коленка у нее от боли раскалывается. Но более всего болело под ребрами. И не от удара. От унижения.

— Я тоже пою, — тихо произнесла она непонятно зачем.

— Да? — Ирма вскинула левую бровь.

— Хотите, принесу вам диск послушать? — Маша вскинула ресницы.

— Нет, — равнодушно ответила Ирма и, развернувшись к ней спиной, поплыла вверх по лестнице.

Белобрысый парень подмигнул Маше и направился следом. А за ним телохранители и гудящая толпа. Спустя минуту девочка с Севера стояла совсем одна. Боль сменилась сосущей пустотой под ложечкой. Она чувствовала себя такой жалкой и ничтожной, что хотелось кинуться прочь из этого блистающего мира, забиться в самый тихий и темный угол, чтобы больше никогда не высовываться.

— Если я когда-нибудь стану знаменитой, никогда, никогда я не буду такой! — неожиданно для себя проговорила она.

Александр ликовал. На четвертый день своего пребывания в России ему, кажется, удалось соприкоснуться с культурой этой великой страны. Серж, доселе бдительно руководящий его досугом, взялся отвезти его на концерт. Случилось это столь внезапно, что

потомок Доудсенов, уже сидя на заднем сиденье огромного джипа, никак не мог поверить в свою удачу. Конечно, в жизни всякого молодого аристократа бывают дни, ночи, а то и целые недели безудержного веселья, когда толпа подвыпивших гуляк в смокингах с удивлением обнаруживает, что они стоят где-то посреди Гайд-парка, причем их макушки нещадно палит солнце. Подобное случилось и с сэром Александром. Особенно в его веселые университетские годы, когда наутро он с трудом вспоминал подробности прошедшей ночи или целой череды дней и ночей, которая по традиции начиналась с университетского кубка по гребле, а заканчивалась, опять же по обычаю, спустя неделю в полицейском участке. Однако младший Доудсен не смог заслужить репутацию гуляки. Как раз наоборот. После окончания университета он стал степенным гражданином своего круга, о нем поговаривали как о серьезном молодом человеке, прекрасном женихе для любой из благородных девиц. И кто бы мог подумать, что стоило этому благовоспитанному сыну своих уважаемых родителей слегка удалиться от родного очага, как он пустится во все тяжкие в компании громкоголосого мужлана, брюки которого столь постыдно топорщились на коленях, что заслужили бы неодобрительные взгляды представителей куда более низших классов, чем тот, к которому принадлежал сэр Доудсен. Кроме всего прочего, голова Александра постоянно гудела. Он чувствовал себя усталым стариком. И сегодня, всего лишь на четвертый день своего пребывания в России, совершил постыдный поступок — не пошел на работу, а остался лежать в кровати, с трудом преодолевая тяжелые последствия прошедшей ночи. Крутящийся потолок настолько вывел его из себя, что к полудню он набрал лондонский номер своего лечащего врача и спросил у него совета, описав симптомы болезни.

— Гм... — туманно изрек эскулап, внимательно выслушав страдальца, — гм... гм...

— Я умираю? — с трудом ворочая языком, проблеял в трубку несчастный аристократ.

— В общем-то, признаки печальные... — прогромыхало в трубке. — Цирроз печени, рак поджелудочной железы, язва желудка, непроходимость легочных путей...

Сэр Александр почувствовал, как у него холодеют ноги.

— Всего этого у вас пока нет, — после мучительной паузы изрек лечащий врач. — Но прогноз мой весьма неутешителен. Вся эта гадость непременно у вас появится, если вы продолжите злоупотреблять спиртными напитками. Сколько вы выпили за последние сутки?

— Я не помню!

— Так-так-так... — скорее всего, доктор горестно покачал головой. — Вот видите, с памятью уже проблемы. А что будет дальше?

— Не могу знать, я ведь не гадалка! — в отчаянии крикнул перепуганный аристократ.

— Понятно, — прозвучало как приговор.

— Что мне делать?!

— Сэр Доудсен, вам следует отказаться от алкоголя. Это единственное, что я могу вам посоветовать. Употребляйте в пищу только здоровые продукты: молоко, творог, сухари, но не поджаренные на масле, а высушенные. Откажитесь от жареного, жирного, мясного, соленого, маринованного, вареного и мучного.

— А что же мне есть?

— Э-хо-хо... — вздохнуло медицинское светило. — Да у вас не только с памятью уже... Что ж, я повторю: молоко, творог, сухари. Можно галеты, но не злоупотребляйте. Чек я вышлю на ваше имение в Дебшир, а то вы и не вспомните... Будьте здоровы.

После этого непродолжительного разговора эскулап приобрел сто двадцать фунтов за консультацию, а пациент — нездоровый цвет лица и нервный стресс. Пообедав молоком с

сухарями, которые он предварительно высушил в духовке, Александр приготовился к составлению завещания (так, на всякий случай). И в этот судьбоносный для всех родственников семьи Доудсен момент раздался звонок в дверь.

— Н-да... — Серж оглядел холостяцкую берлогу нынешнего директора Российского филиала транспортной компании «Скорость». — Пустовато у тебя. Неуютно. — Он похозяйски заглянул в холодильник и, повернувшись к Александру, скорчил кислую гримасу:

— А выпить совсем нечего?

— Я исключил спиртные напитки из своего рациона, — с гордостью Геракла, только что совершившего свой двенадцатый подвиг, заявил молодой аристократ. Десять минут назад он вылил в унитаз бутылку дорогого ирландского виски, которую привез с собой с целью скрашивать долгие московские ночи. Потом подумал, и вылил туда же бутылку с яблочным уксусом, доставшимся ему в наследство от предыдущего постояльца квартиры.

Бобров оглядел его по-отечески заботливо:

— Хреново, да?

Александр понурил голову:

— Сегодня я позвонил своему врачу. Он прописал мне молоко с сухарями.

В соревновании по презрительному фырканью Серж мог бы завоевать золотую медаль.

— Да что они понимают, доктора ваши?! Кроме как деньги с больных драть, они вообще ни на что не способны. Был я у одного докторишки в Лондоне. Обожрался устрицами. Похоже, еще и несвежими. Желудок свело, часа три над унитазом висел, как орел над пропастью. Не поверишь, ослаб так, что чуть не нырнул. И знаешь, что сказал мне этот хрен собачий? «Это, — говорит, — у вас возрастное!» И мне пришлось заплатить ему пятьдесят фунтов за прием и еще две тысячи за моральный ущерб.

— Какой же вы ему ущерб нанесли?

— Как это? Он меня, здорового мужика, обозвал дряхлым стариканом. Разве нормальный здоровый мужик такое потерпит? Ну, я и врезал ему промеж очков. И ты знаешь, мне враз полегчало. Даже таблеток пить не пришлось. Вышел из кабинета как огурчик.

Александр почувствовал легкий укол зависти. Он бы с удовольствием «врезал кому-нибудь промеж очков», если бы это хоть на йоту уменьшило его страдания. Он с интересом посмотрел на гостя, но тут же отмел от себя нездоровую мысль, приписав ее синдрому начинающейся болезни.

— И что, так и будешь дурить с молоком? — Серж с силой захлопнул холодильник. — Знаешь ли ты, дорогой мой друг, что нет лучшего средства от похмелья, чем бутылочка пива.

Теперь сэр Доудсен взглянул на него с нескрываемым ужасом. Ему вдруг показалось, что на макушке дородного посетителя стали отчетливо проявляться рожки Вельзевула. Александр гордо вскинул голову, вспомнив о предках, славящихся своим нестигаемым духом.

— Тю... — протянул Бобров. — Да ты еще и упрямый к тому же! Ладно, подыхай, если хочешь. Пойдем хоть кофе выпьем.

Чашка кофе в ресторане «Метрополь» как-то незаметно превратилась в продолжительный обед. Александр был непреклонным в своем ожесточенном желании стать трезвенником, однако противостоять обильным яствам, заполонившим большой стол, он не смог.

«В конце концов, — решил молодой аристократ, — полное ограничение в еде — метод

лечения любых болезней у моего доктора. Главное — исключить основное, в моем случае — алкоголь».

Когда подали десерт, у Сержа в кармане зазвонил телефон.

— Да? — удивился он чьему-то сообщению. — Так нужно ее навестить.

Закончив разговор, он озадаченно уставился на сотрапезника:

— Мне нужно отлучиться!

Молодой аристократ понимающе кивнул.

— Дождешься меня? Я ненадолго. А потом мотнем с тобой к одной чаровнице.

— Увольте, — осторожно отказал сэра Доудсен, с ужасом подозревая мецената в попытке отвезти его к одной из дорогих валютных проституток, о которых в ярких красках рассказывали все его лондонские знакомые, которые побывали в Москве.

— Почему? — благодушно удивился Серж. — Моя протее. Тварь редкостная, но фактура... Пальчики оближешь.

Только что приехала. И пробудет недолго, пишет диск в Лос-Анджелесе. Так что лучше тебя сейчас ей представить: мало ли, потом, может, и не увидите.

— Но я не ищу знакомств...

Он не договорил. По округлившимся глазам приятеля он понял, что развивает тему явно не в ту сторону.

— Да ты чо! Думаешь, я тебя к ней в койку пихаю?! Вот придурок! Она любит хорошее общество, а ты его яркий представитель. Развеселишь девочку немного. А то она после одного неприятного приключения совсем сникла. Говорит сквозь зубы, а мне ее задобрить нужно. У меня к ней дело, понятно? А ты мой выгодный фон. Сечешь?

Александр не многое понял, но на всякий случай согласно кивнул. Бобров поспешно растворился в сумерках, однако не прошло и часа, как он вернулся, запыхавшийся и, как показалось сэру Доудсену, злой.

— Представь, проторчал в пробке. Тут езды-то пять минут. Можно и пешком дойти, но знаешь ведь, коль сел в машину, выйти трудно. А пока я маялся, до меня дошло. Ну, какого черта тебя от культуры отрывать. Слушал ли ты когда-нибудь русскую эстраду?

— Нет, — честно признался молодой англичанин.

— Так у тебя появился шикарный шанс не только послушать, но и познакомиться с самой восхитительной ее персоной.

— Ты знаешь некоторых артисток? — догадался Александр, и в душе у него мелодичными переливами зазвонил колокольчик.

В университетские годы у него был непродолжительный роман с одной весьма известной актрисой, о котором он до сих пор вспоминал с легкой грустью. Стрела амура не успела глубоко ранить его сердце, поскольку актриса довольно быстро (а именно через неделю) уехала на съемки куда-то в Африку и там увлеклась не то продюсером, не то режиссером. Но легкая атмосфера актерского бытия на всю жизнь запомнилась молодому аристократу.

— Знаю ли я артисток?! — хохотнул Серж. — Да многих я до сих пор с руки кормлю! Я ж известный меценат! И с одной я хочу тебя познакомить.

— О! — вырвалось у потомка Доудсенов, и он посмотрел на своего покровителя с нескрываемым восхищением.

В антракте Маша решила исполнить назначенную ей миссию, пойти за кулисы и отдать

Асе Катькину сотню. Где в «России» находятся двери из зала и фойе в помещение для артистов, она понятия не имела. У кого спросить — тоже. Тем более внутренний голос подсказывал ей, что если она заведет об этом речь с кем-нибудь из служителей киноконцертного комплекса, те предпримут все усилия, чтобы не пустить за кулисы простую зрительницу, желающую повидать свою приятельницу — танцовщицу кордебалета. Недолго думая, она решительно направилась к сцене прямо со своего бокового места в амфитеатре. Маша по опыту знала, что уверенный вид и деловой натиск открывают любые двери. Вокруг сцены операторы копошились со своими камерами, видеоинженеры расправляли провода, осветитель переставлял прибор, и всем им дела не было до какой-то там девицы, бодро поднимавшейся по ступенькам на сцену.

«Интересно, — подумала Маша, аккуратно ступив на последнюю ступеньку. — Когда-нибудь я тут спою?»

Запах закулисья всегда одинаков и в Сыктывкарской филармонии, и в центральном зале «России»: смесь разогретых под софитами пыли, краски и отполированных миллионами шагов досок. Сцену в антракте не освещают, поэтому за кулисами сумрачно, как в вековом мертвом лесу. Маша шагнула в полумрак и, пройдя всего несколько шагов, замерла в нерешительности.

— Что? — знакомый грудной голос сорвался на истерические нотки. — Что ты сказала? Ты?! Я не верю ни одному твоему слову! Что?! Ха-ха-ха, — нервно расхохоталась Ирма Бонд. — Это он тебе сказал? Запомни, я не должна ничего делать! Я никому ничего не должна! А мне, между прочим, плевать и на тебя, и на него! Я на всех вас плевать хотела, вот так! Передай ему мои слова. Привет!

У Машиных ног что-то громыхнуло. Затем послышались приглушенные всхлипы.

— Козел, — проныла Ирма. — Мерзавец! Вечная любовь! Вечная любовь! Вот тебе — вечная любовь!

Маша замерла, боясь пошевелиться. Когда человек говорит по телефону, а уж тем более сам с собой, лучше не выпрыгивать к нему, как чертик из бутылки, с громогласным: «Здрасьте, а вот и я! Очень сочувствую!» Уж лучше позволить человеку думать и дальше, что его никто не слышал. Она вжалась в темную ткань кулис, стараясь дышать как можно реже.

— Вот тебе любовь, паршивец! — Ирма всхлипнула, потом что-то хрустнуло, и к ногам Маши полетел какой-то предмет.

— Черт, где телефон?!

Маша опустила глаза и ужаснулась: мобильный телефон звезды, который та в сердцах от себя отшвырнула, валялся как раз у носков ее ботинок. А в метре от них лежал еще какой-то небольшой предмет. Сейчас певица станет искать свои потерянные сокровища, а найдет поклонницу.

«Стыд-то какой! Еще подумает, что я ее преследую!»

— Ну и фиг с ним! — громко заявила Ирма.

Услышав удаляющийся нервный стук каблучков, Маша облегченно вздохнула.

«В жизни всякое бывает, все равно мне по пути, — решила она и, присев, подобрала телефон. — Передам ее охране. Отойдет и возьмет обратно».

Второй предмет заинтересовал ее куда больше тривиального телефона. Это был большой кулон в виде огромной капли из голубого хрусталя на толстой цепочке из белого металла. Маша тут же припомнила, что там, на лестнице холла, она видела его на шее певицы. Камень в кулоне был замечательный. Так причудливо обработанный ювелиром, что

его грани создавали ловушку лучам света. И те метались у него внутри в поисках выхода.

«У богатых свои причуды!» — промямлила она, поднялась и пошла следом. Долго блуждала за сценой, пока не нашла выход в длинный коридор. Там стало светлее, появились люди. По большей части артисты. Кругом царила суматоха, и девочка с Севера порядком подрастерялась: шутка ли, найти среди этой толпы одну-единственную тонюсенькую блондинку Асю. Артистическую Ирмы отыскать куда легче: у любого спроси, рукой укажут.

— Ну, наконец-то!

Маша оглядела стоящую рядом девицу в красном парике и костюме клоуна-трансвестита. Асю узнать в нем было невозможно.

— Потерялась? — участливо спросила та.

— Да уж... — только и смогла выдавить из себя Маша.

— Обычное дело, — равнодушно отмахнулась Ася. — Принесла?

— Конечно. — Маша покопалась в сумке, выудив стодолларовую купюру, протянула приятельнице. — А чего такая спешка?

— Да дело есть, — она сунула бумажку куда-то в недра своего костюма.

— Что-то случилось? — Маша склонила голову, разглядывая ее.

Аська нервно ухмыльнулась:

— Пустяки... Пойдем лучше, я тебя с нашими познакомлю. — Она схватила ее за руку и потащила по коридору, затараторив:

— Наша танцующая бригада самая веселая! Мы даже праздники вместе отмечаем. Ты не танцуешь? А жаль... А то бы я тебя представила бабе Любе. Это наша старшая жена. Если бы ты ей понравилась, она бы тебя враз пристроила. Ну, все равно, пойдем познакомлю...

Маша и охнуть не успела, как очутилась в малюсенькой комнате, до отказа набитой разрисованными клоунами-трансвеститами в разноцветных париках. В комнатухе пахло так паршиво, а кричали и хохотали так громко, что у нее вмиг голова кругом пошла.

— А вот и баба Люба! — заявила Аська и с размаху толкнула ее в объятия очередного клоуна.

— У-у-у, деточка! — Баба Люба меньше всего походила на типичную бабу в Машинем представлении. Такая же девчонка, как и они с Аськой, ну, может быть, постарше лет на пять. Стройная, подтянутая, черноглазая. — Чего пугаешь девушку. Тебя как зовут?

— Маша, — тихо представилась она.

— Танцевать небось хочешь? — Баба Люба усмехнулась, оглядывая ее.

— Нет, вовсе нет, — быстро призналась Маша.

— Вот и хорошо, — одобрила ее старшая группы и пояснила, — А то у тебя задница великовата. С таким якорем на сцене тяжело. Да и вообще, работенка у нас адская.

— Я пою.

— Ну, голосу задница не помеха, — добродушно признала баба Люба. — По клубам поешь?

— Теперь да, — не без гордости ответила Маша.

— Это хорошо.

— Да ну?! — радостно удивилась Аська. — Неужели получилось?

— В группе «Эльдусто», в кафе «Фламинго». А по четвергам в «Эллочке-людоедке».

— Ой, а я там была пару раз, — звонко заметила стоящая рядом девушка-клоун. — Чо поешь?

— Теперь песни Элвиса Пресли.

— Ой, я как раз знаю эту группу. Они классные. Помнишь, я тебе говорила? — она дернула бабу Любу за рукав, — Пойдем послушаем!

— В четверг? — задумалась та. — Что у нас в четверг?

— Нет, в другие дни, кроме понедельника, можно во «Фламинго», — напомнила Маша, радуясь потенциальным слушательницам.

— Будет время, зайдем непременно, — баба Люба дружески похлопала ее по плечу, — хотя я понятия не имею, что это за клуб — «Фламинго».

— Это на Солянке... — начала пояснять Маша, и туту нее в руке зазвонил телефон Ирмы. Она вздрогнула, вспомнив, что все еще держит вещи, принадлежащие звезде.

— Ну, чо ты, ответь! — Баба Люба ободряюще улыбнулась. — Давай, а то сейчас вся примерка в движение придет.

— У кого звонит? — полетели со всех сторон вопросы. — Вась, ты мой рюкзак видишь? Лен, это твой разрывается?

— Ой, у нее уже телефон! — восхищенно пискнула Аська.

— Да не мой это! — Маша застыла, не понимая, что делать. — Мне его отдать нужно.

Но ее никто не слушал.

— Да ответь ты, наконец! — крикнула ей баба Люба. — Орет как иерихонская труба!

Маша дрожащей рукой поднесла телефон к уху. А он как раз перестал трезвонить.

«Господи! А вдруг у человека судьба решается? — в ужасе подумала она. — А вдруг звонил тот самый мужик, из-за которого Ирма рыдала. Какая же я скотина, что сразу не отнесла ей телефон!»

— Слушай, Ась, мне срочно нужно найти Ирму Бонд, — толкнула она подругу, — Или кого-то из ее охраны.

Ася уже болтала с каким-то парнем, затянутым в костюм клоуна. В руках он вертел ярко-синий парик.

— Иди прямо по коридору, — потеряв к ней интерес, ответила Ася, — Не ошибешься.

Маша повертела головой в поисках бабы Любы или той девицы, которая слышала группу «Эльдусто», словом, кого-нибудь, с кем можно было бы попрощаться перед уходом. Но никого знакомого рядом не оказалось. В примерке кипела своя жизнь, где Маша была чужой.

Александр пялился в окно. Набережная не представляла собой ничего интересного. Лишь вдали виднелась подсвеченная гостиница «Балчуг-Кемпински». А так все какие-то темные здания на другой стороне реки.

— Да ты не туда смотри, — толкнул его Бобров.

Потомок древних Доудсенов болезненно поморщился. Он не любил грубых толчков.

— Вон, — Серж ткнул пальцем в противоположное окно, за которым высилось громадное здание, до такой степени уродливое, что у аристократа свело скулы. — Главная эстрадная сцена страны. О «Тэфи» слыхал?

— Нет...

— Эту хрень тоже здесь вручают. Но это неважно. Сейчас познакомлю тебя с Ирмой Бонд.

— Бонд? Сестра Джеймса, — усмехнулся Александр.

— Не-е... — протянул Бобров. — У нее фамилия Бондаренко, ну а она ее укоротила. Стало звучно. Да и Ирма она всего год. Раньше ее все Ирккой кликали.

— Псевдоним? — догадался младший Доудсен.

— Зато какой звучный! — Меценат неожиданно нахмурился, — Я ведь дурак, каких мало.

— Ты себя недооцениваешь, — попытался успокоить его аристократ.

— Нет, я дурак. Я ведь не думал, что она так рано притащится. Я забыл про этот концерт. Черт! Ей совсем нечего сейчас в Москве делать. Знал бы, встретил!

— Почему?

— Да ну, история там у нее романтическая. А любовник — известный козел. Она же девушка истеричная. Как бы ерунды какой не натворила.

Александр ничего не понял из этих туманных объяснений.

— Ты с ней повежливее, — предупредил его Серж.

Род Доудсенов издавна славился своей деликатностью. Да спросите любого в клубе «Пеликан», и каждый вам скажет, что сэр Александр — это самый известный современный рыцарь. Молодой аристократ надулся. Впрочем, дулся он недолго. Ему помешали.

— О! — неожиданно громко заявил известный меценат и саданул его по плечу с такой силой, что несчастный обиженный подскочил до потолка. — А вдруг у вас что-нибудь выйдет! Вдруг ты ей понравишься? Ты не можешь не понравиться! А что? Молодой, смазливый, богатый и не малахольный, как все иностранцы. Вон как ты типов в Шереметьево отделал! От таких бабы кипятком писают. Влюбится — сто пудов. Даже фамилию не спросит.

Александр подивился такому скорому решению своих матримониальных проблем. Менее всего на свете он намеревался сейчас заводить романы. Это ему вовсе некстати. Однако он был уже достаточно хорошо знаком с этим энергичным здоровяком и знал, что перечить ему бессмысленно.

— Отлично... — Входя в двери служебного коридора, Серж глубоко втянул ноздрями воздух, пропитанный искусством, и повернул голову к Александру, — Сейчас посадим тебя на лучшее место. Знаешь... — Он вдруг приосанился и зашагал важно, словно не только этот коридор, но и весь комплекс «Россия» был его собственностью. — Музыка следует воспринимать только с лучших мест. Потому как какое место, такие и ощущения. Посади тебя, братец, за колонну, ты ведь и половины прелести не ощутишь. А как хорошо на первом ряду амфитеатра! О-о-о...

Слушая его, сэр Доудсен пришел к выводу, что он с ним согласен, может быть, впервые за все время их общения. Едва они успели повернуть за угол, как навстречу им кинулся детина в безупречном черном костюме. Однако костюм — это единственное, что было в нем безупречным. О лице его, например, такого сказать ну никак нельзя. Оно белело, как ранний утренний снег, губы его дрожали, а в глазах застыл панический ужас.

— Сергей Валентинович, как хорошо, что вы так вовремя! — проблеял он, подлетев к Боброву на полусогнутых. — Какое счастье, что вы решили вернуться!

Александр сразу же заподозрил неладное. Да и Серж, похоже, тоже.

— Нестеров, ты что, охренел? Какое вернуться, я только что приехал!

— Разве? — на секунду тот будто не поверил, а потом рукой махнул, — Какая теперь разница! У нас такое стряслось!

— Опять истерит? — деловито осведомился он.

— Хуже, все гораздо хуже!

— Что там может быть хуже? — нервно изумился меценат.

— Она мертва!

Серж замер на месте, пристально посмотрел на детину в черном костюме. Александр сжал в руке набалдашник трости. Он понял: этот бледный господин даже в мыслях не имеет шутить. Понял это и Серж.

— Что произошло? — тихо спросил он и быстро пошел по коридору.

Сэру Доудсену пришлось изрядно прибавить шагу, чтобы не отстать.

— Никто ничего не может понять, — затараторил детина в черном костюме. — Я захожу, чтобы звать ее на сцену, а она на полу в луже крови.

— Может, в обморок упала, поранилась?

— Какое там! — Нестеров в отчаянии заломил руки, что совсем не соответствовало ни его внушительному виду, ни представлению Александра о том, как должен вести себя хорошо воспитанный джентльмен. Джентльмен, в понимании выпускников Итона и Оксфорда, должен всегда оставаться невозмутимым. И, даже оказавшись в эпицентре добротного землетрясения, максимум, что он может себе позволить, так это изумленно вскинуть бровь. Желательно правую. Собственно говоря, потомок древнего рода Доудсенов именно так и поступил.

Но детина в черном костюме ничего о правилах хорошего тона не знал, а потому бледнел, трясся и бессвязно блеял, семеня за Сержем:

— У нее дырочка в голове. От пули. Я сначала ведь, как вы, решил, что, может, споткнулась, упала. Она как приехала, все нервничала. Грозилась уехать с концерта. Да девка эта еще ей под ноги упала. Тут Ирма просто взбесилась. Кричала на нас, что ее плохо охраняют, что, растерзай ее у нас на глазах, мы и пальцем не пошевелим. Позорила, в общем, от души. Потом приказала всем выйти. Я оставил двоих у дверей и пошел с ребятами к сцене. Ну, как положено, чтобы коридор создать. А она и тех, кто остался у двери, прогнала прочь. Сказала, что до выхода будет отдыхать, чтобы ее не беспокоили. Ну, как обычно. А когда я пришел, у двери никого, а она, ох... лежит, бедняжка, вся в крови.

— Милицию вызвали?

— Пять минут назад.

— Черт, они, наверное, уже подъезжают.

Серж вдруг перешел на бег. Александр чуть повыше поднял правую бровь, но устремился следом.

— Чтобы никого рядом с гримеркой до приезда оперов не было, — отрывисто приказал меценат. — Сам станешь у дверей!

Надо сказать, что жизнь сэра Доудсена протекала вдали от всевозможных преступлений. В студенческую бытность он ни раз сталкивался с полицией и дважды подвергался суровым наказаниям по суду, которые исчислялись штрафами по пять фунтов каждый. Исходя из этого, он полагал, что прекрасно осведомлен о преступном мире и ничто в нем не может его шокировать. Однако картина, представшая перед его очами, когда он вслед за меценатом влетел в гримерку, показалась ему ужасной. В центре комнаты, возле поваленного стула, лежала довольно красивая шатенка в длинном синем платье с глубоким декольте. Ее лицо с тонкими чертами портило небольшое отверстие в самом центре высокого лба. Глаза ее были открыты и полны безразличия или даже презрения.

«Странно, — подумал сэр Александр. — Если видишь перед собой дуло пистолета, вряд ли станешь изображать безразличие. А тем более презрение. Это удивительно даже для Итона, не говоря уж об Оксфорде...»

Но более всего его удивил Серж. Тот не склонился над телом, не причитал и не вытворял ничего подобного, хотя по всем законам человеколюбия должен был поступить именно так. Бобров принялся лихорадочно обыскивать гримерку.

Молодой аристократ обозрел комнату и пришел к выводу, что трудится он напрасно. До мецената комнату уже изрядно перетрясли. Содержимое сумочки певицы было разбросано по гримерному столику. Собственно говоря, особенно обыскивать было и нечего: скорее всего, убитая дама явилась к началу концерта уже полностью готовая к выступлению. Так сказать, одетая и загримированная, а потому захватила с собой лишь самое необходимое: маленький ридикюль и пушистую накидку из шиншиллы.

— Твою ж мать! — прорычал Серж и, повернувшись к двери, неожиданно для себя нашел торчащего в проеме английского аристократа, о существовании которого он, по всей видимости, забыл.

— Черт! — сказал он ему. — Ты-то тут что делаешь?

— Мне кажется, вы напрасно пытаетесь отыскать то, что уже нашли до вас, — прохладно заметил сэр Доудсен.

— Вижу, — проворчал Бобров. — Тебе надо уйти. Если не хочешь стать свидетелем. А мне лучше остаться. И поторопись, ради всего святого. Еще тебя отмазывать!

— Но я же еще не успел ничего сделать, — Александр пожал плечами.

— Ты хоть понимаешь, что произошло?! Ирму убили. Ирму Бонд! Она звезда. Сейчас сюда сбегутся сыщики со всей Москвы. И каждый захочет переговорить с тем, кого они найдут на месте преступления. Имеешь шанс проторчать в отделении милиции до завтрашнего утра. Это в лучшем случае.

— Хм... — Александр шагнул в коридор. — Полагаю, нам лучше увидеться завтра. Или в любое удобное для вас время.

Сэр Доудсен вышел на улицу и задумался: куда податься? Встреча с искусством не состоялась, а заменить ее нечем. В Большой театр он опоздал, да и в Третьяковскую галерею, похоже, тоже. Прогуляться по Кремлевской набережной? Довольно прохладно для ночного моциона, и с неба что-то неприятное сыплется: то ли снег, то ли град, то ли все разом. Оглядевшись, он медленно побрел в сторону метро «Китай-город». Темная неряшливая улочка показалась ему кошмарной. Чтобы немного скрасить одиночество, он провел набалдашником трости по железному забору. Звук ему не понравился.

«Н-да... — подумал младший Доудсен. — Нынче с музыкой что-то не задалось...»

Мысли его вернулись к случившемуся. Он размышлял над странной судьбой русской звезды. Красивая, молодая, знаменитая... Кому понадобилось ее убивать? Странное злодеяние — убить красоту. Все равно что растоптать розовый куст. Размышления его были внезапно прерваны, его грубо толкнули.

— Прощу прощения, — довольно внятно извинился сэр Александр и сжал в руке трость. Однако он тут же ослабил хватку, узрев, что его обогнала девушка. Правда, он лишь по наитию определил, что фигура в ужасном пуховике принадлежит даме. Дама, казалось, его не заметила и побрела прочь.

Потомок древних Доудсенов приподнял правую бровь.

«Девушка, одиноко бредущая по ночной улице и расталкивающая рослых мужчин направо и налево, либо пьяна, либо феминистка», — подумалось ему.

Ни к тем, ни к другим он слабости не питал, однако на город уже давно спустилась ночь, и, движимый наследственным синдромом Доудсенов оберегать беззащитных дам, он

прибавил шагу. Нагнав девицу, он заглянул ей в лицо и тут же понял: она не пьяна и уж точно не феминистка, она ужасно расстроенная и растерянная молодая особа. Причем особа весьма привлекательная.

— У вас что-то случилось? — ровным голосом осведомился джентльмен.

Девушка вздрогнула, посмотрела на него и еще раз вздрогнула.

— Я могу вас проводить, — предложил потомок английских аристократов.

Реакция дамы показалась ему неадекватной. Она вдруг сорвалась с места и со скоростью спортивного автомобиля сиганула в направлении станции метро.

«Н-да... — разочарованно подумал сэръ Александр. — Видимо, все-таки феминистка. Что ж... Один раз простительно ошибиться даже профессору...»

Удивительно, но сэр Александр впервые за свое недолгое пребывание в России чувствовал гнетущую тоску. И тоску не по родному дому, что в Дербишире, и не по друзьям, оставшимся в Лондоне, а по докучливому русскому болтуну. Прошло четыре дня с их последней встречи, так неудачно закончившейся в гримерке убитой певицы, а Серж Бобров никак не давал о себе знать. Разумеется, младший Доудсен не мог не понять чувств своего приятеля. Ведь тот знал убитую, а потому, скорее всего, страшно переживает ее кончину.

«Наверное, пьет», — решил потомок аристократического рода и горестно вздохнул.

Сколько бы раз он ни вспоминал о том, что случилось в гримерке, неизменно удивлялся поведению Сержа. Странно все-таки для человека устраивать обыск рядом с телом своей подруги. Как-то не вязалось это с представлением Александра о скорби, да и о порядочности. Конечно, он даже с большой натяжкой не решился бы назвать Боброва человеком, воспитанным в лучших традициях. Скорее наоборот. Гувернантка, по всему видно, попалась ему недалеко, да и диплом у нее, более чем вероятно, был поддельным. И все-таки не нужно иметь за плечами хорошего образования, чтобы соблюдать обыкновенные правила приличия, а потому не вести себя рядом с бездыханной женщиной как слон в посудной лавке. Смерть — это не обед на двенадцать персон в дворцовом зале. Смирненное отношение к смерти передается из поколения в поколение. Как правило, человеку никто не объясняет, как нужно вести себя в присутствии покойника. А вот для Сержа это почему-то осталось загадкой.

«Что же он искал в гримерке?» — этот вопрос мучил Александра уже четвертые сутки. А спросить было не у кого.

За неимением лучшего сэр Доудсен принялся добывать информацию из других источников. Благо случай подвернулся буквально на следующее же утро после убийства. Сидя в своей каморке директора, молодой аристократ имел удовольствие лицезреть воцарение секретарши на свое место. Он не успел удивиться, почему эта молодая особа явилась через час после прихода в офис своего шефа, когда все должно быть наоборот, как девица с порога громко заявила:

— Слыхали, Ирму Бонд укокошили!

— Да ну! — хором удивились два менеджера, идентифицировать которых Александр до сих пор был не в состоянии. Они походили друг на друга, как братья-близнецы.

— Включите телик, недотепы. Во всех новостях сегодня с утра об этом орут. И в газетах тоже.

— Что, передозировка? — деловито поинтересовался Виталий, продолжая давить на телефонные кнопки.

— Не, огнестрел, — пафосно изрекла секретарша.

— Именно это обстоятельство заставило вас опоздать? — любезно спросил сэр Александр, выходя из каморки в общую комнату.

Девушка оглядела его с искренним удивлением, а потом ответила:

— А что же еще? Нет, ну по пути я, разумеется, бабушку через дорогу переводила.

— Простите, а бабушка платит вам за работу?

— Хм... — Секретарша поджала губы и плюхнулась за свой стол.

Она принялась с излишним шумом переключать бумаги с места на место, при этом

довольно внятно ворча, что только что ей пришлось столкнуться с чисто английской бесчувственностью, и вообще, дел в офисе на полчаса, так зачем отсиживать с девяти до семнадцати?!

— Ну хорошо, если вас так занимает это преступление, — сдался начальник, — расскажите все, что вам о нем известно. Иначе, как я полагаю, работы у вас сегодня не получится.

— Хм... — Секретарша еще раз оглядела его, теперь уже оценивающе, и наконец смилостивилась, рассказала:

— Ее кокнули прямо в гримерке. Даже на общую песню не дали выйти бедняжке. А ведь она специально прилетела из Америки на этот концерт. Там она записывала диск. И хотя мне ее жалко, как всякого человека, в которого стреляют без предупреждения, я думаю, на то были причины.

— Неужели? — Сэр Доудсен склонил голову набок, — И какие же, позвольте спросить?

— Да всякие, — отмахнулась девица. — Она якшалась с такими типами...

— Что она делала?

— Якшалась, ну, водила знакомства, чтобы прилично звучало. А проще говоря, любовники у нее были один другого круче. Все как минимум на пере у ФСБ.

— Извините, но мне этих речей не понять.

— Да с крутыми мужиками она таскалась, — щедро пояснила секретарша. — Все об этом постоянно говорили. То с одним ее видели, то с другим. И все такие мощные «быки»! Лично я думаю, и можете мне поверить, это не только мое мнение, она и на эстраду-то попала только потому, что дала парочке таких вот «быков».

— Что дала? — снова не понял молодой аристократ.

— Господи боже! — закатила глаза секретарша. — Себя дала. И зачем вас всех к нам из Англии присылают?!

— Варвара! — одернул ее Виталий. — Язык-то, чай, не помело!

— Ну, простите, вырвалось.

— Ничего страшного, — успокоил ее сэр Доудсен, изо всех сил пытаюсь скрыть невольную усмешку.

— Знаете, ходили слухи, что она с этим, как его... Касальским. Он не «бык», конечно, но очень крупный бизнесмен. А вы же понимаете, все, кто ворочает большими деньгами, обязательно бандиты. Другого не дано. Говорили, что у нее какая-то большая любовь с этим Касальским была. А потом он ее, кажется, бросил. Или она его. Вот она и укатила в Америку. Горе развеять. А заодно и диск записать. Жить-то нужно на что-то. Хм.

— Интересно... И какова ваша версия убийства?

— Да хрен... простите, кто ж его знает. — Варвара немного смутилась. — Я думаю, что, если постоянно вращаться среди бандюков, конец один — контрольный выстрел в голову.

— Видимо, эта певица была отважной девушкой, — задумчиво произнес Александр, невольно вспомнив надменность в глазах убитой, с которой она равнодушно встретила свою смерть. Ни тени испуга. Скорее холодное презрение.

— Скажите, лучше глупой, — секретарша фыркнула. — Я понимаю, о покойниках плохого не говорят, но читали бы вы ее интервью. Бред идиотки, помешанной на собственной значимости. Кругом сплошное "я". «Моя жизнь в искусстве» Станиславского отдыхает. Послушать Ирму Бонд, так на свете не было более яркой звезды, чем она. И эти рассуждения выдавала дамочка, которая и года-то на эстраде еще не пробыла. Да кто она

такая?!

— Я слышал, слава у нее была огромной, — тихо заметил молодой аристократ.

— А вы не знаете, что такое слава в наши дни? Сплошной треп и два клипа по телику.

Сэр Доудсен был вынужден признать, что в чем-то она права. В конце концов, слава всегда была плодом хорошей PR-компания.

В этот день он купил диск Ирмы Бонд. И не слишком впечатлился услышанным. Голос у певицы был низким, грудным, надломленным. Однако музыка оставляла желать лучшего, не говоря уж о словах.

«Странно, что вот это в России называется шлягерами...» — резюмировал свое отношение к репертуару убитой певицы английский аристократ и положил диск на полку.

Движимый интересом к личности Ирмы Бонд, Александр опустошил газетожурнальный киоск. До поздней ночи читал всевозможные статьи, но, как он и ожидал, никаких зацепок не обнаружил. Ну, разве что одну... очень хиленькую, которую стоило хорошенько проверить, прежде чем говорить о ней вслух. В последней газете, где, кроме статьи с весьма убедительными доказательствами того, что убийство Ирмы Бонд организовано сицилийской мафией по политическим мотивам, было много занятного о жизни человека без головы, собаки без сердца и назойливых явлениях давно почившего советского генсека в одной московской квартире. Сэр Доудсен углубился в изучения странностей российской печати, попутно пытаясь отыскать в столь занимательной газете спортивную колонку. Когда ее не нашел, то вдруг осознал, что увлекся не тем, чем положено. В смысле, газета, которую он держал в руках, тут абсолютно ни при чем. Дело в другом. Он пытается понять, почему убили звезду русской эстрады вовсе не потому, что прирожденный сыщик, чей талант дремал до сего времени. Просто, пытаясь открыть тайну чужой смерти, он бежит от собственной жизни. Ему бы заняться наладкой грузовых перевозок компании Speed, а не погружаться в чужие проблемы. Но свои дела навевали на потомка древних Доудсенов безысходную тоску. Положив руку на сердце, он признался себе, что бессилён противостоять давно заведенному укладу русского бизнеса. А идти на контакт с крупным боссом со странной фамилией Бессмертный сэру Александру ох как не хотелось. Однако он же поклялся себе, что сделает все для блага дядюшкиной компании, поэтому черного дня явно не миновать. Ему обязательно придется встретиться с Бессмертным типусом, к гадалке не ходи. Иначе можно прямо завтра собирать чемодан, и бесславно возвращаться на родину. Но неисповедимы пути господни, как говорится.

Наутро следующего дня сэр Александр открыл дверь квартиры с намерением начать путь к офису своей компании. И едва перешагнув порог, как что-то пулей внеслось в квартиру, чуть не сбив хозяина с ног. Естественно, Александра подобное явление не могло не заинтересовать. Он вернулся в дом и тщательно его осмотрел. находка оказалась удивительной. В том смысле, что такого крупного котяру ему еще не приходилось видеть. Когда он с трудом выволок из-под дивана серое создание и внимательно его рассмотрел, то от избытка чувств поцокал языком — кот был как минимум метр в длину, если растянуть его за лапы, чего сэр Доудсен, разумеется, делать не стал, поскольку уважал право любого на свободную волю. А кот очень активно проявлял свою волю и сжаться в комок поплотнее. В скомканном же состоянии котяра удивительным образом походил на огромный пляжный мяч. Только из меха. Аккуратно опустив животное на диван, потомок аристократического рода задумался. Очевидно кот выбрался на улицу недавно и, скорее всего, заблудился в подъезде. По всей видимости, жил он роскошно и безмятежно. А потому людям привык

доверять. Сейчас, к примеру, находясь не дома, он повел себя так, как будто в жилище этом питался с младенческих времен: вальяжно развалился на диване и нагло устался на оторопевшего от такой наглости Александра. Следующее, что, по мнению кота, должен был сделать человек, так это принести ему чашечку кофе. Ну или хотя бы блюдце молока. Сэр Доудсен не стал противиться воле гостя. Он вышел на кухню, налил молоко в фарфоровую посудину и, вернувшись в гостиную, поставил ее перед котовой мордой. Тот принялся, недовольно повел усами и вдруг, махнув лапицей, скинул блюдце на ковер.

— Ничего себе посетители пошли, — беззлобно удивился Александр и взял телефонную трубку.

Ему требовалась немедленная консультация по котководству.

— Здравствуй, моя дражайшая родительница! — приветствовал он владелицу популярного женского журнала, изредка напоминающую ему, что она его родная мать.

— Александр, — сонно пробурчала мама, — ты в курсе, что у нас разница во времени. Шесть утра — это не самое лучшее время для телефонного звонка. Разумеется, мой дорогой, если у тебя ничего ужасного не произошло.

— Маман, я бы никогда не потревожил тебя, если бы сегодня со мной действительно не приключилась забавная история.

— Забавная история? И ты собираешься поведать ее мне в шесть часов утра? Ты ожидаешь, что я беззаботно рассмеюсь?

— Ни в коей мере. У меня поселился кот.

— Немедленно верни его, откуда взял, — моментально проснулась Белла Доудсен, которая являлась страстным любителем кошачьих. — Ты не имеешь права мучить бессловесное животное!

— И в мыслях не было!

— Одно твоё присутствие может довести любого кота до белого каления. Вспомни нашего Бакстера. Он тебя не переносит!

— Дай ему здоровья его кошачий бог. Думаю, сейчас он на вершине блаженства. И распоряжается моим диваном по своему усмотрению.

— А удивительная Белоснежка тети Алисы? При твоём появлении она прыгала на люстру! — не на шутку разволновалась родительница.

— Это досадное недоразумение случилось не по моей вине. Ужасный отпрыск тети Алисы — Мортимер — выдернул у нее ус.

— Все три раза? Не дури мне голову, Александр. Немедленно избавь кота от своего присутствия.

— Но я ему и не навязывался! Он сам ворвался в мою квартиру. Теперь он скинул с дивана блюдце с молоком...

— Я даже боюсь представить, где в твоей квартире находятся другие продукты, если молоко ты хранишь почему-то на диване.

— Ты ошибаешься на мой счет, — сэр Доудсен покраснел. — Хотя бы подскажи какие-то основы по уходу за котами.

— Для начала необходимо вызвать доктора и осмотреть животное.

— Но я опаздываю на работу, — возмутился новоиспеченный директор филиала. — Я не могу ждать доктора!

— В этом ты весь, — вздохнула мать. — Ты никогда не мог отличить важные дела от второстепенных. Сколько я тебя помню, ты всегда сначала хватался за что-нибудь

незначительное.

— Но работа — это важно для меня...

— Не говори ерунды. Твоя работа стояла без тебя два года. Постоит и сегодня. Но если ты действительно намерен бросить несчастное животное на произвол судьбы, может быть, позволив ему умереть от страшного недуга, то хотя бы сходи в магазин и купи ему корм и туалет. С этим он протянет до вечера, если, конечно, его внешний вид вселяет в тебя оптимизм.

Александр еще раз оглядел кота. Тот, вальяжно раскинув лапы в стороны, преспокойно спал и, как показалось хозяину квартиры, даже собирался довольно громко захрапеть.

— Ну, более или менее, — признал он.

— Я непременно проконсультируюсь с лечащим врачом нашего Бакстера. И не смей поить его валерьянкой! Я прекрасно помню, что случилось с котом миссис Грегори Типтон, когда ты влил в него эту гадость. Вой несчастного животного до сих пор стоит у меня в ушах.

— Мама, мне было тогда семь лет, — сэр Александр покраснел еще больше. — С тех пор я изменил взгляды на жизнь.

— Сильно в этом сомневаюсь.

В растрепанных чувствах сэр Доудсен вышел на улицу. Дул пронизывающий ветер, который моментально закинул белый шарф английского аристократа за плечи. На душе у него было так же неуютно. Родная мать считает его недоумком, неспособным позаботиться даже о коте. Наверное, никто не верит в успех его московского предприятия. И с какими же физиономиями будет встречено его бесславное возвращение! Он как наяву увидел поджатые губы своих многочисленных тетушек, приподнятую бровь отца. Сэр Реджинальд Блэр — его непосредственный начальник, — конечно, попытается его успокоить. Скажет, что все к тому и шло, да закроет московский филиал своей фирмы. Друзья хлопнут его по плечу, призывая плюнуть на неудачу и заняться более интересными делами. Например, принять участие в турнире по метанию дротиков в клубе «Пеликан». Но осадок провала останется в нем на всю жизнь, и позор поражения смыть ему будет нечем. Ведь не каждый же день отпрыску аристократического рода предоставляется возможность доказать обществу, что он не полный олух. Его размышления прервало активное движение у соседнего дома. Там из одного подъезда в другой сновали весьма респектабельные господа в черных костюмах, как братья-близнецы похожие на охранников несчастной Ирмы Бонд, которых он недавно имел счастье лицезреть в концертном зале «Россия». Его путь все равно пролегал мимо этого дома, а потому он счел нелишним поинтересоваться у одного из пробежавших, где тут поблизости магазин, в котором можно купить вкусный и питательный завтрак для весьма прихотливого кота.

— Издеваешься, что ли?! — неожиданно обозлился на него тот, кого он посмел потревожить вопросом. — Вали отсюда, а то без башки останешься.

Александр пожал плечами, сделал шаг в сторону, но вдруг остановился, задумался и, резко развернувшись, нагнал невежливого господина в три шага.

— Позвольте поинтересоваться, не кота ли вы столь усердно разыскиваете?

Тот остановился, оглядел его с ног до головы и деловито осведомился:

— У тебя зубы лишние?

— Как раз наоборот. Все мои зубы мне прекрасно служат, и нет такого, от которого мне бы хотелось избавиться, — заверил его Александр.

— Ну так и отвали от меня. А то я тебя сейчас лишу против воли как минимум трех.

— Понятно, — сэр Доудсен усмехнулся одними губами, — Наверное, огромный серый кот не входит в круг ваших интересов.

С этим он развернулся и вознамерился, по выражению собеседника, отвалить.

— Эй, мужик! — взревел тот. — А ну стой!

Александр все еще хранил улыбку на губах.

— Что ты знаешь об этом чертовом коте?

— Хм... Довольно наглое создание. Однако он одно из достойнейших деяний природы, с этим не поспоришь. Я вам его верну, если вы докажете, что имеете на это право.

— Мне-то он на хрен не нужен, — зло пробурчал господин в черном пиджаке и вдруг огласил двор непристойным воплем:

— Эй, сюда! Тут один шизик говорит, что вернет кота!

Спустя десять минут Александр стоял в шикарной прихожей хозяина котяры. Хозяин представился коротко:

— Боря.

В отличие от своего пушистого подопечного был он неказист, коряв, толстоват и абсолютно лишен волосяного покрова. Его маленькие глазки впились в сэра Доудсена, как кончики двух игл. Гостю стало на мгновение неуютно под этим взглядом. Однако через секунду все изменилось: увидев своего кота в руках посетителя, Боря расцвел улыбкой. На щеках его заиграли трогательные ямочки, а в колючих глазах заблестела нежность.

— Варфоломей... — с придыханием проворковал он, аккуратно принимая животное. — Ах ты разбойник! Напугал папочку.

Кот снисходительно бросил ему в ответ скомканное урчание и продолжил прерванный сон.

— Прошу вас, пройдите! — Боря столь же нежным взглядом одарил и сэра Александра.

Таким образом молодой аристократ был вынужден остаться в гостях. Когда ему все-таки удалось убедить хозяина, что он не нуждается в вознаграждении, они сошлись на том, что в мире еще существует доброта, иногда преподносящая простым людям такие щедрые дары.

— Может, тебе что-то все-таки нужно? — как ни странно, продолжал сомневаться Боря, — Скажи — не стесняйся. Я ведь все могу.

— Не беспокойтесь, — успокоил его гость, — Вернуть животное владельцу — долг честного человека. Ужасно терять тех, кого любишь. А для котиков подобная трагедия может окончиться весьма печально. Моя мать не на шутку увлечена котами, так что вежливому обращению с ними я научен с самых пеленок — Александр решил деликатно умолчать о недоразумении с валерьянкой, так как понимал, что этот факт из его биографии вряд ли усладит слух лысого кошкочюба.

— А у вашей матери породистый кот?

— Трижды лауреат кошачьих смотров Дербишира и бронзовый призер Королевской выставки прошлого года. В Лондоне он известен куда лучше, чем я, — не без гордости заявил сэр Доудсен.

— Ух ты! Вы его в Лондоне выставяете. Ух ты!

— Не я, — счел нужным объяснить Александр. — Моя матушка.

— А он хоть немного похож на моего Варфоломея? — в глазах Бори скользнуло что-то заискивающее.

— Ваш несомненно больше, — дипломатично заметил потомок Доудсенов.

— Ваще! — восхитился хозяин, с гордостью оглядев своего любимца. — Я его кормлю по часам!

— Очень правильно делаете, — согласился сэр Александр, чувствуя себя в шкуре доброго волшебника Мэрлина, дарующего славный меч королю Артуру. — Правильное питание очень важно для всех котов. Это первая заповедь доктора Уинсли.

— Доктора кого?

— Доктор Деррик Уинсли — самый известный и уважаемый ветеринар Лондона. Он ежемесячно осматривает придворных кошек Ее Величества королевы Елизаветы.

У нас в Матчингеме он бывает куда чаще. Иногда гостит неделями. Мама с трудом с ним расстается.

— Да ну! — в очередной раз восхитился Боря. При этом глаза его стали большими и круглыми, как у лягушки, которую излишне сильно сжали поперек брюха. — Неужели ты на короткой ноге с таким человеком? Вот это да! — Лицо его вдруг омрачилось. — А мой Варфоломей начал шевелить ушками, представляешь. И что странно, обязательно к осадкам. Вот я точно знаю: если он ушками зашевелил, значит, будет что-то с неба валиться.

— Да... занятно... — согласился сэр Доудсен, чувствуя, что пора прекратить кошачий диалог.

— Какой там занятно, — взгрустнул хозяин. — Я вот думаю, не к добру это. Ушками-то они шевелят, когда болит у них, понимаешь? А наши доктора отмахиваются, скоты! Говорят, ерунда. Я уже все клиники с Варфоломеем исколесил, а ответ один. Прямо не знаю, что делать.

Дальнейший разговор сложился таким странным образом, что, покидая гостеприимный дом, Александр, к ужасу своему, пообещал то, чего обещать не мог, — выпросить у родительницы консультацию Варфоломея у знаменитого кошачьего эскулапа. Однако суть проблемы состояла в том, что доктор Уинсли не консультировал котов, так сказать, с большой дороги. Его врачевания достаивались лишь благородные животные, чьи владельцы являлись весьма и весьма уважаемыми гражданами. И как с этим быть? В отличие от своего явно породистого кота, Борис, при наличии денег и телохранителей, очевидно, был прискорбно беспородным. Заходя в офис, Александр все еще корил себя за необдуманный поступок, от которого мать его в восторг не придет, а, наоборот, укрепитя в нелестном мнении, что сын ее самый настоящий олух. Однако за порогом он начисто позабыл о происшествии с котом, поскольку образовавшиеся неотложные дела требовали его живейшего внимания.

— Если гора не идет к Магомету, — излишне радостно приветствовал шефа заместитель Виталий, — то Магомет идет к горе.

Александр оглянулся в поисках указанных персонажей, потом вспомнил, что это широко используемая поговорка, и застенчиво усмехнулся.

— Ага! — Виталий ему подмигнул.

В других обстоятельствах сэр Доудсен счел бы подобное проявление симпатии фривольным, но зам его сиял как медный таз, начищенный заботливыми руками своей хозяйки, а потому он простил ему фамильярную выходку и замечания не сделал. А надо было бы! В кабинете, куда заботливо, придерживая за локоть, ввел его подчиненный, развалясь на единственном директорском стуле, полулежал мужичок, при одном взгляде на которого легко определялась его принадлежность к кругам, с которыми английскому аристократу меньше всего хотелось связываться. Посетитель был мелким жуликом.

Александр мог представить этого человека на улице, копошащимся в чужих карманах, в метро, да и в любом другом транспорте за тем же занятием, но только не на своем стуле.

— Простите, — он жестом предложил гостю покинуть единственное сидячее место.

Тот хмыкнул, бросил на хозяина косой взгляд, сплюнул в угол и лениво поднялся.

— Чем могу быть полезен? — осведомился потомок древнего рода, усаживаясь за свой стол.

На этот раз посетитель хмуро покосился на Виталия.

Тот понял намек и залепетал ласковой скороговоркой:

— Ну как же, сэр Александр! Разве вы не помните, мы же с вами обо всем договорились. Человек пришел от Бессмертного Василь Петровича. Переговоры вести.

Александр внимательно присмотрелся к человеку «от Василь Петровича». Вида он был преглупого и вороватого. На уполномоченного делегата не походил и вовсе. Эдакий типчик с большой дороги: низенький, щуплый, с маленькими бегающими глазками, работающими не хуже секундного маятника (если бы таковые производили).

— Это и есть ваш Магомет? — Сэр Доудсен по правилам приличия слегка приподнял левую бровь.

Виталий понял шутку, а вот визитер — нет. Он ощерился, став похожим на озлобленную макаку-резус, готовую вцепиться в руку дрессировщика, и прошипел:

— Я оскорблений не потерплю! Не та шишка, чтобы меня тут поносить!

— Да бог с вами, — принялся ласково увещевать его зам. — Никто и не думал вас оскорблять. Сэр Доудсен не слишком хорошо знает русский язык, а потому ошибается на каждом шагу.

Александр хотел было воспротивиться наглomu наговору, но потом махнул рукой. Вступать в дискуссию ему не хотелось.

— Позвольте все-таки представить вам нашего гостя, — пропел Виталий. — Дмитрий. Можно просто Димон.

— Нельзя, — сухо отрезал Александр. — Как вас по батюшке?

— Василич, — оторопело представился посетитель.

— Вот какое дело, Дмитрий Васильевич, — обратился к нему английский аристократ. — Ни в какие переговоры с вами я вступать не намерен. Если ваш шеф желает заключить со мной сделку, он должен договориться с моим секретарем о встрече. И если он хочет убедить меня в необходимости сотрудничества наших фирм, я готов рассмотреть его предложения, подкрепленные убедительным бизнес-планом.

— Чего-чего? — прищурился Димон, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не взорваться.

— Бизнес-планом, — вежливо повторил директор московского филиала Speed и пояснил:

— Это документ, подтверждающий рентабельность предложения.

Посетитель повернул голову к Виталию и удивленно спросил:

— Он чо, того?

Тот ему растерянно улыбнулся и развел руками.

— Ну, знаешь ли! — вспыхнул Димон и, резко развернувшись, шагнул к двери. Взявшись за ручку, он бросил на хозяина кабинета злобный взгляд и прошипел:

— Хочешь поговорить с Бессмертным, заметано. Так ему и передам.

— Большое спасибо, — искренне поблагодарил его сэр Александр и, считая встречу законченной, включил компьютер.

Когда дверь за визитером с треском захлопнулась, Виталий подлетел к столу шефа на полусогнутых и принялся испуганно шептать:

— Что вы наделали! Что же вы наделали! Вы не знаете, в какую неприятность всех нас впутали.

— Я? — изумился начальник. — Ведь это же вы его пригласили.

— Да, но я рассчитывал...

— Подложить нас под каких-то хануриков? — прозвучало с порога.

Мужчины разом обратили свои взоры к двери. В проеме стояла секретарша Варвара. По тому, как гневно пылали ее щеки, Александр сделал вывод, что персонал фирмы на его стороне, и приободрился.

— Да ты в своем уме?! — возопил его зам. — Это же человек от Бессмертного.

— Надо же! — Варвара покачала головой и поцокала языком. — Бессмертный мог бы кого-нибудь и посолидней прислать.

— Уж не тебе решать, солидный Димон или нет!

— Мне, к примеру, совсем не хочется работать в мелкой бандитской фирме, — неожиданно заявила секретарша, и сэр Доудсен тут же воздал должное ее здоровой гордыне. — У Бессмертного таких конторок — не счесть. Он и сам не знает сколько. А шелупонь эта в спортивных костюмах еще недавно на рынке рэкетировала.

— А мне так все равно! — парировал Виталий. — Лишь бы проценты капали. А без заказов нет процентов.

— Заказов... — тихо изрек сэр Доудсен и покосился на своего зама. А потом прибавил, — Хм...

— Ну, чего ты тут нарисовалась? — обозлился Виталий на Варю. — Не стереть!

— По делу, — та распрямила плечи и упрямо выпятила обширную грудь.

Сэр Александр залюбовался.

«Вот уж правду Некрасов писал, — нахлынули на него романтические мысли. — Русская женщина, коня на скаку остановит и все такое. И грубости от мужика не потерпит. В суд его не потащит и феминистскими постулатами страшать не станет, а просто даст кулачищем промеж глаз что есть силы — и все!»

— Звонок боссу, — обозначила важность своего визита Варвара. — От господина Боброва.

— Что?! — от радости, неожиданно затопившей его с ног до головы, аристократ подскочил до потолка. — Соединяй!

— Будет сделано, — секретарша усмехнулась и, хмуро глянув на зама, пробурчала, — Заказы, заказы... Будут тебе заказы!

Наверное, бурную радость начальства она истолковала по-своему. Мол, нашелся клиент, вот шеф и рад до умопомрачения.

— Сашка! — проорал Серж на другом конце провода. — Сашка, слышишь меня?

— Превосходно вас слышу. — Александр в недоумении отстранил от уха трубку. — Откуда вы звоните?

— Не поверишь, тока что притащился из командировки.

— Поздравляю с прилетом. Как погода в Лос-Анджелесе?

В ухе младшего потомка всех Доудсенов что-то хлопнуло, потом меценат тихо спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Хм... — Сэр Александр удовлетворенно улыбнулся. — Я долго размышлял, куда бы

вы могли отбыть столь внезапно, и пришел к некоторым выводам.

— А башка у тебя варит, — после минутной паузы изрек Серж. — Что еще надумал? Впрочем, молчи, лучше при встрече. Вечером приглашаю тебя в ресторан.

— Уф... — выдохнул аристократ, понимая, что удивительным образом соскучился именно по ресторану. Все четыре дня он питался исключительно полезными продуктами, стороной обходя заведения массового питания, а теперь при одном упоминании о них у него засосало под ложечкой.

— И еще... я тут нашел для тебя работенку...

— В каком смысле? — удивился сэр Доудсен.

— В прямом! Моему другану нужна реклама в регионах. Ну, сам понимаешь, предвыборный год, лохадрон начинается...

— Что начинается в регионах?

— Да выборы грядут! — Серж расхохотался. — Типа честные, нужно деньги вкладывать в рекламную кампанию. Сложная схемка, но твоему предприятию в помощь. Так что выше нос, бизнесмен хренов!

— Я не могу понять, что нужно перевозить? Бюллетени?

— Какие еще, на хрен, бюллетени? Рожу евонную будешь перевозить!

— Прости меня, но я не понял, — Александр совсем растерялся.

— Ладно, не телефонный разговор. К тому же я уже приехал. Мне выходить надо, а не по мобильному трепаться со всякими английскими щенками...

Сэр Александр положил трубку и улыбнулся.

Серж выглядел не слишком хорошо. Это молодой аристократ сразу отметил, едва опустил напротив него за столик в ресторане. Физиономия Боброва, еще неделю назад являющаяся рекламной этикеткой здорового и жизнерадостного человека, порядком осунулась и приобрела болотный цвет. Глаза налились красноватой усталостью и какой-то безысходностью. Он даже улыбался обреченно.

— У вас неприятности? — тихо спросил сэр Доудсен.

— У меня всегда неприятности, — буркнул меценат. — Неприятности — мое второе имя. И мой гребаный бизнес!

— Хм... — Александр принялся детально изучать меню, поняв, что лучше оставить плохое настроение его владельцу.

— Хватит хмыкать! — вдруг рявкнул Серж.

Англичанин вздрогнул. Вздрогнули и посетители ресторана за соседними столиками.

— Почему ты решил, что я летал в Америку?

Сэр Доудсен медленно поднял голову и внимательно посмотрел на сотрапезника:

— Я только предположил...

— То есть на понт меня взял? — так же неожиданно развеселился Бобров. — Смело! А почему предположил?

— Вы действительно хотите поговорить на эту тему?

— Если бы не хотел, то валялся бы ты сейчас в темной подворотне с простреленной башкой, — хмуро заметил Серж. — Валяй, выкладывай.

— Меня удивило ваше стремление отыскать что-то в примерке артистки. Вас так поглотили поиски, что вы не слишком стеснялись покойной. А поскольку до вас кто-то уже обыскал примерку, я предположил, что, движимый желанием найти что-то важное, этот

«кто-то» наведалься и в квартиру мертвой особы. И сделал это, по всей видимости, раньше вас. А раз вас постигла неудача в поисках в Москве, то вы, разумеется, захотели повторить попытку в Лос-Анджелесе в надежде, что искомый предмет остался там. Вот и все.

— Вот и все, — передразнил его Серж. — И что я, по-твоему, искал?

— Вот это уж мне не дано угадать. — Александр улыбнулся.

— Почему я тебе не верю?

— Потому что в данных обстоятельствах вы никому не верите.

— Черт! — Серж рубанул ребром ладони по столу. Бокалы подпрыгнули, жалобно звякнув.

На этот раз Александр, в отличие от остальных посетителей в зале, остался спокоен.

— Что тебе известно?

— Уверяю вас, ровным счетом ничего. Все это лишь умозаключения. Если человек столь лихорадочно что-то ищет, значит, он попал в ужасную ситуацию. Ему необходимо отыскать эту вещь, но у него полно конкурентов, а потому каждый ему видится врагом. Это нормально для охоты. Для любой охоты.

Собеседники надолго замолчали. Каждый думал о своем. И почему-то потомку всех Доудсенов совсем не хотелось знать, о чем думает Серж. Только после того, как официант уставил стол закусками, а Бобров к тому моменту выпил третью рюмку, разговор возобновился.

— У этой дуры был кулон, — мрачно изрек меценат.

Александр отправил в рот устрицу, блаженно закрыв глаза, проглотил и только после этого предположил:

— Верно, дорогой...

— Дороже его для меня ничего нет. Жуть какой дорогой, мать его!

— Теперь вам нужно его найти?

— А какого ляда тогда мне рыскать по всему белу свету?! — возмутился Бобров. — Делать мне, что ли, нечего?!

— Но кулон привлекает не только вас. И, судя по тому, что вы его и в Лос-Анджелесе не нашли, он в чужих руках.

— Жестоко с твоей стороны тыкать меня мордой в дерьмо. Найти бы этих гадов, что Ирму хлопнули!

— Вы полагаете, певицу убили из-за кулона? — Сэр Доудсен покончил с устрицами. От спиртного он категорически отрекся, а потому отхлебнул обыкновенную воду из бокала.

Что заставило Сержа брезгливо поморщиться.

— Еще бы! — с жаром ответил он. — Кулон одуренной цены. Из фамильной коллекции Николая II. Чуешь, сколько денег стоил?

— Думаю, немало. Зачем же она его носила?

— Да дура потому что! Я ей тыщу раз говорил: не таскай ты эту шкуковину на шею — головы лишишься. Не послушалась.

— Кулон был вашим подарком?

— Нет, но этому человеку он очень нужен. А я с ним завязан, поэтому...

— Зачем Юрию Касальскому деньги в английской тюрьме? Кормят там, по слухам, бесплатно. Да и, скорее всего, его выпустят.

Серж, собравшийся опрокинуть в себя очередную рюмку водки, так и застыл, поднеся ее к губам. Когда шок частично прошел, он выдавил с трудом:

— От... от... откуда, мать твою, ты про Юрчика знаешь?!

— Хм... Не вы ли рассказывали мне о нем в самолете? — Александр улыбнулся, с удовлетворением отметив, что опять попал в точку. — Кроме того, пока вас не было в России, все газеты только и писали, что о последней связи Ирмы Бонд с бизнесменом Юрием Касальским, который задержан в Англии по подозрению в отмывании денег через британские банки. Вот я и подумал: странно, чтобы такому бизнесмену вдруг срочно понадобился кулон, пусть и очень дорогой.

— Гм... — Меценат медленно поставил рюмку на стол и задумчиво посмотрел на потомка английских аристократов. — А ты парень не промах. Шибко умный. И чертовски любопытный.

— Трудно не заметить то, о чем кричат на всех перекрестках. Даже если не имеешь на то большого желания.

— Допустим, — после недолгого размышления согласился Бобров. — Но ведь кулон этот Юрка тиснул у жены.

— Если Ирма носила кулон повсюду, не слишком разумно надеяться, что жена до сих пор не догадалась, куда он делся из ее шкатулки.

— Жена Юрчика уже пять лет живет в Париже, — пояснил Серж, — она понятия не имеет, что носит Ирма Бонд. И годами в банковский фамильный сейф не заглядывает. Из газетной шумихи Юрчик выкрутится — не впервой. Его с кем только не скрещивали — в основном за дело, конечно. А все ему с рук сходило. Но если кулон всплывет, то тут уж неприятностей не оберешься. Тогда Юрчику из тюрьмы лучше на свободу и не вылезать.

— Н-да... это мне знакомо. Подобная история случилась с моим кузенком Самюэлем, который обручился с девушкой, не успев официально расторгнуть помолвку с бывшей невестой. Очень неприятное дело, знаете ли. Навсегда отвратило меня от мысли о женитьбе. Бедняге пришлось уехать в Африку.

— Вот видишь, как бывает, — наставительным тоном подытожил меценат. — А жена Юрчика его и в Африке достанет. Очень дотошная тетка, знаешь ли.

— Вы прекрасный друг. — Александр взглянул на Боброва с восхищением.

— Да уж... — буркнул тот.

— Я готов содействовать вам по мере моих скромных сил.

— Нет уж, уволь, — меценат решительно мотнул головой. — С твоими мозгами лучше не лезть в это дерьмо.

Кстати, я же тебе не рассказал о работенке.

— Как хотите, — сэр Доудсен испытал укол разочарования, но вовремя вспомнил, что его предки славились своей непреклонностью перед ударами судьбы, и решил честь фамильную не позорить. А потому виду не подал, как ему обидно, — Но если вы все-таки решитесь обратиться ко мне, всегда знайте: двери моего дома для вас открыты.

— Вот и ладненько. А теперь о деле. Есть такой человечек — Иван Карпов. Собирается баллотироваться в думские депутаты. Деньги у него есть, а вот рекламной кампании нет. И решил этот муди..., ох, прости, в общем, не слишком умный человек разместить свою морду на автофургонах. Твоя компания чистая. В том смысле, что ты у нас человек не запятанный. Под это дело он тебе и заказы подыщет грамотные, чтоб возить грузы в ту область, где он собирается избираться.

— Но у нас в основном зарубежные перевозки...

Серж склонил голову и прищурился:

— Тебе хочется завоевать российский рынок или нет?

— Да, — не колеблясь ни секунды, ответил английский аристократ. — Это моя самая заветная мечта.

— Ну и дурак, — обругал его меценат, — коли ни о чем более путном не мечтаешь. Ну да ладно, твои проблемы. Хочешь завоевать — хватайся за это предложение.

— Я должен подумать. — Сэр Доудсен живо представил себе выражение лица своего дядюшки, когда он начнет ему объяснять, зачем печатать физиономию какого-то русского политика на его автофургонах. И это выражение дядюшкиного лица привело Александра в сильную озабоченность.

— Думай, только недолго. Желающих тьма, а Карпову этому все равно, кому деньги платить, лишь бы морду его правдиво намалевали. Я для тебя это место держу, потому что часть денег на его предвыборную кампанию выложил из своего кармана. Но долго тянуть не смогу. Завтра с утра придется давать ответ.

— Так скоро?!

— Это русский бизнес, дружок! — Серж снова поднес рюмку к губам и снова замер.

Но причиной тому на сей раз явился вовсе не потомок древнего рода, а хрупкая девушка, которая подошла к микрофону и запела. Она была столь очаровательна, а голос ее столь нежен и приятен, что все посетители ресторана враз перестали жевать и обратили свои взоры к небольшой эстраде. Она исполнила песню Элвиса Пресли «Love me tender». Меценат отставил рюмку и, потеряв интерес к собеседнику, уставился на певицу. Когда закончилось первое отделение небольшого концерта, и девушка грациозно удалилась, Серж обернулся к Александру. Глаза его горели странным огнем. Такое пламя во взоре молодой аристократ видел лишь однажды — в глазах своего отца, когда тот рассказывал ему о тайнах «Эликсира Доудсена».

— Как она тебе? — с придыханием спросил Бобров.

— Прелестна, — Александр мягко улыбнулся.

— И это все, что ты можешь сказать?! Твою ж мать! Она богиня! Она золотое дно! Она соль эстрады! — Серж всплеснул руками, потом одним махом осушил рюмку и продолжил, — Потрясающий голос! Настоящий джаз! А как она держится! Боже, какая у нее энергетика! Я не мог от нее оторваться! Она источник с живой водой! Публика на нее молиться будет! Нет, ты видел, как все морды свои от тарелок оторвали! У меня мурашки по коже бегали. Ну и сиськи, конечно... Эй! — Он махнул официанту, а когда тот подлетел на полусогнутых, заорал, — Кто эта певица? Быстро дуй к директору. Я должен с ней встретиться!

— Понравилась? — официант понимающе кивнул. — Вы меня простите, но она не подходит к столикам. Девочка с достоинством.

— Да плевать мне на ее достоинство! — рявкнул меценат. — Директора сюда, живо! Знаешь, кто я? Я Бобров!

— Э... не могу знать...

— Хочешь остаться без работы?

Несчастный официант побледнел и скрылся прочь.

— Со мной такое редко бывает, — признался Серж и шумно выдохнул, — Вернее, впервые со мной такое. Ирму тоже я заметил, но это было не то. Ирма хорошо смотрелась, пела неплохо, но от нее всегда разило холодом, как от морозильника «Стинол». Все, что она собой представляла, — это моя работа. А этой девочке ничего не нужно. Она такая

органичная. Господи...

Молодому Доудсену оставалось лишь удивляться да наблюдать за тем, как рождается новая звезда. Он ни минуты не сомневался, что Боброву под силу сделать знаменитого артиста из кого угодно. Сам он подобных чувств к девушке не испытал. Пела она действительно хорошо, выглядела в своем красном дешевом платье неплохо, но чтоб мурашки по коже... Наверное, дело было в том, что он не меценат, а значит, с искусством не на короткой ноге. Короче говоря, ничего он в искусстве не понимает. Во всяком случае, Александр теперь в этом мнении окончательно утвердился. Если бы понимал, то трясся сейчас, как Серж, от предвкушения нового открытия и пил водку. Однако скорая развязка обернулась большим разочарованием. Директор ресторана — долговязый тип скорчил скорбную гримасу и сообщил с извинениями, что певичка быстро собралась и смоталась вон.

— Я настаивал. Говорил, что ее уважаемый человек ждет, — директор горестно вздохнул, — Но, что тут поделаешь. Идиотка! Сорвала вечер! Я ее конечно накажу за такие убытки.

— Да плевать на убытки! — взревел меценат. — Где мне ее найти?

— Ох... — Директор закатил глаза и покачал головой:

— Паспорт с пропиской я у нее не смотрел. Все, что я знаю, так это мобильный телефон руководителя. Геннадий Силин, тот, который на клавишах играл.

— Не заметил, — поморщился Бобров. — Ладно, давай хоть его телефон.

— Но они по любому выступят в нашем ресторане через неделю. У коллектива долгосрочный договор.

— Как-то это нелогично... — тихо заметил Александр, когда вопрос с телефоном был решен и расстроенный директор удалился восвояси. — Зачем бегать от продюсера...

— Много ты понимаешь, — проворчал Серж, — Откуда нам знать, что за плечами у этой девочки. Может быть, ее ни раз в таких вот кабаках обижали всякие толстосумы. Может, горы золотые сулили, а потом... — он досадливо махнул рукой. — Тяжела и незавидна жизнь эстрадного артиста. Тут душа чувствуется, тут без пряника не обойтись. Уговаривать нужно, походить за ней недельку-другую, в доверие вползти на брюхе. Зато потом она раскроется, и потечет в карман золото, как из рога изобилия.

— Вы поэт, — усмехнулся молодой аристократ.

— Я в искусстве всегда поэт. Дар у меня не слабее, чем у Пушкина, — не без гордости заявил меценат. — Только у Алесан Сергеича он в словах выражался, а у меня в предчувствии. Понимаешь, я вижу будущую славу. Точно знаю, из кого эта слава попрут, как вулканическая лава, а кто никакосовый. Вот и все. Ни разу еще не ошибся. И в любом искусстве, куда ни плюнь, везде мои детки. Хоть в театре, хоть в балете, хоть на эстраде. Я струну вижу в человеке. И слышу, как она звучит. А еще слышу, как на ней умелой рукой сыграть можно. Такой дар, братец, явление редкое. За то меня и уважают.

— Я второй раз за вечер убеждаюсь, что вы очень благородный человек! — с чувством выдохнул пораженный своим открытием Александр.

Маша не могла слышать этого разговора. Она о нем даже догадываться не могла. Она неслась сквозь холодный вечер, гонимая страхом и упреками своих коллег из группы.

— Слушай, это ненормально, — возмущался Вовка, месая осеннюю грязь за ее спиной. Грязь чавкала.

— И почему ты на машине ехать отказалась? — проворчал Генка, кутая горло в вязаный

шарф. — Можно подумать, сейчас за тобой в погоню три «мерса» отправят.

— В метро надежнее. — Маша повернулась и одарила их вымученной улыбкой. — Я вам страшно благодарна, что согласились меня проводить.

— Еще бы! — Вовка шумно вздохнул. — Ты так стремительно покинула хлебное место!

— Которое мы, кстати, потеряли, скорее всего, — закончил за него Генка. — Говорил я, с девками всегда сложно. Нужно было парня солистом брать.

— Простите меня, — взмолилась Маша, краснея.

— Да чего ты его так испугалась-то?

— Ой, ребята, и не спрашивайте.

— Нет уж, разрешите полюбопытствовать, — съехидничал Генка. — Ты нам должна, помнишь?

— Конечно, — теперь Маша вздохнула. — Только тут словами не расскажешь. Интуиция.

Она очень хотела поделиться с кем-нибудь пережитым за последнюю неделю. Но толком не знала, чем и с кем. Что рассказывать-то? Ну, подобрала она за кулисами кулон и мобильный телефон известной певицы. Пока собиралась вернуть, ту убили. А как обнаружили тело, набежало милиции полный коридор, и началась сумятица. А еще администраторы бегают, кричат, чтобы концерт продолжался. Чтобы для пользы следствия артисты сохраняли факт смерти Ирмы Бонд в тайне, и ни-ни рассказать зрителям, а тем паче налетевшим откуда-то журналистам. Концерт кое-как продолжили, хотя выступления у всех вышли скомканными. Впрочем, всего этого Маша уже не увидела. Бес ее какой-то подхватил и потащил прочь, на улицу, подальше от всего этого кошмара. Очнулась, только когда оказалась в собственной комнатке. Лицо горит, тело лихорадит, а рука все еще сжимает и кулон, и телефон несчастной певицы. Села на диван, заревела. Жаль было Ирму Бонд. Ужасно стыдно за себя, что думала о ней так плохо тогда, в фойе. И понятия Маша не имела, что ей делать теперь с чужими вещами. Никогда она не брала того, что ей не принадлежит. А теперь вот такая штука на коленях лежит — сокровище, словно из музея. Огромный камень переливается изнутри загадочным светом, весь в искусных золотых завитушках.

Господи! Куда же его нести?! В милицию? Так ведь кто знает, что ей за это будет. Страшно. Она в Москве чужая, даже регистрации нет. А если посадят в тюрьму по подозрению в убийстве? Продюсеру Ирминому отдать? А как его найти?

В конце концов, решила: «Пусть полежит, пока не найдут убийцу, не докажут его вину стопроцентно, а уж потом отдам следователю, расскажу, как было дело. А может, судьба подкинет еще какое решение. Утро вечера мудренее».

Решить-то решила, только с этой самой ночи стало преследовать Машу чувство неотвратимой опасности. Словно кто-то занес над ее головой огромный меч и только ждет момента, чтобы отсечь ей голову. В каждом встречном она видела убийцу Ирмы Бонд, который теперь охотится и за ней, Машей. Почему ей казалось, что она знает слишком много, чтобы убийца этот оставил ее в живых, она не могла ответить. Только чувствовала зло, и все. Выступления в клубе теперь превратились в настоящую пытку. Три дня она пела, едва сдерживая дрожь во всем теле, которая и в голосе прорывалась. Правда, ребята тут же признали, что петь она стала более проникновенно. Но кому от этого легче? Вчера немного успокоилась. Даже ночью ни разу не проснулась. И вот, пожалуйста. Двое мужиков к столику зовут. А один из них знакомый такой, словно она видела его уже где-то. Молодой, высокий, взгляд у него холодный, как у профессионального убийцы. Чего же ему не хватает,

чтобы воскреснуть в ее памяти четким образом? Какой-то мелочи. Важной мелочи. Чего? Где она могла его встретить?

— Маш! Маш, а Маш! — Генка тряс ее за рукав пуховика. — Маш!

Она вздрогнула и оглянулась. Они ехали в полупустом вагоне метро. Как она сюда попала, не помнит — провалы в памяти начались.

— Маш, а почему ты все-таки от Боброва-то шарахнулась? — Гена усмехнулся. — Может быть, это был твой шанс?

— Боброва? Кто это?

— Эх, ты! А еще звездой хочешь стать! — развеселившись, Вовка хлопнул ее по плечу. — Это ж известный кошелек. Многих артистов в люди вывел. У него денег — куры не клюют. И большую их часть он тратит на раскрутку неизвестных исполнителей. Да, вот хоть Ирма Бонд, упокой Господь ее душу...

— Что?!

— Тихо ты! — Генка, обхватив за талию, привалил ее у себе, — Чего ты глаза таращишь, как полоумная. Нас еще с тобой в психушку загребут. Да что я такого сказал? Бобров — серый кардинал в шоу-бизнесе. Дает деньги продюсерам на раскрутку исполнителей. Потом гребет откаты лопатой. Или не гребет, а греется в лучах чужой славы. По-разному говорят. Ирма Бонд — это его финансовое детище. Было...

— Ох! — Маша уронила голову ему на плечо.

— Эй, нам выходить на следующей!

— Ребята, можно я больше никогда не буду петь в «Эллочке-людоедке»? — пролепетала она.

— Вот дура! — хохотнул Вовка. — Тебя смерть звезды так впечатлила? На кой хрен Боброву ее убивать? Она же ему деньги приносила. Мешками. Да и вообще, не всех подопечных Боброва обязательно убивают. Вон Алик Яковлев танцует себе в Большом, на гастроли ездит.

— Сплюнь! — шикнул на него Генка.

— Да чего с ним будет? За него импресарио всего мира передраяться готовы. Он в полном шоколаде.

— Машенька, у Боброва полно клиентов. Все звезды. А убили только Ирму. Считай это недоразумением. В конце концов, у нее были такие знакомые... — Генка взял ее под руку и подвел к дверям.

— Ноги моей больше в «Эллочке-людоедке» не будет, — упрямо заявила Маша.

— Дело твое. В конце концов, нас уже неделю приглашают в кафе «Элвис». И платят там круче, — неожиданно согласился Генка.

— Слушай, а ведь в ресторане могли дать твой мобильник, — предположил Вовка, ткнув его в бок.

— На хрена?

— Ну, если Бобров Машей реально интересуется. Маш, ты как?

— Ни в коем случае. Я вас не кину!

— Вот, дуреха! — вздохнул Вовка.

Потенциальный депутат Карпов Иван Петрович оказался человеком, неспособным украсить своим ликом какое-либо транспортное средство. Он был тучен и краснолиц. Но более всего его физиономию уродовали огромный лиловый нос формы больной картофелины и маленькие бегающие глазки.

— Вань, с такой мордой лучше вообще избираться инкогнито, — хохотнул Бобров, оглядев приятеля довольно пристально.

Александр в душе с ним согласился, но виду не подал.

— Да? — делано изумился обладатель лиловой картофелины, голос которого оказался до удивления высоким. — А так?

И тут произошло худшее, что могло произойти за этот злосчастный день. Иван Карпов улыбнулся. При этом его щеки расползлись до затылка, оголив белые вставные, зубы. Зрелище получилось чудовищное.

— Хм... — сэр Доудсен деликатно скосил глаза в угол.

— Я в ахере! — промямлил меценат, когда смог выдохнуть. — Ты отнимаешь хлеб у Джоконды. Знаешь, сосредоточенная грусть тебе больше к лицу.

— Ты не прав, — прекратив омерзительно улыбаться, ответил Карпов. — Главное для политика — это чарующая улыбка. Я этому три месяца на американских курсах учился. Ведь избиратели любят улыбчивых кандидатов.

— Ну... — Меценат заинтересованно посмотрел в окно, словно высматривая будущих недоумков, готовых полюбить улыбку Карпова, среди проходящих мимо ресторана мирных граждан. — Можно рассмотреть вопрос и с иной стороны. Ты грустишь о судьбах россиян, ты сосредоточен и готов сделать их жизнь лучше...

Вот Жириновский, к примеру, никогда не улыбается, да и Шандыбина я скалящимся ни разу не видел, а ведь какая у них популярность.

— Я драться, как они, не собираюсь. У них свой конек.

— Не собираешься, но будешь, — со знанием дела заявил Бобров. — Уж поверь мне.

— Прощу прощения, — наконец вступил в разговор сэр Александр. — Если не ошибаюсь, вы собираетесь выдвигать свою кандидатуру от Ивановской области (он очень гордился, что за ночь сумел изучить современную политическую конъюнктуру России), — Почему бы вам не запечатлеть свой портрет на городском транспорте?

Потенциальный депутат глянул на него с недоумением, потом обратился к меценату:

— Серж, он что, с дуба упал?

— Он из Лондона, — сдержанно пояснил тот.

— А, тогда понятно, — облегченно вздохнул Карпов. — Ты поясни ему.

— Видишь ли, Саша, — Бобров осторожно тронул его за плечо. — Ведь в Ивановской области как минимум трое желающих попасть в Думу. И все они живут в Иваново. А потому уже давно купили все места на троллейбусах и автобусах, ну и украшают город своими рожами. Так что роже господина Карпова в транспортных пределах города места не нашлось, а потому нужно что-то придумать. Придумали замечательную схему: твои машины — наши заказы, его рожа — твоя прибыль. Уяснил?

— Н-не очень, — честно признался английский аристократ.

— Да чо он ваньку валяет! Чистоплюй хренов! — неожиданно грубо возмутился недавно улыбавшийся Иван Петрович. — Малахольный он какой-то. Неужто нельзя было найти кого посolidнее?

— Простите, но я не терплю, когда в моем присутствии обо мне выражаются в третьем лице, — скулы Александра вмиг побелели, а нос слегка заострился. Его друзья по клубу «Пеликан» непременно решили бы, что он довольно зол, и на некоторое время оставили бы его в покое. Разумеется, предварительно извинившись весьма деликатным образом.

Но Серж и Карпов никогда не состояли в членах этого старейшего и уважаемого клуба, а потому оба лишь недоуменно уставились на младшего Доудсена.

— Да кто он такой, мать его! — воскликнул обладатель потрясающей улыбки, которой Джоконда могла только завидовать.

— Не суетись, — одернул его Бобров. — Это наш парень.

— Наш парень? — прищурился Иван Петрович, от чего его глаза совсем потерялись в мясистых щеках. — Наш парень не будет задавать дурацких вопросов.

— Не думаю, что мои вопросы можно назвать дурацкими, — опротестовал Александр. — Скорее конструктивными.

— Ха!

— Зря я свел вас так рано, — буркнул меценат, поняв, что, не желая того, стал арбитром чужого и бессмысленного спора.

— Может быть, тебе и улыбка моя не по душе? — перешел на «ты» человек от политики.

— Ваша улыбка не будит во мне ничего радужного, — заверил его потомок аристократического рода. — Но мне решительно все равно, с какой гримасой вы собираетесь предстать перед своими избирателями. В конце концов, это ваше дело. Но что касается моего транспорта, я хотел бы выяснить...

— Эй! — Карпов схватил со стола графин с водкой, который до сего момента столь регулярно опустошал. — Этот хмырь назвал мою улыбку гримасой!

— Хм... в общем-то, не так уж далеко он ушел от истины, — тихо заметил Бобров, однако взял себя в руки и обратился к спорщикам:

— Саша, Ванька, уймись, я сказал!

— Нет, ты слышал?! — взревел Иван Петрович, и лицо его побагровело. — Ты-то знаешь, сколько денег мне стоило научиться улыбаться. Я же пластику на лице сделал, урод!

С этими гневными словами он схватил графин и плеснул его содержимым в лицо потомку аристократического рода.

Александр порывисто вскочил со словами:

— Сэр, вы нанесли мне оскорбление!

Карпов тоже вскочил, плотнее сжав горлышко графина в кулаке:

— И страшно этому рад, прыщ недорощенный!

Вокруг их столика как из-под земли выросли двое официантов и метрдотель. Все они наперебой начали уговаривать спорщиков утихомириться. Музыка на эстраде стихла.

— Я прошу вас выбрать оружие, — холодным тоном произнес сэр Доудсен.

— Да я уже выбрал, недоносок! — насупился кандидат в Думу от Ивановской области и красноречиво потряс графином.

— Перестаньте паясничать, — Александр, не моргая, глядел ему в глаза. — Мне все равно, что это будет: пистолет, сабля или охотничий нож. Нужно уметь отвечать за свои

слова.

— А ну сядьте, кому сказал! — ревел Бобров, пытаясь затолкать то одного, то другого за стол, но те лишь скидывали его руки с плеч.

— А я и отвечу! — рыкнул Карпов.

— Смотри, ща вдарит! — крикнул кто-то в другом конце зала.

— Хрена вдарит! — ответили ему.

— Спорим?

— На сто баксов!

Александр с удовлетворением отметил, что и в России живет столь милый его сердцу спортивный дух. Ставки — лучшее достижение человеческого разума, считал он. Если бы доисторическая обезьяна, вместо того чтобы бессмысленно хватать первую попавшуюся палку вслед за вожак, поспорила бы с другой обезьяной на то, собьет вожак этой палкой банан или нет, человечество давно бы уже умело летать в другие галактики.

И тут Карпов позволил кому-то заработать сто долларов США, он замахнулся, желая опровергнуть общее мнение, что ссора пошла на убыль. Александр молниеносно отразил удар. Другой рукой, сжатой в кулак, он саданул противника в огромный нос.

— Еж твою двадцать! — взревел Карпов, выронив графин и схватившись за лицо.

— Допрыгался! — не без злорадства заметил Бобров и одобрительно покосился на сэра Доудсена.

В этот момент что-то на мгновение осветило их лица, тонувшие в полумраке обеденного зала ресторана.

— Твою мать! — крикнул меценат и, руша все на своем пути, ринулся в сторону вспышки. — Кто пустил в зал репортера! А ну дай сюда свою проклятушую шелкалку.

Завязалась общая каша. Бобров споткнулся о ножку стула и повалился на какую-то даму в дорогих шелках. Ее кавалер, разгоряченный зрелищем чужой баталии, тут же решил принять участие в потасовке. А потому стукнул по затылку поднимавшегося мецената.

— Сволочь, я же принес свои извинения! — обиженно промямлил тот и молниеносно вцепился в горло противника бульдожьей хваткой.

— Ты мне нос разбил, скотина, — проныл Карпов и кинулся на Александра.

— Господа, господа, — взмолились метрдотель и официанты, — пожалуйста, перестаньте!

Где там! К двухочаговой драке неожиданно подключились все дееспособные посетители ресторана. И вскоре Александр с удивлением заметил, что ему приходится отражать нападки не только будущего депутата, но и людей, ему доселе не представленных. Бобров бился в другом конце ресторана. За окнами завывала милицейская сирена. И никто уже не вспоминал о причине конфликта. Лишь изредка в глаза как нападавшим, так и обороняющимся били яркие вспышки фотокамер.

Утро английского аристократа началось ужасно. Боль сверлила виски, расплзалась по голове и сжимала горло страшными сухими судорогами. Однако более всего терзали Александра вовсе не физические, а душевные страдания. Он смутно помнил отвратительную драку в ресторане, которая закончилась постыдным бегством. Бобров за шкуру вытащил его на улицу и затолкал в свой джип. Сэр Доудсен все еще молотил кулаками воздух, выкрикивая страшные проклятия отвратительному политику Карпову, которому, по его мнению, больше подошли бы тюремные нары, нежели депутатское кресло. Почему при наличии трех

охранников и водителя Серж сам оказался за рулем автомобиля, Александр уже не мог вспомнить. А вот ту поездку по ночной Москве он при всем желании выкинуть из головы не мог. Хотел бы забыть, как многое случившееся за вечер, да не мог. Джип петлял по дороге, редко попадая на положенную полосу. Ехали все больше по встречной. Машины гудели, Бобров же, воодушевленный таким вниманием, распевал во весь голос:

«Ехали на тройке с бубенцами...», «Дорогой длиною, да ночью лунною...» — ну и так далее. Александра мутило. Он с горечью пенял себе, что не должен был пить. Так ведь как тут откажешься, когда Бобров чуть ли не с ножом к горлу:

«Ладно, меня не уважаешь, но почему ты Карпова не уважаешь? Ты же его не знаешь совсем, а уже, значит, не уважаешь?!»

Вот так и напоил до драки. Никогда еще Александр не позволял себе подобного в общественных местах. Да что там в общественных, он вообще никогда себе подобных грязных выходов не позволял. Когда они выехали на набережную (стыд-то какой, прямо возле Кремлевской стены), их остановил сотрудник ГАИ. Бобров едва не задавил блюстителя порядка. Открыл дверь, вывалился в руки закона (в прямом смысле, потому как еле держался на ногах). Спиртным от него разило соответственно, то есть на всю набережную. Гаишник даже закашлялся.

— Ну, что... будем в трубочку дуть или так права отдадите? — елеиным голосом осведомился он.

— Я? Права?! — Серж проморгался и с искренним удивлением уставился на него.

— Так вы же мертвецки пьяны! — счел нужным пояснить страж, пытаясь придать телу водителя вертикальное положение.

Это ему никак не удавалось сделать, Серж все норовил прилечь ему на плечо и отчаянно шатался.

— Деньгмвзмшь? — заплетающимся языком предложил нарушитель.

Представитель закона закатил глаза и обреченно вздохнул:

— Не могу. Куда ж я тебя такого на дорогу выпущу. Ты же полстолицы передавишь. А мне потом отвечать.

— Последний раз предлагаю... — туманно намекнул Бобров.

— Нет, права, и вызывай таксиста, — стоял на своем гаишник.

— Тогда звни в отделение.

— Чего?

— Звни, звни, грю! Я ж Бобров.

— Да по мне хоть Выхухолев, — заупрямился блюститель порядка. — Давай права.

— Звни, а то пжалеешь! Бушь птом раслю... расхлю... рассс, тьфу ты леший, звни, пока я еще гврю, как челвек!

Гаишник решил, что спорить в подобной ситуации не стоит. Во-первых, все равно наряд вызывать, так как уже понятно, без боя этот тип свои права не отдаст, а во-вторых, ну мало ли кто, в самом деле, шляется на джипе мимо Кремля. Может, и лучше отпустить его подобру-поздорову. Да еще и приплатить, чтобы тихо укатил.

— Алло! Диспетчер? Васильев говорит! — прокричал он в трубку. — Я тут задержал пьяного. Некий Бобров. Говорит, чтобы я его отпустил немедленно.

— Сергей Валентинович? — послышалось из трубки.

— Ты Валентинович? — переспросил у Сержа представитель закона.

— Он, — согласно кивнул тот.

— Он, — повторил гаишник.

— Какого черта! Мать твою! — вдруг заругались на другом конце провода. — Ты что, совсем офонарел? Это же Бобров! Бобров!

— Так он же пьяный!

— Он кого-то задавил?

— Пока нет вроде бы, — растерялся гаишник.

— Ну так и пускай себе едет!

— Он же непременно кого-нибудь задавит. Или сам разобьется! — в отчаянии крикнул в трубку страж правопорядка.

— А это уже не наше дело. Мы его не задерживаем, и баста. Все, Васильев. Отпускай его.

Васильев пожал плечами и, отключив телефон, с мольбой взглянул в глаза Сержа:

— Может быть, я вас довезу?

Тот возложил ему руку на плечо, отчасти потому, что иначе устоять на ногах не мог, и пробасил не без гордости:

— Когда я пью, я всегда сам сижу за... на... у... около... а хрен с ним. Я веду машину, и все! Такие вот у меня правила.

— Может, такси вызвать, а, господин Бобров? — с надеждой спросил гаишник.

— Нет! — мотнул головой пьяный герой.

— А можно мне такси? — робко поинтересовался Александр, высунув голову из машины. Пять минут назад, еще до того, как джип остановили, он мысленно прощался с жизнью и теперь неожиданно узрел надежду на спасение.

— Сидеть! — рявкнул ему Серж и, неуклюже забираясь в машину, к ужасу своего пассажира, начал пояснять:

— Подрался в ресторане... Я растащил, должен отвезти дмой. Лорд ведь все-таки английский. Аристократ, мать его!

— А... — понимающе протянул Васильев, осторожно подталкивая Боброва. — Ну, езжайте. С богом.

Серж изо всей силы вжал педаль газа в пол. Машина взвизгнула и рванулась с места. Но не прямо, а почему-то вправо. Пролетев по газону, она молниеносно закончила забег, налетев на фонарный столб.

— Ох! — Гаишник Васильев дернулся всем телом и присел.

Александр вжался в спинку сиденья. Бобров упал лбом на руль.

— Как вы? — После секундного шока сэр Доудсен ринулся к водителю, ожидая увидеть самое худшее. Удар был не сильным, но мало ли что...

— Вот дьявол! — к великому облегчению потомка английских аристократов, хрипло выругался тот. — Теперь действительно придется на такси.

Вспоминая эту часть прошедшей ночи, Александр чуть было малодушно не разрыдался, до того ему стало стыдно. Но жестокая судьба еще не закончила свои издевательства. Телефонный звонок, казалось, разорвал его мозги в клочья. Он снял трубку и угрюмо ответил:

— Алло!

— Александр! Ты меня хорошо слышишь? Я бы хотела с тобой серьезно поговорить.

Голос тети Алисы Александр узнал бы в любом состоянии. Раскаты майского грома по сравнению с этим густым басом любительницы лисьей охоты казались задушевым

шепотом. Тетя Алиса с юности тренировала связки, оглашая леса и поля Англии криками. Даже издавшие виды загонщики вжимали головы, когда слышали ее залиvistое «ату», даже гончие припадали к земле, изо всех своих собачьих сил желая стать как можно незаметнее. В гневе же тетя Алиса была страшнее разбушевавшегося вулкана. А сейчас она находилась именно в таком состоянии. Ко всему прочему по ряду причин (в том числе и из-за памятных случаев с ее кошкой, у которой, как все считали, Александр в каждый свой визит выдирает по уссу) тетя Алиса не слишком жаловала племянника и с радостью журила его по любому, даже незначительному, поводу. Одним словом, темперамент и предвзятое отношение сделало ее в глазах Александра сущим драконом, и никак иначе.

— Александр! — прогремело в трубке. — Ты должен немедленно вернуться в Лондон!

— Что? — сэр Доудсен подскочил и сел на кровати, ошалело хлопая глазами.

— Я серьезно говорю, — отчеканила тетушка. — Ты и двух недель не пробыл в этой варварской стране, а уже успел стать позором нашего рода.

— Что?!

— Перестань постоянно повторять свое дурацкое «что»! Ты не попугай! Хотя мне кажется, что мозгов у этой глупой птицы куда больше, чем у моего тупоголового племянника!

— Что?! Простите, тетя Алиса, я постараюсь больше не повторяться. Но я крайне удивлен!

— Ах, он крайне удивлен, — басом передразнила его родственница. — Он удивлен! Ты бы лучше поинтересовался, как пережила удивление твоя несчастная мать! Хотя я всегда ей говорила, что ты себя еще покажешь. За этим ликом тихого благородства непонятно какие демоны скрываются. Не мои ли это были слова? Мои! Так что я не удивлена!

— Да в чем дело, собственно? Что с мамой?!

— Она всего лишь раскрыла сегодняшнюю «Таймс». И ее завтрак превратился в кошмар!

— Я не понимаю...

— Еще бы! Трудно ожидать понимания от человека, который даже не задумывается над тем, какую боль он может причинить родным своими гнусными выходками!

— Тетя Алиса, я был бы очень признателен, если бы вы перестали говорить загадками и объяснили, в чем дело!

Сэр Доудсен почувствовал, как волосы у него на голове пришли в движение. И не безосновательно.

— Объяснить? Ты еще требуешь объяснений? Ты подрался вчера в ресторане с уважаемым политиком. И не говори мне, что тебя втянули в драку. Я просто уверена, что это ты виноват. Тебе в сегодняшней газете посвящена целая страница! Бедняжка Белла слегла и не встает с постели! Я не знаю, как мне теперь смотреть в глаза нашим друзьям. А что я скажу на собрании комитета общества «Благотворительность в искусстве»? Как мне объяснить твой поступок?

— Не уверен, что именно мой поступок занимает умы столь благородных леди, — проворчал Александр. — На их шеях полно пьющих художников.

— Твоя мать говорит, что Матчингем осаждают журналисты. Они хотят все знать о тебе.

— Могу себе представить, — без энтузиазма промямлил потомок английской аристократии.

— Я в тебе страшно разочарована! Я полагаю, твой дядя, а мой муж Реджинальд совершил непростительную ошибку, отправив тебя в дикую страну. С таким необузданным нравом лучше сидеть дома, мой дорогой. И я всегда говорила, что тебе просто необходимо жениться! Виолетта была твоим спасением. Подумай над этим. Насколько я знаю, она все еще тебя любит. Хотя лично мне совершенно непонятно, за что! — закончила свою речь тетя Алиса и отключилась.

Александр еще минут пять казалось, что в голове у него гудит набат. «Жениться на Виолетте!» Его невольно передернуло. Девушки, похожие на местами выщипанных цапель были не в его вкусе. А если девушки с такой внешностью еще и удались характером в свою крестную тетю Алису, то Александр уж лучше готов согласиться стать извечным персонажем скандальной хроники, нежели спасти себя женитьбой на такой особе! Не успел он как следует отдышаться и подумать о своем печальном положении, как телефон зазвонил снова.

— Алло, — печально ответил сэр Доудсен.

— Наслышан о твоих... гм... приключениях, — прогнусавил в трубку дядя Реджинальд Блэр.

Сердце Александра ухнуло в коленки и там робко затрепыхалось. Наверняка тетя Алиса успела втолковать мужу, что племянника для его же блага необходимо срочно водворить в родные пенаты и там женить. Такого последствия ночных событий молодой аристократ никак не предполагал. Предполагал бы — сидел в квартире безвылазно. А от Боброва бежал бы, как от чумы.

— Твоя тетя вне себя, — запоздало сообщил сэр Реджинальд. — Распекает тебя на чем свет стоит. Кажется, она опять задалась идеей женить тебя на своей крестнице. Бррр! Скажу по секрету, жуткая девица! Опять всучила мне книжку какого-то прощельги «Закаляющийся бизнесмен». Ты знаешь, что советует этот тип в первой главе? Ни за что не догадаешься. Отказаться от алкоголя и бегать по утрам! Ха! Я — и бег по утрам! Какой бред! Как ей только в голову пришло такое! И бег — это еще детские шалости. Но просить меня отказаться от рюмочки портвейна перед сном? Слушай, мне думается, что этой самой Виолетте необходимо изрядно прочистить мозги.

— Н-да... — понимающе протянул Александр.

— Ну, так как ты считаешь, эта драка может сослужить нашей компании хорошую службу?

— Что?! — Во второй раз за утро сэр Доудсен подскочил на кровати.

— Я имею в виду в плане рекламы, — сконфуженно поправился дядя. — Не знаю, как в Москве, а в клубе «Пеликан» ты просто герой. Сегодня все утро только о тебе и говорят.

— Неужели? — Что-то подсказало Александру, что шеф не собирается его увольнять. И это обстоятельство его несказанно обрадовало.

— Я давно хотел тебе сказать, что ты чересчур уж сдержан. Не то чтобы я тебя осуждал, но в твоём возрасте я кутил на полную катушку. И, видимо, годы все-таки берут свое, а?

— Значит, вы не намерены возвращать меня домой? — с дрожью в голосе решил уточнить директор московского филиала.

— Чтобы тебя тут женили на этой цаплеобразной особе с нравом необузданного жеребца? Еще чего! Я думаю, что теперь дела наладятся. Раз уж ты начал драться в публичных местах с политиками, а это в России принято, значит, ты пропитался местным духом коммерции. Разумеется, я не имею права тебя хвалить, я же как-никак твой дядя, но

как начальник подчиненному скажу: я тобой весьма доволен. Заказы появились?

— Ну... — Александру не хотелось расстраивать поддержавшего его в трудную минуту родственника, а потому он туманно изрек, — Кое-какие наметки...

— Отлично! — обрадованно воскликнул тот. — Я в тебе не сомневался! Я тут тоже работаю. Знаешь, там-сям...

После разговора с дядей Александр испытывал смешанные чувства. С одной стороны, он был рад, что остался на прежней должности и, кажется, даже добился похвалы начальства, но вот с другой... сомневался, что разрекламированная им «кое-какая сделка» вообще состоится после драки с тем, с кем сэр Доудсен должен был ее заключить. Он встал с кровати и потер виски. Телефон зазвонил в третий раз.

«Скорее всего, еще какой-нибудь родственник...» — отстраненно подумал потомок английских аристократов и взял трубку.

— Хорошо погуляли, — прохрипел ему в ухо Бобров. — Давно так не веселился.

— Что было, то было, — скупой ответил ему Александр, не к месту вспомнив момент столкновения джипа с фонарным столбом под стенами Кремля.

— Я и не подозревал, что Карпов-то наш такой вояка. — Серж хохотнул. — Ну и ты, конечно, не отстал. Ниндзя хренов. Хорошо, хоть не прибил на хрен будущего депутата.

— По возможности принесите ему мои извинения, — сэр Доудсен густо покраснел. — Я должен вам это сказать. Потому что плохо, если вы, как... гм... — Он пытался подобрать правильные слова, чтобы определить место Сержа в предвыборной инициативе Карпова. Наконец нашелся, — Участник кампании Ивана Петровича, а значит, лицо заинтересованное, узнаете о случившемся от других лиц...

— Что, поехал к нему домой и прибил все-таки? — отчего-то радостно предположил собеседник.

— Да господь с вами! — испугался аристократ. — Наши фотографии напечатали в «Таймс». Вышла большая статья. Мне недавно звонили из Лондона.

— Да ты чо! — неожиданно воодушевился меценат. — Не врешь?!

— Не имею такой привычки.

— А у нас? У нас пропечатали?

— Сие мне неизвестно.

— Вот бы и у нас! Нет, ну каковы англикашки! Прости, ничего личного! Но как подсуетились! От же профи!

— Зачем вам столь сомнительная слава?

— Да что ты, мальчик! В нашем деле любая слава — это слава с большой буквы С! Побольше бы таких драк, Карпов бы вмиг стал популярным.

— Сомневаюсь...

— И зря! Ты ему такую рекламу устроил, он же тебе денег должен больше, чем своим учителям за ту хренову гримасу, которую он наивно считает улыбкой. Знаешь, а ты подал мне хорошую идею. Слушай, считай, что контракт у тебя в кармане. Ты, надеюсь, не против?

Сэр Доудсен был очень даже против работы с таким несдержанным и даже буйным типом, как политик Карпов, но другого выхода у него не было. Контора не имеет ни одного заказа. А он уже пообещал дядюшке «кое-что».

Александр скрипнул зубами и холодно ответил:

— Разумеется. Если, конечно, господин Карпов согласится.

— Покочевряжится для приличия. Я его знаю. Но я надавлю. Да и потом, это ж я дурак.

Свести вас в таком месте. Нужно было башкой думать. Ладно, я тут мозгами раскину, как бы вас второй раз столкнуть...

— Советую на наш поединок продать все билеты, — ухмыльнулся аристократ.

— Заметано. У меня есть одна мыслишка...

Коля поморщился, еще раз внимательно оглядел кисть в руке, потом перевел взгляд на мольберт и снова поморщился. Этюд ему не нравился. Маша свернулась комочком в огромном, заляпанном краской старом кресле и исподтишка наблюдала за ним, дожидаясь момента, когда можно завести разговор, ради которого она притащилась к нему через всю Москву. В квартире художника было холодно — он открыл окно, чтобы слегка выветрить густой табачный дым. Дышать все равно было невозможно, у Маши даже в горле пересохло. Только теперь еще и холодно стало. В щеку ее кольнула снежинка.

— Ты изверг, — недовольно прохрипела Катька. — Забыл, что я голая?

— А? — отстраненно протянул Колька.

— Окно закрой, сволочуга! По мне мурашки стаями бегают.

— Чего?

— Чего-чего. — Катька вскочила с полосатого дивана и, подлетев к окну, с треском его захлопнула. — Я тут воспаление легких схвачу, пока лежу тут как хренова Даная.

Маша усмехнулась. Катька действительно была абсолютно голой. Странно, но ее нагота в комнате художника не воспринималась как нечто непристойное. Просто люди работают. Колька пишет этюд. Пытается успеть к конкурсу, на который работы нужно сдать, кажется, в декабре. На дворе ноябрь. Подходящей натурщицы он так и не нашел. Уговорил Катьку ему позировать. Хочет создать что-то умопомрачительное: не то Даная на шляпке ядерного гриба, как символ спасения человечества от катастрофы, не то еще что-то в том же духе. Он часто рассказывает про эту эпохальную картину, но каждый раз меняет и место действия, и смысл. Так что пока никто не понял, что он собирается написать. Работа идет давно, говорят, с весны. Многих девушек он уже пытался написать, но получалось все не то. Неудачные экземпляры с успехом продаются на рынке, что рядом с ЦДХ на Крымском валу. На эти доходы он в основном и существует. Катька на сегодняшний день его единственная надежда. Колька в последнее время жутко нервничает, близится день сдачи работы, а у него даже этюда нет. Маша вздохнула. Не стоит его отвлекать. Вот пройдет конкурс, тогда — пожалуйста. А сейчас...

— Все равно сегодня уже ничего не получится! — прорычал художник и отшвырнул кисть в угол. — Черт бы побрал!

Катька запахнулась в Колькин халат и блаженно улыбнулась:

— Еще немного, и я возненавижу живопись.

— Слушай, не нравится — выхрюнделивайся! — тут же вспылил маэстро кисти и красок.

— А с кого ты писать будешь? — натурщица склонила голову набок, разбросав по плечам рыжие кудри. — Местную дворничиху? Кажется, ее одну ты еще и не малевал.

— Вот, любуйтесь на нее! — Колька указал на бунтовщицу обеими руками. — Звезда, блин, на пустом месте!

— Н-да... — Катька метнула томный взгляд в большое зеркало и, наконец, обратила внимание на Машу, — Кстати, твоя песня мне очень помогает тут лежать.

— Не лежать, а позировать, — скрупулезно поправил ее художник.

— Я ее часто врубаю.

— Я и забыла, что оставила здесь диск, — вымученно улыбнулась Маша. — У меня теперь совсем другой репертуар.

— Ну, не всегда же тебе петь Пресли, — Катька сморщила носик. — Придет еще твое время.

— Спасибо...

Хорошо, что есть друзья, которые полюбили тебя просто так. Просто за то, что ты приехала покорять большой город с их родины. Странно все-таки. Неужели, если б Маша прикатила откуда-нибудь из Твери или из Ижевска, Катька, Коля, да и вся их северная братия на нее даже и не взглянули бы?

— Слушай, а ты чего пришла-то? — Катька плюхнулась на подлокотник ее кресла и протянула ей кружку с горячим глинтвейном. Сама отхлебнула из второй. Уж что-что, а глинтвейн она готовить умела. Нигде лучше Маше пить не приходилось. Еще бы, Катька до того, как устроилась певицей в стрип-баре, два года торчала за стойкой в шикарном заведении «Розмарин» на Пушкинской площади. Там бармены умеют делать все, что пьют в мире.

— Ну, я... собственно...

— Что у тебя стряслось? — Колька сел на другой подлокотник кресла и, метнув недобрый взгляд в сторону натурщицы, ласково погладил гостью по голове. — Машунечка, разве у тебя неприятности?

— Не то, чтобы...

На самом деле у нее огромные неприятности. Она и пришла сюда, к друзьям, чтобы рассказать, что не спит ночами и иногда даже думает, не отправиться ли обратно в свой тихий городок, до того ей страшно. Она очень хотела рассказать, что ежедневная дорога от квартиры до кафе «Фламинго» превратилась в пытку, а когда она поет, у нее дрожат колени. Но как все это расскажешь, если даже ребята из группы не могут в это поверить. Просто гогочут, хлопают ее по плечу и советуют пить побольше валерьянки. Говорят: «Это у тебя головокружение от успеха».

— Ты бледная... — вдруг заметил Колька. — Ты хорошо ешь? У тебя деньги есть?

— Нет, дело не в этом. — Маша побыстрее пресекла никчемные разговоры о доходах.

— А что тогда? — вскинула брови Катька.

— Это даже не совсем проблема... — Маша покраснела, понимая, что сейчас ей придется делать то, что она делать не любила, то есть врать. Историю она придумала задолго до того, как пришла сюда, а потому выпалила без запинки:

— Я хотела с тобой, Коль, проконсультироваться как со знатоком...

Тот расправил плечи. Катька фыркнула.

— Видишь ли... мне всучил один тип в клубе. Поклонник, в общем. Говорит, любит. Я его отшиваю каждый вечер. А он все цветы таскал, вино бутылками присылал. Теперь вот прислал это. Я хотела ему вернуть, а его и след простыл. Третий день уже не появляется.

— Что подарил-то? — не вытерпел Колька.

— Он симпатичный? — одновременно с ним поинтересовалась подруга.

— Я бы не стала так говорить... Он потрясающий, — Маша вздохнула. — Единственное, что меня пугает, так то, что, мне кажется, он очень дорогой. Как-то не слишком хорошо для первого подарка, правда?

— Тьфу ты! — разочаровалась Катька. — Я же тебя о мужике спрашивала.

— А, мужик... Ну, мужик как мужик...

— Опиши!

— Да подожди ты с мужиком! — взревел Колька, не желая расставаться с ролью эксперта. — Маш, что он тебе подарил?

Маша еще раз вздохнула и, выудив из кармана кулон Ирмы, разложила его на ладони. В комнате воцарилась долгая тишина. Все зачарованно разглядывали удивительно красивый камень. У Маши по спине пробежал холодок. Ей казалось, что это сокровище не имеет цены. Или имеет, но если ее назвать, то звезды померкнут в тот же миг, словно уже огласили все имена бога.

Она долго не решалась достать украшение из шкафа, терзалась неизвестностью. А если кулон действительно жуть какой дорогой. Тогда нужно как-то его вернуть. Присвоить чужую побрякушку — это ужасно, но все-таки не так, как присвоить целое состояние. Кроме Николая, знакомых знатоков искусства у нее не было. Теперь она с надеждой воззрившись на своего «эксперта». Тот хлопал глазами, разглядывая ее сокровище. Наконец тронул камень дрожащим пальцем, словно тот мог ударить током. Окончательно осмелел только спустя минут пять. Взял его в руки, повертел, посмотрел на свет, поднес к глазам, опять повертел... Вернул Маше, пожевал губы и проговорил с достоинством:

— Вещица недешевая. Но и не драгоценность. Вернее, видишь ли... Золото — да хорошей пробы... Но камень... Скорее всего, хрусталь, стекляшка. Красивый очень. И производит впечатление — этого у него не отнять. «Своровски». Думаю, сделали на заказ. Тыщи на три-четыре... Может, чуть больше...

— Долларов? — Маша округлила глаза.

— Скорее евро. «Своровски» же в Европе.

— Вот черт! — Катька выхватила у него кулон и принялась вертеть его, как известная мартышка очки, примеряя к себе: то к груди, то к уху, то ко лбу. — Офигеть, какая классная штуковина! Хорошие у тя, Маш, поклонники завелись.

— Надо вернуть, — с уверенностью сказала та, продолжая развивать легенду.

— Жалко... — проныла Катерина. — Ты лучше с ним переспи.

— С ума сошла! — возмутилась певица.

— Знаешь, такие вещицы просто так не дарят, — проговорил художник. — Замуж не звал?

— Нет.

— Значит, позовет.

— А ты и не раздумывай. Сколько на свете мужиков, способных подарить эксклюзивную вещь от «Своровски» за красивые глаза? Пять? Шесть? Принц Монако — не в счет, — бормотала Катька, продолжая любоваться украшением. — Вот везет же на дурку! Без году неделя в Москве, а уже такие подношения. Тут вертишься как белка в колесе, а в лучшем случае какая-нибудь пьяная скотина пытается десять баксов в лифчик засунуть...

Она вдруг скинула халат, нацепила кулон, прыгнула на полосатый диван, картинно разлеглась и с придыханием поинтересовалась:

— И как я вам?

— Здорово... — без энтузиазма протянула Маша.

А Коля, словно в забытьи, медленно поднялся, не сводя глаз с натурщицы.

— Коль, — позвала она, — чего молчишь?

— Тсс, — прошелестел он, шагнув к мольберту. — Не двигайся, а то уйдет.

— Что? — не поняла Маша.

— Вдохновение, — тихо проговорила Катька осипшим голосом. Глаза у нее стали большие-пребольшие, а зрачки просто огромные.

Маша удивилась, глядя на них. Оба они словно узрели друг в друге что-то, чего простым смертным видеть не дано.

Удивительна все-таки жизнь! До чего же странны, нелогичны и непредсказуемы ее повороты. Маша осторожно ступила на белую дорожку, разостланную от самых чугунных ворот в витых завитушках, до дома, залитого огнями и изнутри, и снаружи, а оттого похожего на сказочный дворец. Она чувствовала себя Золушкой. Даже исподтишка бросила взгляд на свою туфлю — уж не хрустальная ли... Нет, обычная, черная, такая неподходящая к ее красному платью. Но другой обуви «на выход» у нее все равно нет, так что поздно сетовать. Маша покраснела, метнула глазами по сторонам, не заметил ли кто ее конфуза. Вроде нет, разодетые гости шагают рядом уверенно, на нее никто внимания не обращает. Ну, ничего, потом непременно заметят. В голове ее вспыхнул возможный заголовок завтрашней газеты: "Конфуз на музыкальном приеме. Мария Иванова пришла в черных туфлях!" Маша тихонько хихикнула.

— Чего ты? — проворчала Катька, кутаясь в манто, которое она называла норковым. И кому какое дело, что норка ненатуральная. — Ветер до костей пробирает.

— Подумала, что черные туфли с красным платьем, ну, никак не вяжутся.

— Надела бы кулон. У меня и туфли есть синие. Я б тебе дала.

— Красное с синим... Нет уж, пусть лучше черные.

— Какое кому дело, сочетается или нет, — фыркнула Катька. — С таким камнем можно хоть голой заявиться. Восторг гарантирован.

— С каким камнем? — дернула ее за руку Аська. — С каким?

— Да ни с каким, — поспешно отрезала Катерина и строго глянула на Машу: мол, не болтай.

Та лишь плечами пожала. Она не поняла, отчего это Катька решила не откровенничать при подруге. Но, с другой стороны, ей виднее. Маша решила не забивать этим голову. Несмотря на легкую неловкость из-за неподходящих туфель, она была вполне довольна и даже счастлива, насколько может быть счастлива девушка, шагающая на холодном осеннем ветру навстречу званому вечеру для избранных из мира искусств. Три билета для них достала Аська. Вернее, она достала всего три, но ребята сделали широкий жест, отказавшись в пользу желающих. Павел — потому что не мог пропустить репетицию в ТЮЗе, а Колька — в знак признательности за аренду кулона, который он до сих пор детально выписывал со всех сторон и в разных положениях. Таким образом они втроем и оказались в Кусково. Иначе Аська бы их не взяла, она терпеть не могла исключительно женскую компанию.

— Мне женского коллектива и на работе выше крыши! — недовольно ворчала она всю дорогу. — Навязались на мою голову! Кто мне будет коктейли приносить!

— Подцепишь кого-нибудь, — успокоила ее Катька.

— А хочешь, я тебе принесу? — Маша мягко улыбнулась. Она была ей страшно благодарна за этот вечер.

— Да я подавлюсь! — Аська капризно скривилась. — Нет уж, лучше подцеплю какого-нибудь прыщавого скрипача.

На том и порешили. Вечер начался замечательно. И так было красиво, что у провинциалки дыхание перехватило. Огромный дворец залит светом, уставлен хрусталем и наполнен пенящимся шампанским. Спустя минуту глаза Маши уже устали от блеска драгоценностей и белозубых улыбок. Такого скопления знаменитостей она даже представить

себе не могла. Все, о ком она слышала, читала, кого видела по телевизору и слушала в записи, — все были здесь. Даже парочка актеров из Парижа, даже одна звезда из-за океана. Все сгрудились в огромном вестибюле вокруг оркестра, настраивающего инструменты, переговаривались, чокались, смеялись. Маша забилась в самый угол и постаралась скрыть туфли подолом платья.

«Ничего, ничего, — подбодрила она себя, — глоток шампанского придаст мне уверенности в себе».

Странно, но эту же фразу не про себя, а вслух повторил и сэр Александр Доудсен, находясь в этот момент в кабинете, уставленном на время приема каким-то антиквариатом и устланном коврами.

— Ничего, ничего, — сказал он, тупо разглядывая пузырьки в бокале с шампанским. — Глоток этого зелья придаст мне уверенности в себе. Только бы не переборщить.

Он откинул прочь «Таймс» трехдневной давности, словно решительно расстался с печальным прошлым, и разом осушил бокал. Веселые пузырьки застучали в висках.

— Ну как? — Две створки дверей распахнулись, явив его ошалевшему взору Сержа Боброва в черном смокинге. — Отличную я вечеринку замутил?

Он одним прыжком добрался до английского аристократа и, вырвав из его рук бокал, с грохотом поставил его на инкрустированный золотом столик.

— Хватит дринкать эту дрянь! — он добродушно хохотнул. — А то знаю я тебя. Напьешься опять как черт знает кто, начнешь крушить тут все. У меня, между прочим, мебель музейная. Жалко.

— Из каких музеев?

— Да изо всяких, — уклончиво ответил меценат, — с миру по нитке, знаешь ли. Я к этому вечеру как надо подготовился. Смотри, сколько публики нагнал! Из одной Думы столько глоток приперлось, сколько их на тамошних заседаниях не бывает одновременно. Дай бог, напоить удастся. «Я уж о нашей богеме не говорю, — Слово «богема» он произнес на особый манер, с гортанным «гэ» и вдобавок поморщился, — Ну, чего опять суксился?»

Серж заботливо уставился на гостя.

— Все-таки прочел, — сэр Доудсен кивнул на «Таймс». — Жуткая статейка. Теперь я понимаю, почему тетя Алиса на меня так взъелась. Ужас просто. Представили меня настоящим монстром, который якобы явился в Россию только затем, чтобы буяннить да лупить местных политиков.

— Гнусный поклеп, — встал на его сторону Бобров. — Что, по мнению этих писак, ты в родном Лондоне не нашел бы политиков? Кстати, между нами говоря, многих из них стоило бы вздуть как следует.

— Что, верно, то верно. Но зачем мою родословную вспомнили?! Русские корни приплели. Отец, наверное, очень переживает. Он всегда гордился, что стал настоящим англичанином, пересилив русскую кровь.

— Невозможная смесь. Как молоко с уксусом.

— Он придерживается другого мнения.

— Все, хватит хандрить. — Меценат обнял его за плечи и повел к дверям. — А хочешь, я тя с какой-нибудь бабой познакомлю?

— Что?! — возмутился сэр Доудсен, с известной настороженностью относящийся к знакомствам подобного рода.

— Ну, с какой-нибудь поименитее. Чтоб в мемуарах потом мог описать, а?

— Ни за что! — отчеканил молодой аристократ.

— Ладно, а с красавицей хочешь? Вот модели сегодня вместо статисток. Каждая на мильон долларов!

— Уволь меня от любых знакомств.

— Хорошо, хорошо, будешь скучать с Карповым, если ты такой разборчивый. Только не ной потом, что вечер не удался.

— На этот счет можешь быть спокоен, — заверил его потомок Доудсенов.

Бобров распахнул дверь и вытолкнул его в зал, до отказа набитый народом. При появлении мецената все стихло. Глаза собравшихся устремились на хозяина вечера. Серж распрямился, выпятил грудь, показательно обнял обмякшего от такого внимания Александра и произнес краткую, но помпезную речь, не забывая протягивать в голосе нотки душевной теплоты:

— Дамы и господа! Я рад приветствовать всех вас на нашем музыкальном вечере, который не состоялся бы без поддержки Министерства культуры России. Наслаждайтесь этим дивным ароматом угасающей осени, этим легким шампанским... И поприветствуйте моего гостя — пэра Англии, сэра Александра Доудсена!

Молодой аристократ выдавил из себя жалкое подобие улыбки. Решимость его потонула в щедрых овациях. Если бы сейчас его завязали узлом и подвесили за крюк в коптильне, он не смог бы оказать ни малейшего сопротивления. Краем угасающего сознания он отметил, что со всех сторон опять мерцают вспышки фотоаппаратов, и попытался представить себе заголовки завтрашней «Таймс». А когда представил, то побледнел и зашатался. В момент его морального и уже почти физического падения грянула спасительная музыка. Оркестр заиграл «Вальс цветов». Александр побледнел еще больше, судьба опять цинично посмеялась над ним, подкинув любимое музыкальное произведение его матери, словно напомнив о тех, кому он делает больно своим поведением. Бобров ничего не заметил. Он подхватил гостя под руку и в темпе вальса повел на растерзание именитым гостям.

Маша так и осталась стоять с раскрытым ртом. Она еще ничего толком не осознала, но смутно догадывалась, что, когда мысли ее немного улягутся и прекратят скакать в голове подобно взбесившейся от голода саранче, единственным ее желанием станет выбраться из особняка как можно скорее. Дворец в ее глазах уже успел превратиться в темницу. Она метала лихорадочные взгляды от двери к двери, натываясь на мужчин, фигурой и тупым отстраненным выражением лица столь напоминающих охранников.

«Я не гостья, я пленница!» — билась в голове мысль.

— Вот ты где спряталась! — Катька хлопнула ее по плечу.

Маша вздрогнула.

— Ты что? — удивилась та, а, заглянув ей в лицо, так и вовсе переполошилась, — Случилось чего? Или увидела кого?

— Ага, — едва выдавила из себя она. — Увидела... Боброва...

— Интересное кино! Это же он все устроил! Было бы странно...

Она не договорила, потому что Маша резко повернулась к ней и крикнула:

— А почему же вы меня не предупредили?!

Подруга растерялась, развела руками и прошептала с недоумением:

— Ну... какая разница, кто чего устраивает...

— Большая. Очень большая, — тоже переходя на шепот, закончила Маша. — Мне нужно идти.

— Боишься столкнуться с ним? — Катька склонила голову набок и усмехнулась. — Плюнь! Я только что видела, как он поволок того малахольного пэра к окну. Скорее всего, собирается его хорошенько подоить. Уж больно жалко выглядит этот пэр. Тебе опасаться совершенно нечего. Ну, поприветствовал всех — и буде. Айда развлекаться.

Маша робко взгляделась в разгорающееся веселье. Пары пытались вальсировать. У большей части это выходило неуклюже.

"Наверное, интерес Боброва ко мне в «Людоедке» был случайным и никак не связан с Ирмой Бонд. Тем более что этот с холодным взором оказался вовсе и не убийцей, а вполне добропорядочным английским аристократом. Чего я, и правда переполошилась?"

На душе чуть полегчало.

— Так ты идешь или будешь покрываться плесенью? — Катька дернула ее за руку.

Маша заставила себя улыбнуться, и подруга поволокла ее к буфету.

Как ни странно, переговоры прошли в доброжелательной обстановке. Карпов словно и не помнил недавнего инцидента в ресторане. Впрочем, как решил Александр, вполне возможно, что он и в самом деле ничего не помнил. Потенциальный депутат подтвердил свое намерение красоваться на фургонах компании Speed, причем за недолгий перерыв в их деловом общении развил аппетит и теперь настаивал стать лицом фирмы во всей России. Мол, вы все равно будете возить товары туда-сюда, так к чему упираться только в Ивановскую область. Потомок английских аристократов, краснея до корней волос, согласился с его условиями, памятуя о том, что обещал дядюшке заключить выгодный контракт. Попротестовал для приличия против устрашающей улыбки, хотя бы на молочных фургонах и рефрижераторах, аргументируя свою позицию тем, что продукты не люди, они без мозгов и запросто могут протухнуть от подобного оскала. Карпов его мнения не разделил и показательно оскалился. Младший Доудсен, почувствовав приступ тошноты, поспешно согласился на все условия, и они ударили по рукам. Таким образом, не прошло и часа, а молодой аристократ был полностью свободен от дел и приготовился наслаждаться жизнью. Едва он отделался от амбициозного политика и собрался подойти к стойке бара, как его руку довольно грубо стиснули. Сэр Александр, не привыкший к подобному общению, сжал покрепче набалдашник трости, однако задействовать ее не успел.

— Сэр Александр, друг ты мой дорогой! — Кошатник Борис кинулся ему на шею, потом, опомнившись, отпрянул и деловито пожал руку. — Рад вас приветствовать. Как замечательно, что мы с вами тут встретились, — Тут он скис, словно только что узрел улыбку политика Карпова и перешел на подвывание, — Варфоломей стонет во сне, знаете ли. Не могу понять почему.

«Наверное, как всегда, обожрался», — хмуро подумал про себя сэр Доудсен, но вслух, разумеется, произносить такое не стал, а состроил участливую физиономию.

— И шерстка у него как-то совсем не блестит. Беда... Я вот тут подумал...

У Александра заныл зуб. Сначала представление перед публикой в качестве пэра, коим он не являлся и совершенно не собирался становиться в ближайшее время, поскольку титул этот — наследственный и получит он его только после кончины родителя, которой он искренне не желал. Потом улыбка Карпова и, наконец, докучливый кошатник, грезящий о приеме у известного ветеринара английского двора. Но и это было еще не все. Едва он, незаметно используя успокоительные дыхательные упражнения, потушил в себе разгорающийся протест против злого рока, как рядом с ним, словно из-под земли, выросла

чета — лорд и леди Харингтон, давние знакомые его тетки Алисы, авторы ужасающего произведения — ее любимой крестницы Виолетты. Молодого аристократа покинули остатки мужества, он побледнел и затрясся, проклиная Москву на чем свет стоит.

«Что за город такой?! — в отчаянии спросил он небеса. — В Лондоне мы не видимся годами!»

— Мой юный друг. — Лорд Харингтон пожал ему руку.

Александра перекосило. Еще бы, он с минуты на минуту ожидал появления третьего члена этой семейки.

— Ах, мой мальчик, — заблел леди Харингтон. — Какая жалость, что Ви не смогла поехать с нами.

— Что вы говорите? — неискренне огорчился потомок Доудсенов. — Как она поживает?

— О, замечательно. В том смысле, что она вполне здорова, но бедняжка так переживает вашу размолвку... Она потеряла всякий интерес к жизни. Я никак не могу понять, что между вами произошло.

Вообще-то в тех кругах, где вращался сэр Александр, было не принято столь открыто влезать в отношения молодых людей, даже их родителям. Но леди Харингтон с грубостью футбольного нападающего нарушала эти правила, едва в ее поле зрения попадал виновник страданий ее дочки.

— Хм... — Сэр Доудсен огляделся в поисках спасения. И буквально натолкнулся на кошатника. — Разрешите представить вам: Борис... мм...

— Лебредянков, — милостиво подсказал тот, видимо, и сам с трудом припомнив свою фамилию. Во всяком случае, он наморщил лоб так, словно произвел в уме множественные математические вычисления.

— Лебредянков, — Александр улыбнулся и склонил голову в вежливом поклоне.

— Очень мило, — леди Харингтон поджала губы.

Ее муж отвесил легкий поклон в сторону представленного.

— Виолетта... — заблел было снова дама, но потомок аристократов не дал ей развить эту вредоносную мысль.

— Мы как раз говорили о любимом коте мистера Лебредянкова...

— Вот как? — От неожиданной смены темы леди Харингтон поперхнулась.

Зато Борис расцвел майской розой. От удовольствия у него даже щеки разругались.

— Он чудо, — пропел кошатник и блаженно закрыл глаза. — Настоящий русский голубой. Таких теперь мало.

— И преогромный, — сэр Александр подавил улыбку.

— Что вы говорите, — с интересом поддержала тему леди Харингтон — известная любительница кошек. Александр знал, что в ее доме их пять или шесть.

— Но недавно я столкнулся с проблемой... Он начал стонать во сне. И это при том, что я кормлю его по часам. Можете себе представить, как меня это волнует.

— Это не слишком хорошие симптомы...

Душа сэра Доудсена возликовала впервые за весь сумрачный вечер. Он еще несколько минут с умилением наблюдал за тем, как два любителя кошек обрели взаимопонимание. На лице недовольной дамы разгладилась складка, а Борис лепетал на чистом английском, хотя, глядя на его тупую физиономию, Александр никогда бы не поставил на то, что этот тип знает какой-либо иной язык, кроме упрощенного русского.

— Мальчик мой, — Лорд Харингтон тоже задышал много свободнее и, взяв сэра Доудсена под локоть, отвел его в сторону:

— Сегодня я говорил с послем. Ты ведь в курсе, мы приехали к нему в гости. Мы с послем довольно давние друзья. Он несколько опечален твоей недавней... хм... этим инцидентом в ресторане. И это так на тебя не похоже. Хотя... — Тут он смущенно улыбнулся в усы. — В клубе «Пеликан» ты просто герой. Акции компании твоего дяди пошли в гору. Надеюсь, ты знаешь об этом. Я, кстати, тоже их купил. Кажется, дела на российском рынке налаживаются?

— Хм... — Александр покраснел, почувствовав себя нашкодившим школьником. — Я читал «Таймс». Честно признаюсь, это ужасно, что они там написали.

— Но остальные пишут о другом, — неожиданно лорд Харингтон развеселился. — Наша старая добрая матушка Англия насквозь пропиталась снобизмом. Возможно, он не так уж и плох для пожилых людей вроде меня, но поверь мне, молодежь должна кутить. Когда нам с твоим дядей стукнуло по тридцать лет, в Лондоне не было ресторана, откуда бы нас не вышвыривали за недостойное поведение. — К ужасу сэра Доудсена, бывший гуляка отечески похлопал его по плечу, словно благословляя на будущие подвиги.

— Но я... — хотел было оправдаться молодой аристократ.

— Знаю, знаю... ты вот о чем подумай. Мой приятель попросил меня поговорить с тобой. У него фирма с филиалом в Москве. Он закупает цветной лом. Не согласился бы ты перевозить его в Англию? Это выгодный контракт, поверь мне. Уж чего-чего, а цветных металлов в этой стране немногим меньше, чем драчунов.

— О! — Александр от восторга округлил было глаза, но тут же придал лицу значимое выражение и с достоинством ответил, — Разумеется, нам нужно обговорить все детали. Кстати, в Лондоне есть центральный офис. Мой дядя с удовольствием обсудит с ним это дело. С моей стороны препятствий не возникнет.

— Вот и отлично, — лорд Харингтон еще раз хлопнул его по плечу, — Пойдем-ка представим тебя послу.

Аська была очень симпатичной. Она нравилась мужчинам и знала это. Кстати, этим и пользовалась. У нее было полным-полно поклонников. Еще бы! Тонкая, звонкая, хрупкая, напоенная робким солнечным светом, как весенняя сосулька. Мужчинам, конечно, было невдомек, какие острые коготки у этой сказочной феи, не ступавшей, как нормальные девушки, по земле, а словно летавшей по воздуху. Аська обожала тратить деньги. И поскольку своих у нее, как правило, не было, она опустошала кошельки всех, кто рядом с ней находился. Когда кошелек ее обожателя заметно скудел, она, словно бабочка, перелетала от одного цветка к другому, ища, чем еще можно полакомиться на этом лугу. Поэтому она обожала всяческие званые обеды и шикарные приемы, где, с точки зрения бабочки-охотницы, было полным-полно всевозможных жертв. На этом музыкальном вечере она порхала особенно усиленно. Маша надолго потеряла ее из виду. Потом пару раз заметила в сопровождении каких-то тучных типов в дорогих костюмах. Что ж, решила она, каждый ищет то, что ему нужно. Катька подвела ее к бару и тоже растворилась в толпе. У нее были другие интересы. Она уже год пыталась достучаться до какого-то продюсера, которого ей порекомендовали или обещали порекомендовать, Маша так и не поняла этого из ее сбивчивых рассказов. Продюсер теперь находился в зале. Катерина решила его найти и уговорить ее прослушать. Маша осталась одна у барной стойки. И тут к ней подлетела Аська.

— Только ни о чем меня не спрашивай! Ни о чем не спрашивай, и идем! — Она схватила ее за руку и потащила сквозь толпу, тараторя на ходу:

— Ты глазам своим не поверишь! Я тебя с таким мужиком познакомлю! Это просто — ах! Ах, и больше нет никаких слов. Ты рот раскроешь от удивления!

Лица людей мелькали у Маши перед глазами. Потом все они как-то незаметно расступились, и Маша действительно смогла выдать из себя одно-единственное слово:

— Ах!

Бобров улыбнулся ей сначала дежурно, но спустя мгновение лицо его преобразилось. Он засиял и суетливо шаркнул ножкой, что было странно для известного богача. Он явно смутился от неожиданности. Маша же застыла на месте, лихорадочно вцепившись в Аськино плечо побелевшими пальцами. Она тупо пялилась на мецената. Она даже не дрожала, она замерла.

— Вот это встреча! — прогудел Бобров. — Н-да...

— А... А вы знакомы? — растерянно пролепетала Аська.

— Нет, но я об этом мечтал, — на лбу Сержа выступили крупные капли пота.

Его собеседник, с коим он мирно общался до этой минуты, удивленно воззрился на него. Судя по всему, он никогда не видел его в таком состоянии. Бобров вдруг шагнул к Маше, и та поняла: бежать бессмысленно.

«Что делать? Что делать? — лихорадочно вертелось в голове. — Как себя вести, чтобы он не догадался, о чем я знаю!»

О чем таком она знала, она и сама, скорее всего, не определила бы. Но мысль, взлелеянная бессонницей, убеждение, что она причастна к какой-то страшной тайне Ирмы Бонд, а значит, и этого господина, настолько плотно засела в ее сознании, что отмахнуться от нее она уже не могла. Как не могла и расстаться со своими страхами, апогеем которых был этот вот красномордый бугай.

— Я пытался вас найти. — Глаза его светились интересом. — Но вы как в воду канули. Вы мне должны как минимум три ужина в каких-нибудь приличных местах, поскольку мне пришлось откусать в убогом месте под жутким названием «Эллочка-людоедка» аж дважды. Я все надеялся, что вы появитесь.

— Но прошла всего неделя, — дрожащим голосом запротестовала Маша.

— Там один за три считается. Кошмарная дыра. Иван Савельевич, вы что-нибудь знаете о ресторане «Эллочка-людоедка»? — обратился он к своему недавнему собеседнику.

— Никогда о таком не слышал, — усмехнулся тот.

— А стоило бы обратить внимание. Вам, как депутату, должно быть интересно. Кажется, там подают человечину.

Иван Савельевич хохотнул в пышные усы.

— Ася, — Серж вдруг вспомнил о Машиной подруге, скромно переминающейся в сторонке с ноги на ногу и впервые в жизни не знающей, как себя вести рядом с мужчинами. — Милая Ася. Вы даже не представляете, что вы для меня сотворили. Вы сотворили чудо. Что вы за это хотите?

Та покраснела, мило ему улыбнулась и ответила легко, словно шутя:

— Норковую шубку.

Маша тоже покраснела. Но от стыда. Она бы никогда не посмела вот так, внаглую... Подошедшая к ним в этот момент Катька тоже ахнула.

А Серж расплылся в добродушной улыбке и радостно пробасил:

— Асенька, вы получите самую лучшую норковую шубку, которую я смогу найти. Спасибо вам огромное!

Судя по всему, Аська осталась довольна. Она тут же подцепила под руку того самого депутата Ивана Савельевича, и Маша услышала за спиной:

— Как вам кажется, какой цвет мне пойдет?

Бобров попытался повести Машу в кабинет. Перед этим он выразительно посмотрел на Катю, и та исчезла.

«Нет уж, — сказала она себе, решив цепляться за жизнь из последних сил. — Я с ним наедине не останусь».

Она мужественно схватилась за дверь в анфиладе.

— В чем дело? — не понял меценат, уже занесший ногу для широкого шага.

— Куда мы? — с дрожью в голосе спросила певица.

— Хм... — С минуту Серж боролся с какими-то мыслями, по всей видимости, не слишком приятными, потому что лицо его омрачилось. А потом он расплылся в добродушной улыбке и вновь засиял душевной теплотой.

«Опасный человек», — мелькнуло у нее в голове.

— Куда? — Он вдруг расхохотался. — Ну, не в опочивальню же! Ладно, хочешь говорить среди людей, да будет так.

— Хотите... — поправила его Маша, окончательно решив не допускать ни малейшей возможности сближения с этим типом.

— Хотите? — Он не понял, сдвинул брови и снова ухмыльнулся. — Значит, все-таки хотите? Вы настаиваете?

Маша кивнула, судорожно сглотнув горячий ком в горле.

— Ну, хотите, как хотите. Каламбурить хоть можно?

Она растерялась. Откуда ей знать, чем заканчивает этот человек, начав с каламбуров. На всякий случай она спросила предельно серьезным тоном:

— Вы хотите со мной поговорить. О чем?

— О любви, — игриво ответил он.

— О любви, — сурово повторила Маша, буравя его глазами.

Он ее взгляда не выдержал, всплеснул руками, воскликнув:

— Господи! Ты же певица. Хочешь петь. И я хочу, чтобы ты пела. Ну хоть поговорить на эту тему можно? Да если бы я хотел тебя трахнуть, стал бы я так стараться! Я бы по-другому с тобой говорил.

— Я не люблю, когда меня трахают, — заметила Маша.

— Ну да! — Он оглядел ее с ног до головы, покачал головой и уточнил, явно сомневаясь, — Что, совсем?

Маша выдернула руку из его лапищ, развернулась и направилась к барной стойке. Где-то на середине пути она вдруг осознала, на какую тему собирался поговорить с ней Бобров.

«Наверное, я потеряла самый большой шанс в жизни, идиотка!» — обругала она себя и обернулась, чтобы наткнуться на чужих людей, еще минуту назад словно по мановению волшебной палочки ставших ей родными и близкими, а теперь снова далеких и холодных.

Меценат все еще стоял в дверях и смотрел на нее. Он ждал. Лицо его было серьезным, даже суровым. Вернее сказать, он насупился и был похож на пожилого сына, объевшегося жирной мышью. Когда глаза их встретились, он усмехнулся одними губами и поманил ее пальцем.

Маша застыла, раздумывая.

«Шанс, шанс, — нашептывали ей долгие мечты о звездной карьере. — Ты же за этим приехала в Москву. Так лови свой шанс или убирайся обратно!»

Она медленно подошла к нему. Он повернулся и пошел в другой зал. И Маша последовала за ним.

— Я не умею говорить артистам «вы», — донеслось до нее.

— Попробуйте научиться, — дивясь собственной наглости, пробормотала она.

— Ты никто, девочка. Негоже учить своего благодетеля.

— Я соглашусь работать только на правах партнера. Я не Галатея, а вы не Пигмалион.

Вы продюсер, а я певица.

Он вдруг резко развернулся. В глазах его пылал гнев. Маша замерла, почувствовав, как холод пробежал по позвоночнику и задержался на копчике.

— Певица?! — прорычал он.

Она хлопнула глазами. А Бобров вдруг хлопнул в ладоши. Да так громко, что его услышали в огромном холле. Гул голосов затих. Все смотрели на них с интересом.

— Господа! — взревел Серж. — Я не слышу музыки!

Оркестранты судорожно схватились за инструменты.

А Серж продолжил:

— Встречайте, Мария... гм...

Тут он в наигранной растерянности глянул на нее.

— Иванова, — тихо шепнула Маша, которую к тому моменту уже колотила крупная дрожь. Она поняла, что сейчас случится.

— Встречайте, Мария Иванова!

Все заулыбались и зааплодировали. Не слишком активно, скорее из вежливости. Серж взял ее за локоть и повел к оркестру.

— Если хоть один человек заговорит во время твоего выступления, можешь считать, что мы друг с другом незнакомы, — прошипел он и толкнул ее к микрофонной стойке.

— Что поем? — испуганно спросил дирижер, для которого песня Маши была еще большей неожиданностью, чем для нее самой.

— Элвиса. «Когда мужчина любит женщину», — пискнула она. — Пониже.

— Попробуем, — не слишком уверенно пробубнил маэстро.

Маша судорожно вцепилась в ось стойки, боялась упасть.

«Смотри в зал, смотри в зал!» — заклинала она себя.

Она подняла глаза, встретившись со взглядами сотни слишком пытливых и искушенных зрителей.

«Это конец!» — в сознании ее упал занавес.

Заиграла музыка. Она лилась вверх, постепенно заполняя собой пространство до самого потолка. Она подхватила Машу и закачала на мягких волнах. Певица улыбнулась и запела. Голос ее влился в этот восхитительный поток звуков. Она больше не думала ни о том, правильно ли она выводит мелодию, делает ли нужные акценты, смотрит ли в зал, улыбается ли, помнит ли слова, оценивает ли ее Бобров... Она забыла о себе. Она просто пела. Пела так, как ей нравилось.

Она взяла последнюю ноту, музыка стихла. И что-то оборвалось у нее в душе. Мгновенный холод поднялся от живота к вискам. В глазах ее потемнело. Зрители молчали. Молчали и смотрели на нее. И вдруг кто-то из дальних рядов зааплодировал. Маша

вздрагнула, как вздрогнуло и все вокруг. Шум превратился в грохот. В грохот аплодисментов. Она все еще с трудом понимала, что произошло чудо. Зал ее принял. Зал ее слушал. И залу она понравилась. Рядом вырос Бобров. Он расцеловал ее и гаркнул в микрофон:

— Мария Иванова! — В его голосе прозвучали игривые нотки.

— На «вы», — прошептала она.

— Только не надейся, что я не буду Пигмалионом, — радостно улыбаясь, сообщил он ей. — Ты глина. Хорошая, но глина. Господи, теперь мне досталась глина, которая требует, чтобы к ней обращались на «вы». Куда катится этот мир?!

Дела московского филиала компании «Скорость» наладились на удивление быстро. Дядюшка телефонировал Александру каждый вечер, сообщая о блестящих успехах акций компании на бирже. Цена их возросла, при этом имя младшего Доудсена не сходило с уст возбужденных биржевых маклеров. В московском офисе атмосфера тоже переменялась к лучшему. Дух заплесневелой тоски и безысходности словно выветрился через форточку, уступив место радостному ожиданию больших свершений. Скучные лица немногочисленных сотрудников то и дело озарялись приветливыми улыбками, и даже рожа будущего депутата Государственной Думы Карпова, с некоторых пор пугавшего обитателей офиса с большого плаката на стене, не могла испортить им настроения. Александр чувствовал себя как никогда хорошо. Ему нравилось его новое положение перспективного руководителя, давшего хороший пинок умирающему делу и теперь ведущего слепцов к сверкающей истине. Впрочем, если немного скрасить высокопарную фразу налетом будней, то сэр Александр и сам толком не понимал, что это за «сверкающая истина». Сначала процветание московского филиала зависело от контрактов с текстильными предприятиями далекого города Иванове. Затем ситуация переменялась, а в последнее время и вообще грозила выйти из-под контроля. Планы благодетеля компании — Сержа Боброва, от которого по большей части и зависел успех дела, постоянно менялись. Причем изменения эти были настолько кардинальны, что вскоре после переговоров с Карповым сэр Доудсен понял, что от начальных целей не осталось и следа. Ожидаемые деловые партнеры в Ивановской области разметались по разным частям страны. Теперь московский филиал компании Speed сотрудничал с Владивостоком, подрядившись доставлять туда горюче-смазочные материалы на превосходном танкере «Омар». Кроме того, сэр Александр, сам не понимая как, подписал взаимовыгодный договор о перевозке норвежской семги из Норвегии в Санкт-Петербург и холодильников из Минска в Москву. Наверное, молочный предприятия Иванова стонали от такой несправедливости, но аппетиты Карпова под предводительством все того же мецената Боброва возросли. Он по-прежнему желал демонстрировать свой оскал с грузовиков и рефрижераторов компании Speed, но желал демонстрировать не только Ивановской области, а всей стране, захватывая и отдельные регионы Европы. Серж полагал, что стремления потенциального депутата достойны рукоплесканий, поскольку, если транспортный проект протащить в жизнь, то вскоре он станет хорошо известной фигурой.

— А что? — радостно возмутился он, когда Александр начинал сомневаться в успехе. — Некий нынешний депутат, между прочим, стал жуть каким популярным, всего лишь рекламируя соус собственных предприятий. Да что там депутат! Ты хоть понимаешь, что у нас в стране чернокожий дядька с банки Uncle Bens известен куда лучше многих нынешних политиков и даже звезд эстрады!

Александр только плечами пожал. А что он мог еще поделать, если озвученного дядьку и в его родном Соединенном Королевстве тоже знали куда лучше любого политика.

— Но тем не менее мне все равно непонятно, каким образом прославится наш Карпов, кроме как напугав омерзительной улыбкой всю страну? — спросил однажды молодой аристократ.

— А гуманитарная помощь? — Бобров ему хитро подмигнул и разразился здоровым грудным хохотом упитанного мужчины.

— Что?!

— То! В первую очередь мы должны наладить транспортировку гуманитарной помощи в нуждающиеся регионы. И вот на этих фургонах физиономия нашего Карпова засияет в ореоле славы!

— Но я не заключал контракты на перевозку гуманитарной помощи.

— Так я уже продумал. Гуманитарная помощь в Ивановскую область. Вот в чем соль! — В глазах Сержа сверкнула победная искра. — Мы везем малоимущим, сиротам, ну и прочим всякую ерунду, а народ проникается любовью к своему благодетелю, который для удобства изображен на грузовике. Господи, рекламировать гуманитарную помощь! Это же гениально.

Александр поморщился, сопоставляя, насколько подобная доктрина противоречит его доставшейся от предков родовой чести. После столь неприятных рассуждений он пришел к выводу, что все как раз наоборот, не Карпов рекламирует гуманитарную помощь, а гуманитарная помощь является рекламой будущему политику. Перевозка гуманитарных грузов наталкивает потенциального избирателя на мысль, что Карпов — человек честный и добрый, радеет за обездоленных.

— Прежде чем перевозить эту гуманитарную помощь, я бы хотел ознакомиться с предвыборной платформой Ивана Петровича, — заявил Александр.

— На хрена оно тебе?! — опешил Бобров. — Ты хоть представляешь, насколько выгодно заниматься гуманитарной помощью? Да многие транспортные компании молились бы на меня, предложи я им такую схему!

— Простите, Серж, но только не я, — сухо отрезал молодой аристократ. — Я вырос в достатке и получил прекрасное образование в то время, как многие работали для моего блага. И единственным утешением в моих размышлениях о несправедливости мира было то, что аристократы — это хранители истинной чести, оплот нации и все такое. Как я посмотрю на себя в зеркало, если стану участником великого обмана? Если этот ваш Карпов, между нами говоря, далеко не ангел, придя к власти, забудет о гуманитарных лозунгах своей предвыборной кампании? Нет, нет и нет. Я требую изложить постулаты его платформы и методы внедрения его теоретических устремлений в жизнь вашей страны.

— Ах ты, господи! — всплеснул руками меценат. — Да нет ничего проще. Прочтешь ты эти постулаты, зануда ты англицкая!

Сэр Александр удивился столь быстрой капитуляции и поначалу не поверил в ее искренность, ожидая подвоха. Однако подвоха он так и не нашел. На следующий день к нему в офис посыльный принес объемную папку, в которой он узрел детальное описание и предвыборной программы новоявленного политика, и наметки внедрения ее в жизнь. Надо сказать, что все документы были довольно банальны, однако вполне соответствовали представлению потомка Доудсенов о чести. Таким образом «делка века» (как называл ее Бобров) между неким 000 «Запад — Восток» и компанией Speed о перевозке гуманитарных грузов из Голландии, Австрии и Норвегии в Ивановскую область состоялась. Сэр Александр с этого дня пребывал в счастливейшем расположении духа. Все сложилось на удивление удачно и хорошо: кроме сотрудничества с многими фирмами, он, как бы выразилась матушка, занимался богоугодным делом. Омрачало его светлое состояние лишь одно обстоятельство — присутствие Ви в Москве. И более всего его расстраивало даже не само ее присутствие, а догадка, что прилетело хитрое семейство в Россию неспроста. На следующий день после музыкального вечера, устроенного Сержем, эта девица не замедлила обозначиться на горизонте бывшего кавалера.

— Ах, милый Александр, — заунывно завывла она в ухо несчастного аристократа, — как это замечательно — узнать, что нас больше не разделяют многие и многие мили, что мы с вами вновь рядом...

Сэр Доудсен поперхнулся утренним пончиком, промычав что-то нечленораздельное.

— Все говорят о вас как о герое, и теперь вы раскрылись для меня с новой, доселе незнакомой стороны... Я и представить себе не могла, что вы способны достичь таких успехов. Ах, как это замечательно, должно быть...

В пылкость приветствия опасно закралась нотка грусти. У Александра свело челюсти, в них застрял преогромный кусок пончика. Сияясь пропихнуть проклятое тесто в глотку, он издал пару натужных звуков.

— Я надеюсь, вы не изматываете себя работой? — нежно поинтересовалась Ви.

Характерное бульканье, немедленно происходящее в горле жертвы, едва она осознает, что охотник вот-вот всадит в нее смертоносную пулю, издал и молодой аристократ. Ви эти звуки расценила по-своему и завывла с возрастающей энергией:

— Бедненький! На правах старого друга я категорически настаиваю, чтобы вы сменили режим. Вам нужно больше развлекаться. Нельзя постоянно работать. Кстати... — Тут она заговорщицки хихикнула и, скорее всего, подмигнула, чего, слава богу, сэр Доудсен не увидел, иначе непременно впал бы в кому (подмигивание Ви было сродни улыбке Карпова), — Посол устраивает прием в честь нашего отъезда.

— Как, уже?! — Александр выпучил глаза от неожиданной радости.

— Ну, не стоит так расстраиваться, мой дорогой, — радостно проворковала Ви, опять поняв его на свой оптимистичный манер, — В конце концов, наша разлука не вечна. И вы еще сможете меня увидеть.

— Нет-нет, — попытался поправить положение молодой аристократ. — Я имел в виду, что ваш отец... — Он запнулся, лихорадочно придумывая причину, по которой его могли бы заподозрить в чем угодно, только не в огорчении от разлуки с этой барышней.

— Ах, какой вы лукавый! — Сбить Ви с толку ему никогда не удавалось. Не удалось и теперь, — Отец тоже будет на приеме. Вам обязательно вышлют приглашение. Вы ведь теперь такой известный, вас не могут обойти вниманием. Я просто хотела сообщить вам об этом первой. Вы счастливы?

— Еще как, — угрюмо отвечал сэр Доудсен, поняв, что уловки бессмысленны. Он не мог отвертеться от приема в посольстве родной страны, на который ему выслали именно приглашение. Все сочтут это крайней степенью неуважения.

После того как он повесил трубку, он тут же принялся размышлять, что предпринять, чтобы не попасть в сети коварной девицы. Он размышлял всю неделю, пока шли переговоры и составлялись контракты. Он не выпускал мысль о предстоящем приеме из головы ни на минуту, и единственное, что он смог придумать, так это всячески избегать общества Ви. Но это была задача сродни невыполнимой. Радости же известного мецената Боброва ничто не могло омрачить. Даже идиотские требования напыщенного отпрыска древнего рода показать ему предвыборные речевки Карпова.

— Какой дурак», — ухмыльнулся Серж, приказав сотрудникам уже собранного предвыборного аппарата новоиспеченного политика собрать все в папку и доставить в офис капризного Доудсена.

Вообще-то на политику теперь Сержу было в высшей степени наплевать. Он продвигал транспортный проект по инерции, ведь теперь у него появилась Маша. Эта замечательная

девушка с замечательным голосом, которую он обязательно сделает звездой. И это будет нетрудно. С ее-то талантом да с его деньгами! Очень скоро золотом засияет новое эстрадное имя — Мария Иванова.

А у самой будущей звезды голова шла кругом. С того самого момента, как Бобров оттащил ее от микрофонной стойки, и они заключили пока устное соглашение о совместной работе, ей казалось, что ее постоянно раздирают на части.

«Что мне делать? Ну что мне делать?!» — ежеминутно терзала она себя.

И поводов для этих терзаний было предостаточно. Как быть с коллективом «Эльдусто»? Вовка, Леха и Генка стали ей родными людьми. Как им сказать, что она их покидает? Бобров же не пригласил на работу весь ансамбль, предложение было сделано ей одной. Какими глазами она на них посмотрит? Они же ее приютили. Да и смогут ли они вновь пережить потерю солистки? Та, которая была до Маши, покинула их всего-то месяц назад. И что делать с кулоном Ирмы? Вот так запросто рассказать все Сержу и отдать ему украшение? А если он подумает, что она его украла? Или, что еще хуже, вдруг он связан с убийством певицы и решит, что она — Маша — свидетель? Что тогда? И пока Маша истязала себя вопросами, ее продюсер уверенно тащил ее к сцене. Первое препятствие, которое необходимо было преодолеть, — это подбор репертуара.

— Стрелять нужно одним хитом, но про запас иметь еще два, — уверенно заявил Серж и, потеряв мощную переносицу, добавил, — Первый куплю у Николаева. А там как пойдет...

— У меня есть одна песенка, — в коленях у Маши произошло по небольшому взрыву, и их начало мелко сотрясать.

— У вас-с? — прищурился Бобров. — Озвучь.

Дело происходило в большом офисе мецената. Певица подлетела к музыкальному центру, вставила диск, села на диван и затаилась. На вступительных аккордах Серж махнул ей: мол, чего расселась.

— А петь?

— Так ведь это запись... плюсовая. В смысле с голосом.

— Не нужно мне объяснять, что такое плюсовая запись, не на викторине. Давай...те пойте. Вставляйте, вставляйте, я хочу видеть, как вы это делаете.

Это «вы» в его устах всегда звучало издевательски. Маша терпела, не сдавалась. Она поднялась, запела, попав в первую строчку куплета. Старалась. Летела по строчкам, выдыхала окончания, подвешивая их в воздухе, словно прищепками к тонким веревкам ветра. И они колыхались под потолком высокими звуками.

Отпусти-и-и-и...

К ветру, к холоду,

Отпусти-и-и-и...

Куда угодно,

Только отпусти-и,

Хватит мучить,

Отпусти-и-и-и...

Музыка кончилась, Маша, чувствуя себя школьницей на экзамене, опустила голову, замерла в ожидании приговора.

— Гм... — прокряхтел меценат. — Самой-то как?

Она, боясь смотреть на него, пожала плечами:

— Я это написала.

— ЭТО, — сделав ударение на первом слове, Серж скривился, — вы петь не будете.

— Н-но почему... — голос ее предательски дрогнул.

Но Бобров был суров, не замечая выступивших слез на глазах автора.

— Во-первых, потому что ЭТО — дерьмо на палке, а во-вторых, это не ваше.

— Но я же это написала.

— Я, знаете, тоже много чего писал в юности. Стихи, к примеру. Прехорошие, между прочим. Так вот, я ни разу не прочел их на публике. Из врожденного человеколюбия, разумеется. И нечего хлопать мне тут ресницами. Публика этого сквозняка, который вы тут завывали, не поймет. Ей нужна та, кто займет вакантное место Ирмы Бонд. На которую у каждого мужика встанет. А каждая баба захочет на нее походить. Понятно?

— Понятно... — кивнула Маша, стараясь скрыть слезы обиды. До этого прослушивания ее песню все хвалили. — Только я не уверена, что смогу занять вакантное место...

— Боже ж ты мой! — Бобров крикнул, поднялся, подошел к ней, обнял, но, заметив, что плечо ее окаменело под его ладонью, смутился, убрал руку и отступил на шаг. — Не расстраивайтесь вы так. Ну, вы и вправду не выражаетесь в этой песне. Я уж не говорю о паршивой музыке и таких же словах. Это не вы, понимаете? Вернее, вы выражаете, но выражаете черт знает что: какой-то обрывок на заборе. Помните детскую песенку: «Висит на заборе, колышется ветром бумажный листок...» Вот и вы в этой своей песенке такая. А вы должны стать бомбой, но не взорвавшейся на глазах у изумленной публики, а бомбой за пять секунд до взрыва, когда фитиль почти догорел. Все внутри, наружу только взгляд. Магический свет. Мягкие линии тела... Горячая богиня в холодной оболочке. Всегда «недо...», понимаете? Тьфу ты! Ну, не могу я артистке выкатать! Ну, хоть убей меня! Буду тебя на «ты» звать, ладно?

Маша махнула рукой. Что теперь-то, когда автора в ней он с грязью смешал. Она подняла на него глаза:

— Но я вас буду звать на «вы».

— Вот упрямая! Деревенщина ты!

— Еще раз так назовете, сами будете петь! — Она шмыгнула носом, что его рассмешило.

— Нет, ну надо же! Какая-то козявка мне угрожает, — но, заметив, как сузились ее глаза, поспешно дал задний ход, замахав руками, — Ладно, ладно. Козявка и деревенщина — разные вещи. И нечего у меня на лбу дыры прожигать. Не ты первая пытаешься. Я всех обламывал.

— И Ирму? — По ее спине пробежал холодок, словно дух покойной коснулся ее прозрачной ладонью.

— Ирму... Ее, конечно, хрен обломаешь, но меня она слушалась беспрекословно. Поначалу... Ты бы ее видела в самом начале! Во что она рядилась, просто уму непостижимо! Вкуса — ноль с минусом. А красилась! Вокруг глаз черным малевала. А глаза у нее, помнишь, офигенные, зеленые, вытянутые к вискам. Так она их на манер Клеопатры с фресок, и кто ее надоумил?.. Я ее увидел на сцене, думаю, что за черт — у девушки глаза в пол-лица и ресницы длиннющие, как у коровы. Это она накладные клеила. Вся в шкуре какой-то, как миссис Флинтстоун, ботинищи на толстой танкетке, и повсюду дешевые побрякушки. Один в один жена зажиточного шамана, тьфу! Самое трудное было с нее побрякушки эти снять. Страсть к украшениям из нее так и не удалось выжечь. Хлебом не корми, подари какую-нибудь цацку. Она же за эти цацки-то и погорела... — Серж открыл

бар, достал бутылку виски, налил себе полстакана и выпил одним глотком.

— Как это? — не выдержала Маша, уже сотрясаясь всем телом. Она даже плечи руками обхватила, чтобы не было так заметно.

— Как это... — проворчал меценат. — Да вот так это. Она, видишь ли, внимание к себе в бриллиантах мерила. Любит мужик, значит, огромный перстень дарит, обожает — колье. А мужиков этих, готовых побрякушки ей дарить, было много. И чем дороже украшение, тем желаннее кавалер. А самое интересное, она ведь ни хрена не разбиралась в драгоценностях. Подари ей дерьмо в красивой этикетке — заглочет за милую душу. Главное, чтоб человек был «со значением». Мол, богатый дерьмо не подарит. Меняла их очень часто. Вот и допрыгалась.

— Значит, ее за украшения, ну... — Она не смогла выговорить «убили». Язык прилип к небу.

Бобров напрягся всем телом. Глаза его сверкнули сталью. На мгновение Маше показалось, что перед ней не человек, а призрак. Страшный призрак. Он сжал кулаки, кадык его заходил вверх-вниз.

— Украшения, — промычал он. — Украшения. Идиот Юрчик со своим украшением. Господи, ну почему эта дура таскала его повсюду? Шантажировала...

Похоже, он так глубоко погрузился в собственную злость, что напрочь позабыл о Маше. А та стояла, не смея шелохнуться.

«Если он продолжит говорить, он скажет все, — пронеслось в ее голове. — А если он скажет все, я стану ненужной свидетельницей. Он и меня убьет!»

Не зная, что предпринять, чтобы остановить Боброва, Маша робко кашлянула. Он вздрогнул и, слава небесам, заткнулся.

— Простите, — пролепетала певица. — Наверное, мне лучше уйти.

Он резко развернулся и уперся в нее своим стальным взглядом:

— Уйти? — Улыбаясь одними губами, он медленно двинулся к ней.

Маша попятилась, лихорадочно соображая, можно уже кричать или это будет выглядеть неприлично.

— А как же Никита? Как быть с Никитой? — Он сдвинул брови и обхватил ее плечи огромными ручищами.

— Никита? — Она едва ворочала одеревеневшим языком.

— Да, Никита.

«Плевать мне на приличия!»

— А-а-а! — истошно завопила певица на предельно высокой ноте.

Серж вздрогнул, попятился и, споткнувшись о кресло, рухнул в него. Дверь распахнулась, явив перекошенное ужасом лицо секретарши. Бобров перевел на нее очумелый взгляд, которым за секунду до того одарил Машу, и промямлил:

— Репетируем... Пытаемся повысить верхний вокальный предел.

— Дурдом! — сокрушенно выдохнула секретарша и захлопнула дверь.

Маша стояла по стойке «смирно», все еще дрожа всем телом.

«Сыктывкар, не такой уж плохой город. Прогрессивный даже! В прошлом году губернатор ночной клуб открыл, — решительно заявила она себе. — И от столичных шизиков на самолете лететь!»

— Едреньть! — устало произнес Бобров. — Как же ты меня напугала. Еще одно такое представление, и у меня инфаркт случится. — Он показательно схватился за сердце. —

Налей мне еще виски, а то «Скорую» придется вызывать.

— Я вас напугала?! — возмутилась певица. — Это вы меня напугали!

Она дошла на негнущихся ногах до бара, налила виски, таким же строевым шагом приблизилась к Сержу и протянула ему стакан.

— Плохо кому? Мне! Значит, ты и напугала. Если бы тебя пришлось отпаивать, я бы извинился. — Он уже отошел от шока и даже немного расслабился. А выпив виски, повеселел, — А ты чего?

— Ну... — Маша не знала, что соврать, поэтому решила сказать правду, — У вас взгляд был неживой. Такой холодный и такой злой, как у удава.

— У удава взгляд безразличный, если ты его вообще видела, — мелочно поправил ее меценат. — Я нормальный. Я никого из своих подопечных не бил, честное слово. Только однажды с Сенькой Косиковым подрался. Но чисто по-дружески. И он уже тогда давно самостоятельно выступал.

— С Косиковым?

— По паспорту. А в миру Сева Косой — известный исполнитель русских блатняков. Очень популярен на зоне и у эмигрантов новой волны. По чему можно судить, из какой среды большинство наших эмигрантов.

Маша улыбнулась. Дверь снова распахнулась. На сей раз на пороге стоял парень, показавшийся певице ужасно знакомым.

— А, Никитос! — ласково приветствовал его Бобров. — Заходи, третьим будешь.

Ступая в холл посольства Соединенного Королевства, Александр все еще сомневался, а правильно ли он поступил, пригласив на прием кошатника Бориса, которого он знал без году неделю. Извиняло его лишь одно: Борис, по всей видимости, неплохо сошелся с леди Харингтон, а это означает, что у Александра появился шанс избавиться себя от перекрестной атаки Ви и ее матери. Мать он вовремя нейтрализует, поручив ее заботам страстного кошатника, который спит и видит, как бы ввести своего кота в высшее общество. Доудсен так и не придумал, каким образом ему избавиться себя от Ви, но хотя бы от маменьки он избежит. Борис был настолько благодарен ему за приглашение, что опять посулил золотые горы и всяческую поддержку.

— Меня вся Москва знает, — проникновенно заверил он. — Ты только скажи, и у тебя вообще проблем не будет.

«С меня, пожалуй, достаточно одного Боброва, которого знает вся Москва», — решил молодой аристократ и ответил на предложение отказом.

Оглядев себя в большом зеркале, потомок всех Доудсенов остался доволен: смокинг сидел на нем безупречно.

А ведь еще утром ему казалось, что он похудел и пиджак висит на нем, как на пугале. Он поправил галстук и воодушевил себя призрачной надеждой, что у Ви разболится голова и это остановит ее от появления на приеме. Он слышал, что девицы часто страдают этим недугом. Однако его мечтам не суждено было сбыться.

— А вот и наш герой! — радостно приветствовал его кошмар всех его ночей и кинулся ему навстречу.

Александр показалось, что у него заболели все зубы разом, поэтому улыбка получилась весьма вымученной.

Он едва нашел в себе силы промямлить что-то вроде:

— Привет, старушка, как хорошо ты выглядишь.

— Старушка?! — она игриво шлепнула его по руке.

Сэр Доудсен старался не смотреть ей в глаза, чтобы не выдать ужас, горящий в собственных. Она казалась ему чудовищем. Впрочем, он слишком предвзято к ней относился. Виолетта Харингтон не была уродлива в общепринятом смысле этого слова. Она слегка напоминала цаплю довольно длинным узким носом и манерой стоять будто на одной ноге, прижав локти к талии. Во всем остальном многие находили ее довольно привлекательной и считали завидной невестой, поскольку она являлась единственной дочерью лорда Харингтона, который, кроме титула, владел большим состоянием. Однако девица она была решительная и волевая. Уж непонятно почему, но смыслом своей жизни она избрала великое дело. А именно — превратить Александра Доудсена в приличного человека.

И со всей присущей ей решимостью и волей кинулась исполнять задуманное. Первым пунктом ее плана было, разумеется, выйти замуж за этого субъекта, ведь иначе каким образом можно со всей полнотой им управлять. Вторым пунктом (и она своих намерений не скрывала) являлось главное: игра в кегли, бридж, плавание и особенно купание зимой, а также чтение полезных книг и умение быть романтичным при луне. Все это она собиралась заставить делать несчастного избранника. Разглагольствуя на их первом и последнем свидании (на которое его вынудила тетя Алиса), Ви с особым садизмом сообщила кавалеру, что ее муж непременно должен участвовать в национальном заплыве через Темзу и что каждое утро он будет окунается в колодец, который для этих целей вырыт в их поместье.

«Отец это проделывает уже много лет, и посмотри, как он бодр до сих пор».

«Наверное, бедняга с юных лет обладает незаурядным здоровьем, — вздохнул про себя Александр. — Иначе он бы давно спекся».

«Я хочу, чтобы мой муж был крепким и сильным. Я пришлю тебе брошюру „Здоровье в ваших руках“. Обрати особенное внимание на главы о вегетарианстве, закаливании и благотворном влиянии утренней пробежки на длинные дистанции», — на прощание произнесла она и подставила свои губки для романтического поцелуя.

Александр подумал, что с него хватит и одной главы про вегетарианство, чтобы навсегда выкинуть эту девицу из головы, а потому он постыдно скрылся, едва она прикрыла глаза, подставляя ему губы. С тех пор, кажется, злой рок постоянно издевался над ним. Ви решила, что бегство от поцелуя — знак застенчивости, а это, в свою очередь, говорит о пылкой страсти в робкой груди, и вопрос о помолвке — лишь дело времени. А сэр Доудсен ежевечерне совершал молитву, дабы всевышний расположил сердце мисс Харингтон к кому-нибудь другому. Но, похоже, всевышний его не слышал. Как бы то ни было, но на приеме Виолетта, взяв его руку, совершенно не собиралась ее выпускать из цепких пальчиков. Александра сего свело судорогой. Он машинально поздоровался с посланцем, улыбнулся его жене, с ужасом слыша за спиной перешептывания: «Как голубки, не правда ли?»

Он уже совсем оцепенел, когда краем глаза заметили толпе знакомую фигуру. Серж Бобров гудел на весь зал, вливая в себя шампанское бокал за бокалом. К сожалению, и Ви обнаружила, что Александр слишком заинтересованно глянул в его сторону, а потому вывела его на балкон. Было очень холодно. Ноябрь в Москве — не лучшее время для ночных прогулок по балконам.

— Ах, Александр, — с опасной романтичностью вздохнула она. — Вы когда-нибудь задумывались о звездах?

— М-му, — глубокомысленно отвечал молодой аристократ.

— Разве в ваших размышлениях вам не представлялось, что звезды — это мириады желаний, которые падают в руки людей. Стоит только загадать, стоит только очень сильно чего-то пожелать...

— Ну... с этой точки зрения. — Сэр Доудсен сжал в пальцах набалдашник трости, подумывая, а не вырубить ли ее, пока не поздно.

— Я знаю, милый Александр, чего вы желаете более всего на свете.

— Неужели?! — Потомок аристократов удивился и испугался одновременно.

— Да, да, да, — пылко подтвердила девица. — Решительность, вот чего вам недостает. Посмотрите на звезды, загадайте желание.

— О боже, — на грани истерики он закинул голову. — Там только тучи.

— Ах, как жаль, — сюсюкая, протянула барышня. — Я понимаю ваши чувства. Я не мужчина, но догадываюсь, как это трудно — просить девушку... Хотя, может быть, я вам не нравлюсь... — загробным голосом закончила она.

— Нет, ну что ты, Виолетта, старушка, — испугался Александр, понимая, что попал в двойной капкан. Хуже нет ситуации, подобной этой! Если он скажет правду: «Да, ты мне не нравишься, ты меня раздражаешь, и вообще, я тебя боюсь, потому что ты поступаешь нечестно, играешь не по правилам и все такое», то он навсегда покроет свое имя позором, оскорбив девушку, открывшую ему свое сердце. Если он выберет то, что уже произнес, то, скорее всего, дело закончится помолвкой. Но помолвка с Ви все-таки лучше бесчестия!

Он все еще успокаивал себя этим, но силы покинули его, когда он услышал, как Ви нежно пролепетала:

— Ах, мой дорогой. Я давно догадываюсь о твоих чувствах, но я не смела до этой минуты... — Она прерывисто вздохнула и, к великому ужасу своего кавалера, стремительно приблизилась к нему на смертельно опасное расстояние. Настолько опасное, что ее губы почти касались его. — Я тоже люблю тебя! Милый, милый Александр!

Я думаю, нам стоит объявить о нашей помолвке.

Вот так все и случилось. Он даже не осознал, что в диалоге (который по справедливости все-таки правильнее считать монологом) поставлена жирная точка в виде страстного поцелуя. Ви схватила его в объятия и прижала к груди так сильно, что у него чуть ребра не треснули.

— Ой! Простите!

Сэр Доудсен вздрогнул и порывисто оглянулся.

К его великому счастью, на балконе их было теперь трое.

Он понял, что свершившегося этим не исправить, но тем не менее позлорадствовал за всех угнетенных чересчур настойчивыми невестами женихов — Ви обиженно поджала губки, поведя своим длинным носом из стороны в сторону, и отступила от него на шаг.

На пороге стояла миленькая девушка. Излишнее изящество в фигуре и слегка вздернутый носик делали ее похожей на девочку-переростка.

— Ой! — опять воскликнула она и склонила голову набок. — А я вас, кажется, знаю. Помните, на музыкальном вечере недавно...

Сэр Доудсен смутно припомнил, что действительно эта девушка была на вечере. Она все время крутилась возле Боброва, и пару раз они даже выпили все вместе по бокалу шампанского.

— Анастасия, — она кивнула ему и Виолетте.

Та ей ответила тем же, но лицо ее окаменело надменностью.

А вот Александр искренне порадовался встрече.

— Вы были с подружкой. Она певица. — Он испугался, что девушка уйдет, а потому решил закидать ее вопросами, всячески изображая живой интерес. Ему очень не хотелось обсуждать предстоящую свадьбу, а главное, оговаривать ее дату.

— Да, — кивнула та. — А Бобров мне шубу подарил за то, что я их познакомила.

— Он ее искал. Ее ведь зовут Мария?

— Да плюньте вы на Марию, — Анастасия опустила ресницы и повела плечом.

— Хм, — многозначительно промычала Виолетта.

Послышались приближающиеся голоса, и вскоре н. балкон вывалились Борис с леди Харингтон.

—..и удивительное дело, он не любит бантики, мячики и прочие игрушки. Знаете, чем развлекается мой Варфоломей? — Борис заливался соловьем.

«Верно, человеческими черепами», — предположил за леди Харингтон Александр.

— Ни за что не догадаетесь, — кошатник расплылся в довольной улыбке, став похожим на лысого близнеца своего любимца. — Оливками. Он играет оливками, а потом их съедает. Не правда ли, странно?

— Это довольно удивительно, — с энтузиазмом подхватила леди Харингтон. — Хотя не знаю, хорошо ли это для пищеварения вашего кота.

— Вы так думаете? Господи, а мне это не приходило в голову! — ужаснулся Борис. — Знаете, я, пожалуй, исключу оливки и посмотрю, что будет.

«Он тебя сожрет». Александр усмехнулся.

— Может быть, он перестанет шевелить ушками, — мечтательно предположил любитель котов.

Леди Харингтон, явно польщенная таким вниманием к своему замечанию, разругалась.

— А вот и Виолетта, — словно только что заметив, она подвела собеседника к дочери.

— Мама, — с торжественной грустью произнесла девица, — Александр хотел бы тебе кое о чем сообщить...

Она выжидательно глянула на жениха. Тот поперхнулся, покраснел и пробубнил нечто, что больше напоминало как раз «кое-что»:

— Ну, мы... это... в общем... мы... это...

— Боже мой! — расцвела леди Харингтон. — Как я рада. Дорогой мой, я поздравляю вас. Лучшего выбора я вам уж вряд ли могла бы желать! Ви, солнышко, — она нежно обняла дочь.

Александр инстинктивно отшатнулся, боясь, что и его постигнет та же участь. На сегодня он уже перевыполнил план по непрошеным поцелуям от этой семейки.

— Так вы что, женитесь? — Сэр Доудсен в который раз подивился умственным способностям Бориса. Сделать такое заключение из увиденного под силу только весьма прозорливому человеку.

Неожиданно идиллию помолвки нарушила Анастасия, излишне бойко, видимо, от торжественности момента, обратившись к Александру:

— Я, собственно, давно вас ищу. Господин Бобров там рассказывает о вашем последнем контракте на перевозки гуманитарной помощи. Такое похвальное дело, но ему не хватает подробностей. Посол весьма заинтересовался...

С ее стороны это было не самым ловким прекращением слюнявой беседы, но выбирать

не приходилось. Александр изо всех сил постарался скрыть улыбку. Ви с матерью, наоборот, чувств своих не таили и как по команде поджали губы.

— Пойдем, дорогая, я представлю тебя своему другу. — Потомок Доудсенов подал руку невесте, сияясь не слишком морщиться, произнося «дорогая». Он понимал, что эта сладкая пилюля немного сгладит вопиющую бестактность Анастасии и чуть-чуть подсластит то неприятное впечатление, которое произведет на нее бурный Бобров.

«Она непременно будет настаивать, чтобы я прекратил дружбу с таким невоздержанным типом», — заранее проворчал про себя Александр и повел «даму сердца» с балкона.

Маша оглядела себя в зеркало, прищурилась, склонила голову набок, усмехнулась... Не, да, не такой представляла себя «девочка с Севера»: волосы высветленные до голубоватого оттенка, отутюженные, прямые. Губы ярко-красные, словно она только что насытилась кровью из чьей-то артерии, глаза, по выражению Боброва, «вполлица», грудь торчит вперед чуть ли не под прямым углом, платье черное, обтягивающее и такое чертовски открытое!

Кошмар! Она зажмурилась и лукаво хихикнула: «А вообще-то ничего!» Такой она себе нравилась. Но чувствовала себя как-то странно, словно ее втиснули в чужое тело, которое требует других манер и вообще всего другого. А чего — она не знала. Знала точно, что теперь это тело не может отдыхать в маленькой комнатушке, за стенкой которой храпит хозяйка, ездить на общественном транспорте и питаться бутербродами. Это против правил.

— Ну как? — Стилист Никитос отступил от своего творения и окинул его довольным взглядом хорошо потрудившегося человека. — Два дня пыхтел!

Он был честен. Началось все вчера. Никита приехал в офис Боброва с эскизами (меценат заранее выслал ему Машины фотографии). Вот по ним он и придумывал ее новый образ. Привез одежду из дорогих магазинов (на примерку) и принялся Машу мучить. Сначала сделал все, как задумал: завил волосы большими локонами, обрядил в коричневое замшевое платье, которое и нарядом-то назвать можно было с натяжкой — так, обрезки какие-то.

К ним напялил ей на ноги длиннющие сапоги на высоченной позолоченной шпильке. Бобров пил бренди, хмуро наблюдая за ее превращением.

Когда все было закончено, он отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда другой наряд, — согласился с ним стилист.

Переодевали Машу до самого вечера. Она порадовалась, что был понедельник и ей не пришлось отпрашиваться на концерт. Ничего на ней Сержу не нравилось.

«Нет искры», — скупо характеризовал он и выпивал еще одну порцию.

К ночи Маша устала так, словно не переодевалась, а разгрузила вагон с одеждой. Тело все ломило, а решение так и не было принято. Никита злился, сетовал на капризы клиента, намекал на присутствие алкогольного фактора в работе, потом скис окончательно.

— Вот что, — в десятом часу провозгласил Бобров и поднялся из-за стола. — Валите вы по домам. Никитос, ты за ночь подумай, завтра продолжим. Все, что было, — категорически нет. Сделай так, чтобы завтра было «да». Разбегаемся, ребята, а то я на прием опаздываю.

Придя домой, Маша рухнула на кровать. Очнулась только утром, с ужасом поняв, что начался новый день примерок и поисков имиджа.

Теперь вот нет и трех часов, а все вроде бы готово. Бобров бросил на нее хмурый, явно похмельный взгляд и согласно кивнул, пробубнив стилисту:

— Когда ты прав, ты прав.

— Мне нужно бежать, — пискнула Маша, сознавая, что последует за этим заявлением.

Сознавала правильно. Никита остолбенел от вопиющего нахальства, а Серж подскочил на месте, взревев:

— Что?!

Певица покраснела, потупила взор:

— У меня выступление в клубе. Я не могу подводить ребят.

Повисла нехорошая пауза.

— Хм... — Неожиданно меценат перестал сердиться и задумчиво изрек:

— То, что ты обязательная, — это хорошо. Но решай со своими быстрее. Время не ждет.

У нас слишком много дел.

Маша вздрогнула, поняв, что наступил решающий момент. Она обязана поговорить с ним о ребятах. Ну, хотя бы попытаться.

— Мне очень неловко бросать их в такой момент... — Сердце ее, до этого бешено колотившееся, вдруг замерло, дыхание перехватило.

— Хм... — опять изрек Бобров. — Это всегда неприятный момент. Кто-то выбивается, кто-то нет. Ты — да, они — нет. Только и всего. С этим нужно смириться, потому что это жизнь. Жестокая, но ничего не поделаешь.

— И это все? — От неожиданности она вскинула на него глаза и отшатнулась. Ее буравил жесткий, лишенный каких-либо сантиментов взгляд. Взгляд бизнесмена, которому плевать на все, кроме своей выгоды. Она вспомнила их разговор об Ирме Бонд и еще раз утвердилась в мнении, что Серж чрезвычайно опасный человек. Если ему выгодно, он может пойти на все: предать, даже убить.

Подобный вывод вряд ли можно было сделать из их беседы, но взгляд его говорил лучше любых слов.

— А что ты хотела? — он усмехнулся одними губами. — Чтобы я подписал с ними контракт? Я не буду этого делать. Они мне неинтересны. В Москве тысячи парней, бренчащих на гитарах. Твои ребята ничем от них не отличаются.

— Но они были так добры ко мне...

— Оставайтесь друзьями. Это все, что я могу тебе посоветовать. Хороших людей теперь днем с огнем не сыщешь. Нужно сохранить добрые отношения.

Входя в клуб «Фламинго», Маша все еще пыталась себя убедить, что уход из группы — не предательство. Но самой ей в это не верилось. Как же, была группа, она ее солистка. А теперь нет солистки, и группы, получается, нет. Играла бы она на клавишных или на гитаре, они бы враз нашли ей замену. А как найти замену певице? Да еще быстро. Выступления-то никто не отменял. Всю неделю нужно работать, выходной только в следующий понедельник.

— А, — приветствовал ее Леха. — Что, уговорил-таки тебя Бобров?

Маша опешила:

— С чего ты взял?

— Ладно дурочку ломать! Тебе на такого визажиста год копить нужно.

Она запоздало охнула: макияж-то снять забыла. То-то на нее в метро странно смотрели! Отпираться стало бессмысленно.

— Да, — призналась она и во второй раз за день густо покраснела.

— Понятно, — намеренно безразлично изрек Генка.

— Нужно что-то решать. — Вовка хлопнул ладонью по тарелкам, те звякнули тупым звуком. — Я думаю, он не позволит тебе работать с нами.

— Он сказал, чтобы я... — Она запнулась, не в силах повторить бобровское «разобралась». Это прозвучало бы неприлично. Словно ребята какой-то старый хлам, который нужно выкинуть из чулана на помойку.

— Чего-то подобного я, признаюсь, ожидал, — грустно произнес Леха. — Но новый солист будет мужиком.

— Перестаньте! — Неожиданно ее захлестнула злость. — За что вы на меня обижаетесь?! Вы сделали доброе дело, подобрали меня и дали работу. И вы даже не представляете, как я вам благодарна! Но я же вас не кинула! Я просто пытаюсь использовать свой шанс. Так на кого вы обиделись — на меня или на себя за то, что мне повезло? Ведь если бы вы меня не поддержали, ничего бы со мной не произошло! И потом, я останусь с вами, пока вы не найдете мне замену... только, пожалуйста, не тяните с этим... — Последние слова она произнесла очень тихо.

И снова наступила гнетущая тишина.

— Не забудь прописать обо мне в мемуарах, — буркнул Генка.

Маша вздохнула, глянула на него в упор:

— Если бы я через месяц приплелась обратно и молила бы взять меня, ты был бы рад? Скажи? Если бы у меня ничего не получилось, ты бы остался доволен?

Генка не выдержал ее прямого натиска, моргнул и тоже покраснел до ушей.

— Вот и нечего злиться! — изрекла она. — Все, давайте готовиться.

— Тебе звонила какая-то Катя, — вспомнил Леха.

— Катька? — удивилась Маша. — Странно. Зачем я ей так срочно нужна?

— Не знаю. Я ничего не разобрал. Она постоянно всхлипывала. Просила, кажется, с ней связаться.

Маша вдруг разволновалась. Метнулась к телефону. Три раза у нее никак не получалось набрать нужный номер, палец все жал не на те кнопки.

Что могло заставить всхлипывать вечно жизнерадостную Катьку? И почему она вообще обрывала телефон в поисках ее? Господи, может быть, что-нибудь дома случилось?! Только бы не дома, господи, только бы не дома.

Она не звонила родителям с самого отъезда. Нечего было сообщать. Собиралась на днях.

— Алло, Катя? — крикнула она, услышав в трубке хриплый голос подруги.

— Аську убили, — сухо произнесла та и повесила трубку.

Маша добралась до Катьки только поздно ночью. Выступление нужно было отработать, и никуда тут не денешься. Подруга уже пришла в себя, по крайней мере не всхлипывала. Сидела в кухне на табуретке и угрюмо смотрела в никуда. Маша налила ей чай в чашку.

— Миллион раз ей говорила: «Перестань хвастать!» — с ожесточением процедила она. — Бестолочь!

— Не нашли тех, кто, ну... — Маша опустилась на соседний табурет.

В происходящее верилось с трудом. Аськи — хохотушки с глазами нашкодившего ребенка больше нет. Пока пела в клубе, упрямо хранила надежду, что Катька что-то напугала или что ей отказало чувство юмора и она неудачно пошутила. Но, увидев ее распухшее от слез лицо, поняла, что та не напугала и не пошутила.

— Днем у нее должна была быть съемка в «Останкино», потом вечернее выступление в «Метелице». Вернулась бы домой под утро. Она потащила в телецентр, а там выяснилось, что студия слишком мала для всего кордебалета. Оставили на съемку только ударную пятерку, остальных отпустили гулять. Все пошли в кафе пересидживать, а Аська поехала домой. Черт, и чего ее туда понесло? Как представляю, что я была последней, кто ее видел!

— Видел?! — У Маши горло перехватило.

— Да, я в клубе была. Она заехала, а потом поперлась домой. Я ведь даже не подумала ее остановить! — Катька упала лицом в ладони и опять всхлинула. — Она про какие-то туфли говорила. Вроде утром не те взяла, хотела поменять. Ну, это про танцевальные туфли...

— Выпей-ка чаю, — Маша насильно всучила ей чашку, погладила по плечу, успокаивая, — Ты не могла это предположить. Такое вообще предположить невозможно. Мы же не можем ходить друг за другом, думая, что с кем-то из нас через час случится что-то ужасное. Это нелепо.

— Но с Аськой случилось! И если бы я поехала с ней, она была бы сейчас жива.

— Ее в подъезде..

— Нет, — Катька мотнула головой, — В квартире. Там все перевернуто вверх дном, меня туда сегодня уже вызывали следователи. Просили посмотреть, все ли на месте.

— То есть это было ограбление?

— А кто знает? Следователь сказал, следов взлома нет. То есть, она сама дверь открыла. Ее застрелили. Прямо в голову. Чтобы наверняка. А потом обшарили всю квартиру. Менты спрашивали, была ли она как-то связана с Ирмой Бонд.

— Господи! — Маша замерла, — А это-то тут при чем?

— Говорят, убийства похожи. Чуть ли не из одного пистолета стреляли, что ли. Или совпадение, такое бывает. — Катька глотнула чай и поморщилась, — Я бы водки выпила, честное слово.

Она встала, чуть шатаясь, добралась до холодильника, вытаскала полбутылки водки, отпила прямо из горлышка. Когда откашлялась, запоздало спросила:

— Может, и ты?

— Нет. Я не могу понять, почему влезли в ее квартиру? Что она, дочь Рокфеллера? С какой стати?

От водки Катька немного пришла в себя. Ее перестало колотить, да и щеки слегка

порозовели.

— Я же говорю, она болтала направо и налево, что жутко популярна среди богатых мужиков. Что они ее подарками забрасывают по несколько раз на дню, а она еще и не все принимает. Вечно таскалась по мероприятиям эдаким... — Она повертела кистью в воздухе и презрительно фыркнула, — Ну, великосветским. Ни одного приема за полгода не пропустила. То она на годовщине «Газпрома», то на дне рождения Пугачевой, то там, то сям, то на приеме в посольстве, как вчера. Как она эти приглашения доставала — одному богу известно. Цепляла там всяких мужиков — по большей части, мелочь. И никаких подарков особенных ей не дарили. Только вот Бобров за тебя шубу выделил. А уж что она вокруг этого насочинила! Она же на каждом шагу заливала, что и Бобров в числе ее поклонников. Ох! Я ей говорила, чтобы перестала. Она у кого-нибудь выцыганит колъе или кольцо поносить — такое, чтоб подороже смотрелось, так и начнет о нем петь на очередной вечеринке каждому встречному. И изображает из себя великосветскую львицу. Она все деньги на шмотки тратила. Туфли — 500 баксов, платье — 600 баксов. Копила, по-моему, даже ела через раз, только бы лишнюю тряпку купить. А люди на этих приемах разные. Вот, видимо, и нарвалась на воругу со своими байками.

— Значит, ее ограбили.

— Да, вынесли только шубу. Что у нее там было-то? Стоило человека из-за этой дряни убивать!

Она опять всхлипнула. Маша испугалась, что у Катьки начнется очередная истерика, и спросила, чтобы ее отвлечь:

— А к тебе она зачем приходила?

— Ой, — та вздрогнула, — Да бирюльку твою отдала. Я на нее нажала, сказала, что мне ее сегодня вернуть эксперту нужно.

— Что?!

— Да, ну это же Аська! Она зашла в мастерскую к Коле, а там я с твоей штуковиной на шее. Ну, она и привязалась: откуда да откуда. Я ведь ее знаю как облупленную. Скажешь, мол, Машкина, она затаскает на год. А что, своим можно и дольше не возвращать. Тянула бы до последнего: то некогда, то «ну дай надеть в последний разок, а завтра отдам, чтоб у меня зубы повыпадали». Вот я и соврала, что взяли бирюльку у антиквара, чтобы Колька вдохновился на выставочную работу. Аська тут же завела свое нытье: «Дай на вечер, иду на прием в посольство, нужно позарез». Я и подумала, что с того, если она его наденет один разок.

— Ой, господи! — Маша испуганно зажала рот рукой.

Сердце ее ухнуло в пятки.

— Она еще хвасталась, — не замечая ужаса в ее глазах, продолжала Катька, — что каждый второй ей комплимент делал, какой у нее потрясный кулон. И мужики, и женщины. Кажется, даже посол отметил. Вот и порадовалась напоследок. Да, я же тебе его отдать должна.

Она вышла в коридор, порылась в сумочке, вернулась с кулоном в руке, рассмотрела его в свете шестидесяти ваттной лампочки:

— Правда красивый. Возьми, Колька работу свою уже закончил. Сказал, подарит тебе этюд в качестве благодарности.

"Не стоит, — хотела ответить Маша, но не стала. Вместо этого покрутила украшение на ладони, грустно подумала, — Странно. Уже двоих, кто носил эту штуку, убили... Надо бы от

нее избавиться".

— Знаешь, — сказала Катька, — плюну-ка я на эту дурацкую Москву, подамся в Питер.

— Зачем? — удивилась Маша.

— Ну, как... — Та потянула себя за прядь волос, задумчиво накрутила ее на палец. —

Там у меня друзей больше, там джазовой певице вообще легче. В Питере к джазу другое отношение, да и город поспокойнее.

— Глупости, в Питере столько же бандитов на душу населения, сколько и в любом другом городе.

— Не знаю... — Катька снова села на табурет, подперла щеку кулаком. — С Севера все в Питер чешут, там мы свои. А тут все равно изгой. И неуютно мне в Москве. Особенно теперь.

— Да подожди ты все кидать. Пройдет время...

— Вот именно, — перебила ее подруга, — Время проходит, а я все в стрип-баре на подпевках. Везет не всем. Вот на тебя Бобров клюнул. А моя призрачная надежда показала мне дулю.

— Тот продюсер на музыкальном вечере...

Катька поморщилась:

— Сказал, что если бы хотел мной заняться, то занялся бы уже давно.

— Он дурак, — процедила Маша. — Я слышала тебя. Ты потрясающая. Что им всем еще нужно?

— Вот и я так думаю, — вздохнула подруга. — Ай, фигня. Прорвемся. Если не выйдет из меня певицы, прославлюсь как Колькина натурщица.

Сэр Доудсен пребывал в тоске. Его больше не радовал рост акций родной компании на Лондонской бирже ценных бумаг. Еще бы — он помолвлен с Ви, этим крокодилком в обличье ученой цапли. Душа его наполнилась могильным холодом и таким же мраком. Выхода из тупика не было. Все утро он принимал поздравления. Разбудил его звонок тети Алисы, которая огласила его квартиру раскатистым рыком:

— Наконец-то ты одумался, мой мальчик. Я давно твердила, что лучше Виолетты тебе невесты не найти!

— Нечто подобное я слышал вчера на приеме от ее матери, — с глухим стоном он припомнил ужасную сцену на балконе.

— Теперь я спокойна за твою судьбу. Виолетта возьмет тебя в крепкие руки...

«Скорее силки», — подумал Александр.

Дальше он не слушал, углубившись в неприятные размышления о том, что все могло быть иначе, если бы по дороге на прием его сбил автомобиль. Месяц в больнице и жизнь на костылях сейчас казались ему предпочтительнее, нежели маячившая женитьба. Родственники продолжали его донимать и на работе. Мать поинтересовалась, какую рамочку он желает видеть на объявлении о помолвке в «Морнинг пост», отец с прозорливостью, присущей мужчинам, посоветовал не падать духом. Дядя Реджинальд тепло посочувствовал. В долгу не остались и друзья из клуба «Пеликан». Те со злорадным удовольствием слали ему письма по электронной почте, расписывая жуткие истории о том, как некий лорд Брэндхем избежал свадьбы, сев в тюрьму на пять лет за жестокое избивание полисмена в состоянии аффекта по причине своей помолвки. А барон такой-то сделал то-то (еще более ужасное), а сэр тот-то вообще... Все эти примеры леденили кровь молодого

жениха, хоть и являлись завуалированными советами друзей. Кроме того, похоже, все население Англии избрало развлечением в это злосчастное утро забрасывать его офис поздравительными факсами и телеграммами. Посему факт помолвки не укрылся и от сотрудников. Каждый счел своим долгом заглянуть в его каморку и поздравить с «замечательным событием».

— Виталий, а вы женаты? — с тоской спросил Александр, когда в проеме появилась голова зама.

— Три раза, — весело ответил тот.

— Зачем вам столько? — удивился молодой аристократ, искренне не понимая, почему человек по собственной воле подвергает себя пытке еще и еще раз.

— Так весело же!

Сэр Доудсен только плечами пожал: «Что тут веселого?»

— Скажу вам по секрету, — перешел на заговорщицкий шепот Виталий, — что вам, как человеку, вступающему в брак впервые, этого пока не понять. Подождите годик-другой, и вам тоже захочется поменять обстановку.

— А были случаи, чтобы вы не хотели жениться? — с надеждой спросил страдалец.

— Я?! — несказанно удивился зам. — А с чего бы мне не хотеть? Это же весело!

Молодой аристократ понял, что дальнейший разговор бессмыслен. Он попытался углубиться в работу, но так и не смог сосредоточиться на проекте договора о перевозках продукции кондитерского завода из Москвы в Париж. За шаткой дверью, прекрасно пропускавшей не только сквозняки, но и звуки из другой части офиса, он услышал телефонный разговор своей секретарши, от которого у него в момент началась резь в животе.

— Ты себе не представляешь, нашего босса уже охомутили! — пожаловалась та невидимой слушательнице и принялась излагать подробности, — Девица, не то чтобы очень, хоть и в брюликах. Я ее фотку в Британском нете откопала. Дочь лорда. Но что нам с тобой лорды? Просто нужно знать, где водится крупная рыба. Лично я начинаю ходить по посольствам — там всякие приемы, вечеринки. Я тебе так скажу: аристократы эти — сущие телки. Только нужно ухватить за веревочку, и все.

Сэр Доудсен схватился за голову. Девушка была права — он телок. И будет телком до конца своих дней. А куда ему деваться со своей фамильной честью?

В конце рабочего дня позвонил Бобров. Голос его показался Александру усталым.

— Это правда, о чем вчера в посольстве говорили? Мы ж так и не пересеклись. Дела у меня. Всякие... — туманно изрек он.

— Правда.

— Что-то нет в тебе должной радости.

— Да как вам сказать... Я не то, чтобы стремился к этому браку. Я даже не понял, как все вышло. Раз — и все уже поздравляют с помолвкой.

— Ну-у, братец, — невесело хохотнул Серж, — теперь-то я точно знаю, что жениться нужно по любви, — он смущенно кашлянул. — Опыт, как-никак!

— Или когда нет другого выхода, — молодой аристократ вздохнул.

— Слухай, если девица Харингтон тебе не нравится, пошли ты ее ко всем...

— Не забывайте, Серж, — поспешно предостерег его сэр Доудсен, не желая, чтобы этот разговор стал их последним, — мы говорим о моей невесте. Она замечательная девушка и все такое, но я несколько обескуражен. Это объясняет мою меланхолию. А в остальном жизнь ведь прекрасна, не так ли?

Последнюю фразу он произнес бодро, душа в себе внутреннее сомнение.

— Говори о себе, — буркнул меценат. — У меня кругом одно дерьмо. Хочешь выпить?

И впервые со дня их знакомства потомок аристократов с искренним энтузиазмом ответил на этот вопрос:

— Еще бы!

Меценат хмуро оглядел рюмку с водкой, а потом вдруг поставил ее на стол.

— Чо-то не пьется, — признался он, храня на красной физиономии печать мрачной тоски.

Александр не склонен был разделить с ним эту точку зрения. Ему, как раз наоборот, казалось, что вечер весьма подходит для того, чтобы залить свои страхи и горести хорошей дозой алкоголя. Он подозвал официанта и заказал ему еще графин.

— Не понимаю я тебя... — Серж, свесив голову набок, прищурился, разглядывая его внимательно, словно забавный выставочный экспонат какой-нибудь галереи современного искусства. — Ты богатый, молодой и, что уж там говорить, в общем, по всем статьям бабам нравишься. Женишься на... — поймав вмиг потемневший взгляд «экспоната», он смущенно кашлянул. — Одним словом, женишься. Значит, любовь?

— Конечно, — поспешно ответил сэр Доудсен, удивляясь, с чего это его грубоватый приятель, начисто лишенный каких-либо сентиментальных наклонностей, вдруг завел столь задушевно-романтическую беседу.

— А как это, ну, у вас принято? Объясняться и все такое... — Серж опустил голову, с интересом уставился на полную рюмку. — Вот представим, нравится тебе девушка, как ты ей это даешь понять?

— Гм, — Потомок аристократов задумался, пытаюсь припомнить, когда это он давал понять о своих чувствах какой-либо барышне. После недолгих размышлений он пришел к печальному выводу: все его романтические похождения сводились как раз к обратному действию — как бы ненароком не дать понять девушке, что она ему нравится. Проще говоря, в его опыт входило только поспешное бегство от любой заинтересовавшейся им особы. — Мой дядя Реджинальд как-то советовал мне, что лучше всего отвести девушку на рододендроновую аллею, схватить в охапку, прижать к груди и, признавшись в пылкой страсти, покрыть ее чело поцелуями. К сожалению, я не знаю эффекта от таких действий. Ни разу не удалось предпринять что-либо подобное. Правда, дядя клянется, что сам-то он ни раз пользовал этот метод, и всегда успешно.

Он попытался представить себе дядю, среди рододендронов сжимающего в любовных тисках тетю Алису, и поразился смелости этого человека. Ведь тетя Алиса далеко не эфемерное создание, готовое растечься в сироп от страстей какого-то там Реджинальда Блэра. Неумную охотницу тетю Алису, поговаривают, панически боялось все живое население окрестных лесов. Да и странное исчезновение Эдгара Шатающегося — привидения фамильного поместья Блэров, терзавшего многие поколения это знатное семейство, случилось как раз после появления в доме новой хозяйки. И уж если на то пошло, Александр скорее согласился бы выпить горячий свинец, нежели заключить тетку в объятия. Хотя, разумеется, о вкусах не спорят.

— Нет, мне нужно что-нибудь романтическое... — Бобров вздохнул. — Такое, от чего душа бы пела.

— Гм, — опять ненадолго задумался сэр Доудсен. — Один мой приятель в Оксфорде

подарил девушке томик Алфреда Теннисона, заложив поэму «Мод» цветком ириса, что на языке цветов означает «Послание вам». Девушку звали как раз Мод.

— И что?! — меценат вскинул глаза от рюмки.

— Не очень хороший пример. Она была официанткой в кафе. Вышла замуж за бакалейщика. Не оценила ухаживания моего приятеля. Ему ведь дальше ирисов продвинуться не удалось. Сдается мне, что та девушка не слишком ценила поэзию Теннисона и сережки бакалейщика пришлись ей куда более кстати.

— А... — разочарованно протянул влюбленный. — С цветами всегда так. Я цветы дарить не умею. Я вот что подумал, ты ведь не откажешься мне помочь? — он с надеждой взглянул на собеседника.

Александр смутился:

— Я бы с радостью, но я далеко не асс в таких делах.

— Ладно, рассказывай, — тут же надул губы Бобров. — Ты ж вон какую барышню окрутил. Я видел, как она тебе в локоть вцепилась. Ты же волк в овечьей шкуре.

— Вы меня переоцениваете, — с грустью заметил сэр Доудсен.

— Да от тебя же ничего такого и не потребуется. Я вас познакомлю, а ты уж поговори с ней, как умеешь, вежливо, обходительно, одним словом, вотрись в доверие. Расспроси, там, то да се: что ей нравится, ну, книжки там, театры. Может, у нее какое желание есть особенное. Ты выяснишь, а я уж по горячим следам начну как подорванный. А то она меня не слишком близко к себе подпускает. Я с ней как на минном поле: шаг влево, шаг вправо — облом. А с моим опытом в любовных делах. Ведь я если вижу, что девка красивая, подхожу и говорю: мол, мадам, ваши глаза заставили трепетать мое суровое сердце...

Александра невольно перекосило.

— Вот-вот, — понимающе закивал меценат. — Самому противно. Я ж человек особенный. У меня профессия такая, что бабы сами гроздьями на шею вешаются. А если ни одна для вечера не подходит, так в сауну можно проститутку вызвать.

— Серж, гм... Я попробую вам помочь.

— Вот если я ей букет пришлю, как думаешь? Да чтоб не простой, а какой-нибудь эдакий, утонченный, а?

— Для начала нелишним будет выяснить, нет ли у вашей дамы элементарной аллергии на цветы. У моего приятеля была пренеприятнейшая история: он дарил цветы девушке, а она при виде их неизменно бледнела. Проходя на следующее утро мимо дома возлюбленной, он видел подаренные цветы в корзине для мусора. Потом, решив растопить ее сердце, он подарил ей породистого котенка, которого она вернула ему с гневным посланием о расторжении всяческих отношений. Оказывается, шерсть животного усугубила урон, нанесенный ее организму букетами, и девушка попала в больницу.

— А хорошие истории у тебя есть в запасе? — неожиданно обозлился Серж. — Просто ангел смерти какой-то!

«Что может быть связано хорошего со свадьбой!» — тоскливо подумал про себя сэр Доудсен.

— Ты пойми, я ведь тебе одному и могу доверить свое сокровище. — В глазах Сержа засветилась мольба, — Она красавица, умница, каких мало, а ты человек без пяти минут женатый...

Аристократ едва сдержался, чтобы не застонать. Но влюбленный не обратил на это внимания. Влюбленные всегда законченные эгоисты. Он даже не посмотрел на него.

— Ты человек чести и нарушить верность своей невесте не в состоянии. Поэтому я могу быть спокоен, что ты на нее не накинешься, как голодный тигр на говяжью вырезку. А она такая ранимая, такая пугливая...

— Вырезка?

— Нет! Она! Девушка!

Машина жизнь стремительно менялась. И радоваться тут было нечему. Она снова осталась одна в чужом городе. Гибель Аськи, поспешный отъезд Кати в Питер, больше похожий на бегство, Пашка с Колей даже не звонили. Ребята из группы держались с ней прохладно и обсуждали свои планы между песнями, как ей казалось, демонстративно ее игнорируя. Словно ее и не существовало больше в их жизни.

«Все справедливо, — горестно думала она, каждую ночь возвращаясь с выступлений, — Взбираешься на новую ступеньку. Она выше, но холодна, как лед. Долго еще ждать, пока она станет тепленьким насиженным местом. Ничего, все поправится. Все можно стерпеть, кроме смерти...»

Не сказать, чтобы Маша особенно сильно переживала из-за потери Аси. Ей было ее жалко, она страдала, как и всякий нормальный человек, рядом с которым случилась непоправимая беда. Но все же, наверное, не так сильно, как Катька или Коля с Пашей. Они ведь и знали ее дольше. Она была им подругой. А Маша видела ее от силы раз пять. Она ей, с одной стороны, нравилась, с другой — нет. Хотя какая теперь разница. Как бы жестоко это ни выглядело в ее собственных глазах, но Маша призналась себе, что больше тоскует по Катьке, с которой успела сдружиться. Но теперь и та, к сожалению, осталась в прошлом. У Маши началась другая жизнь. Как бы ей ни хотелось отсидеться в уголке, поплакать над печальной судьбой Аси, сумасшедшая спираль шоу-бизнеса уже закрутила ее и понесла куда-то. Вверх ли, вниз — не разберешь, потому что не успеваешь оглядеться. Утром следующего дня после кошмарной встречи с Аськиной матерью, которая приехала в Москву за телом дочери, Бобров усадил Машу в свой джип и стремительно повез по московским улицам. Этот грузный дядька с красным носом действовал на нее как удав на кролика. При нем она натурально цепенела. Каким-то совершенно непонятным для нее образом он вдолбил ей в голову, что его решение — закон, его мнение всегда правильно и спорить с ним бесполезно. А она сама всего лишь материал в его руках. Глина с мастером не спорит, вот и весь сказ. Может быть, все было бы иначе, может быть, Маша чувствовала бы себя и свободнее, не оказись она за кулисами в злосчастный вечер убийства Ирмы Бонд. Не могла она выкинуть из головы то обстоятельство, что в шкафу под нижним бельем лежит у нее кулон певицы. И кулон этот больше принадлежит Боброву, нежели ей. Но вот в чем проблема — она жутко боялась признаться в этом Сержу. И самое странное, не могла понять почему. Казалось бы, что проще — рассказать ему о том, при каких обстоятельствах украшение попало к ней в руки, передать его ему, а дальше пускай уж у него голова болит, как быть дальше. Но именно это и пугало ее. Особенно после недавнего разговора в его офисе об Ирме. Что-то связывало мецената с певицей. Что-то, кроме ее сценической деятельности. Это Маша скорее не поняла, а почувствовала в его безумном взгляде. В той неистовой, иступленной злости, с которой он вспоминал об Ирме.

«Узнаю его поближе, может быть, мои страхи — сплошной бред. Тогда и отдам кулон», — решила она, но легче ей от такого решения не стало. Кулон влиял на ее жизнь, и влиял самым скверным образом.

Пока она размышляла в очередной раз на тему украшения, Серж подвез ее к весьма приличному кирпичному дому, стоящему недалеко от Садового кольца.

— Жить будешь здесь, — заявил он, выводя ее из машины. — Компания сняла тебе квартиру.

— Зачем? — опешила новоявленная певица, в планы которой вовсе не входило еще и жить под крылом мецената.

— Таковы правила, — тот даже удивился ее невежеству. — Ты же подписала контракт. Ты его вообще читала?

Маша запоздало испугалась. Она подмахнула договор практически не глядя. А что, если там еще что-нибудь в этом роде? К примеру, «жить будешь здесь и со мной». Серж заметил смятение на ее лице и огласил чистенький дворик зычным хохотом. Когда немного отдышался, прокомментировал:

— В жизни не видал такой дуры. Ах ты, зашуганная провинциалка!

— Прекратите обзывать. — Маша покраснела, понимая, что он прав как никогда. Все-таки нужно мозги держать в напряжении. А то снесло от небывалой удачи крышу. Теперь непонятно, во что это выльется. Первые капли этого «чего-то» выступили тут же. Бобров хмыкнул и покровительственно похлопал ее по плечу:

— Дорогая Маша, в договор я включил пункт об общении. Теперь я имею право тебя ругать и называть всякими бранными эпитетами. Как то: глупая провинциалка, тундра, ломом подпоясанная и прочие термины, которые ты вполне заслужишь. Исключаются прямые матерные оскорбления.

— Я это подписала?!

— Как миленькая. — Серж хохотнул и распахнул перед ней дверь квартиры.

Маше показалось, что она попала в номер хорошей гостиницы. В таких квартирах ей ни бывать, ни тем более жить не приходилось. Такой интерьер она видела в журналах. Все было новенькое, опрятное и по виду очень дорогое. Она потрогала пластиковые рамы на окнах, вспомнив слово, с которым родители ее связывали понятие «благополучная жизнь», — «стеклопакет». Единственное, чего не было в квартире, так это человеческого присутствия, отчего две комнаты, кухня, прихожая и ванная напоминали уголки в мебельном магазине.

— Ничего, обживешься со временем, — прогудел Бобров, угадав ее мысли.

Маша открыла шкаф-купе с огромным зеркалом. Разумеется, он был пуст. Только в углу его покоился новенький пылесос.

— Да, — Серж потер переносицу. — Попрошу Никиту походить с тобой по магазинам. Нужно, чтобы ты купила себе несколько выходных шмоток, ну, и что там тебе еще нужно.

Певица покраснела. Все происходящее смахивало на сказку. Однако это было лишь начало, а Маша с детства знала, что в сказках не может быть все только хорошо. Она в удивлении уставилась на мецената.

— Глупая ты, — улыбнулся тот, — Черта с два я закидывал бы тебя шмотками, если бы мне это было не выгодно. Скоро начнется твоя раскрутка. Ты должна будешь выглядеть соответственно не только на сцене, но и в жизни, понимаешь? А на твои три рубля, которые ты привезла в Москву, ничего, кроме того красного платья с рынка, которое ты таскаешь с маниакальной настойчивостью, не купишь.

Маша почувствовала, как волосы на голове взмокли. В груди ее словно печь разожгли.

— Вам не понравилась песня, которую я написала, вам не нравится мой наряд, в таком случае почему вы меня выбрали?

Меценат пожал плечами и ответил быстро, словно готовился к этому вопросу:

— Мне нравишься ты.

Ответ прозвучал просто и логично. Однако Машу он напугал. Ей бы больше понравились напыщенные объяснения о харизме, тембре голоса и оригинальной манере исполнения. Она застыла, как раз превратившись в того кролика перед удавом. Бобров, казалось, и это ее состояние разгадал. Он двинулся на нее медленно и уверенно. Маша отступила на шаг, но уперлась спиной в треклятый шкаф-купе. Серж подошел к ней вплотную, положил руки на плечи и, заглянув в глаза, вдруг усмехнулся и отступил на шаг.

— Я что, такой противный? Ты бы ни за какие деньги не согласилась лечь со мной в постель?

Машу колотила крупная дрожь. Она проглотила ком в горле и потупила взгляд.

— Не понимаю... — задумчиво протянул он. — Многие начинающие певицы уверяют, что прыгнуть ко мне в койку — это единственная цель, ради которой они прутся в шоу-бизнес. Они, между прочим, убедили меня в том, что я венец творения на земле. Откуда такой ужас в ваших глазах, уважаемая? По-твоему, я монстр?

Маша упрямо смотрела в пол, не решаясь ответить. Хотя на последний вопрос сейчас она могла бы, не задумываясь, произнести «да».

— Ладно, — он отвернулся и, подойдя к окну, откинул тяжелую гардину. — Да будет тебе известно, что я не сплю со своими подопечными. Вас у меня так много, что со всеми не переспишь. У меня под покровительством симфонический оркестр, к примеру. Играют — просто блеск. Но тащить каждого в койку — уж извини!

Маша улыбнулась.

— К тому же личные отношения портят профессиональные. Трахнешь такую вот сопливую дуру, а потом носишь с ней как с писаной торбой. Капризы начнутся незамедлительно. А мне от тебя работа нужна, понятно?

— Я очень рада, — искренне ответила Маша.

Он резко повернулся к ней и, усмехнувшись, весело проговорил:

— А зря! Я, между прочим, действительно венец творения. Особенно в постели. Ты многое теряешь. Я бы на твоём месте опечалился.

— А по договору я имею право говорить вам правду?

— Хм... — Он озадачился. — Такого пункта в договоре нет. Ну, то, что не запрещено, то разрешено. Валяй.

— Вы ошибаетесь насчет венца творения. Вас обманули. И печалиться мне не о чем.

— Эх, чем же ты еще можешь себя успокоить, коли не грубой клеветой, — и он фыркнул.

Вот так Маша поменяла место жительства. Поменяла она и образ жизни. Вставала она в восемь утра, мчалась на урок по вокалу. Строгий преподаватель Игнат Робсон, неопрятный косматый мужик лет сорока, спуска ей не давал. Выговаривал, что она полное ничтожество, петь совсем не умеет, а то, что умеет, пением не назовешь. Так, выть в подворотне. Уроки были странные — то она шипела от низов к самым верхним нотам, то «булькала» октавами, то выпевала музыкальные интервалы.

— Нужно расширить твой диапазон, — ворчал преподаватель. — Иначе ни одну песню тебе не подобрать.

Маша молча терпела, старательно выполняла его требования. Вечерами занималась еще и дома, повторяя по настоянию Игната утренний урок.

В середине дня ее ждал преподаватель по хореографии, который на первом же занятии потребовал называть себя Вовиком, и никак иначе. С ним Маша испытывала настоящие муки. Сначала она проходила с ним классический станок. В детстве, как всякая девочка из хорошей семьи, она занималась танцами, но то были занятия для удовольствия. Она и понятия не имела, что все эти батманы, плиссе и арабески могут так выматывать за считанные минуты. Вовик стоял рядом и периодически лупил ее палкой то по ногам, то по спине, требуя ровных линий.

— Тебе нравится бить людей? — однажды, не вытерпев, пискнула она.

— Человеком станешь, когда научишься спину держать, — холодно ответил садист и, поддев палкой ее бедро, заставил поднять ногу. — Упражнение не закончено. Работай, а не огрызайся.

Серж не появлялся на занятиях. Один раз заглянул в класс к хореографу, оглядел ее, вымученную, растрепанную, мокрую с ног до головы, хмыкнул:

— Потрясающе выглядишь.

И разочарованно обратился к Вовику:

— Смотрю, ты ее жалеешь.

Маша только головой покачала.

Вечером у нее был неизменный шейпинг в спортивном клубе, который заканчивался бассейном, массажем и солярием. А по субботам сауной. Домой она приползала к десяти. Пела упражнения и плюхалась в кровать. На ужин сил не оставалось. Вот и вся жизнь. Спустя неделю у нее появился репертуар. Пока состоящий из одной песни. Выбор происходил в офисе Сержа.

— Нравится? — гордо спросил он, когда они прослушали первую композицию в исполнении автора.

— Ну... — уклонилась от прямого ответа Маша, которой песня не очень понравилась.

— Ты что, она бешеных бабок стоит! Пять тыщ долларов! Автор — известный человек, — обиделся меценат.

— В общем-то, она не слишком интересна в музыкальном плане, — неожиданно поддержал певицу преподаватель по вокалу. — Голос показать не на чем.

— На нашей эстраде голос показывать не принято, — угрюмо заметил Серж. — Некоторые звезды вообще петь не умеют, и ничего. Была бы морда смазливая да раскрутка хорошая.

— Тогда почему я? — На сей раз Маша смело вскинула на него глаза. — Есть куча девиц куда смазливее меня.

— И то верно, — запальчиво ответил Бобров.

— Тайм-аут, — на манер рефери поднял руку Игнат. — Может быть, эта песня и хит, но не Машин.

Повисла тяжелая пауза. Бобров потер переносицу и недовольно пробубнил:

— Сам знаю. Ладно, есть у меня еще одна на примете.

Правда, автор никому не известен. Держал его про запас, думал, спихну, когда случай подвернется. Он поставил другой диск. Музыка Маше понравилась, но вот исполнение... Голос у композитора был хриплым — слов не разберешь.

Нет, не умею я ждать,

Не умею просить,

Не умею прощать,

Но я умею любить...

Маша задумалась. Песня явно не про нее. Скорее ее Ирма могла бы спеть с чувством. Наверное, для нее она и предназначалась: для гордой женщины, лукавой, жестокой, сильной, как леди Макбет. Мужчины такой восхищаются на расстоянии, потому что подойти боятся. Такая всегда выбирает сама, но остается одинокой. Впрочем, про одиночество — это ей сейчас очень даже понятно. Но вот все остальное...

— И ты такой должна стать, — словно опять прочитав ее мысли, тихо произнес Бобров и накрыл своей ладонью ее.

Она вздрогнула. В который раз удивилась, как это ему удастся видеть ее насквозь.

— Слушай, у тебя на лице все написано, — он усмехнулся. — Может, тебе преподавателя по актерскому мастерству найти? Чтобы маску научил носить. Негоже такой простушке петь арии роковых женщин. Машка, ты должна стать роковой, понятно? Иначе наше дело — дрянь.

Роковой, похоже, Серж Машу решил сделать незамедлительно. Для чего и потащил этой же ночью в модный клуб на закрытую вечеринку.

— Пора выводить тебя в свет, — буркнул он, впихнув ее в зал, набитый знаменитостями и богачами.

Таким образом Маша впервые появилась на публике официально, как «новый проект Боброва». И первое, что она сделала, — это растерялась. Меценат взял ее за руку, шепнул: «Вперед» — и поволок знакомиться. Отвечали ей приветливо. Мужчины целовали ручку, женщины с натянутой вежливостью улыбались. Но заговаривали только с самим Бобровым. Для всех она оставалась никем — глиной в руках мастера или бессловесной куклой. Во всяком случае, именно так к ней относились все эти люди.

— Вот, наконец-то тебя нашел! — как никогда обрадовался Серж, чуть ли не впихнув ее в объятия того самого голубоглазого высокого субъекта, с которым она видела мецената в ресторане и которого приняла за киллера.

Правда, как выяснилось на музыкальном вечере, он оказался вовсе не киллером, а английским аристократом, но от этого вид у него не исправился. Маша по-прежнему считала его довольно грозным типом.

— Сэр Александр Доудсен, — представил Серж аристократа и указал на певицу:

— А это наша Маша. Вернее, Мария Иванова — восходящая звезда российского шоу-бизнеса.

— Весьма польщен, — заверил ее лорд, на ее взгляд, куда искреннее остальных в этом зале. А может быть, он с детства тренировался скрывать свои истинные эмоции.

— Ну, пойду поговорю, тут нужно мне, в общем, отойти, — неожиданно смутившись, Бобров растворился в толпе, оставив ее наедине с сэром Доудсеном.

Маша тут же покраснела, не зная, что делать и что говорить. Как незадачливая школьница, стоящая у доски и начисто забывшая вызубренный накануне урок, замотала руками. Лорд ей еще раз поклонился, ободряюще улыбнулся, мол, расслабься.

— Александр? — пискнула Маша, теряя остатки самообладания. — Сэр Александр? Разве это английское имя?

— Скорее греческое, — тот жестом показал ей, что можно сесть за столик, и продолжил уже на пути к нему, — Пожалуй, самый известный грек, носивший это имя, был Александр Великий — царь Македонии.

— О, да...Конечно, — согласилась Маша, усаживаясь за столик. — Но все равно в

Англии не так уж много Александров...

— Меньше, чем Джонов, но тоже встречаются. Александр Тунисский — известный полководец — был даже министром обороны в середине XX века.

— Похоже, вы все знаете о своем имени.

— И о вашем немножко, — улыбнулся он ей.

— Да? И что же?

— Гм... — Сэр Доудсен сделал вид, что задумался ненадолго. Ровно настолько, чтобы она поняла, что сморозила глупость. — Мария Богородица, или Дева Мария, известна как мать Иисуса Христа, не путать с Марией Магдалиной — наоборот, грешницей, правда, раскаявшейся. Мария Стюарт — интриганка, участница многих заговоров. Вам не кажется, что Шиллер ее образ изрядно идеализировал? Мария Нагая тоже не слишком приятная особа. Седьмая жена Ивана Грозного. Отличалась удивительным непостоянством: сначала признала Лжедмитрия I сыном, потом отреклась от него...

— Прошу вас, — взмолилась Маша, уже опять красная как рак. — Мне стыдно за мое имя.

— Не стоит, — поучительно заявил аристократ. — Одна Мария, породившая Христа, искупает грехи всех остальных.

— Вы прекрасно знаете историю.

— Я вас расстрою, если замечу, что неплохо знаком с литературой, юриспруденцией, географией, к сожалению, химией и свободно говорю на четырех языках?

— И еще вы здорово хвастаетесь, — засмеялась она.

— Что вы! Если бы я хвастался, сказал бы, что прекрасно танцую и читаю на тайском без словаря.

Он показался ей человеком очень приятным и легким в общении. Удивительно, как он, аристократ по рождению и воспитанию, умел быть простым парнем. Она не чувствовала его превосходства. Вернее, знала о нем, но Александр ни жестом, ни взглядом не дал ей понять, что едва терпит общество дурочки из провинции. Он был много проще в общении, чем вся та «богемная знать», которая их сейчас окружала.

«Может, аристократическое воспитание — это и есть умение быть проще, а не напускать на себя неприступный вид, как богатый простолюдин?» — подумала Маша.

Они болтали довольно долго. Александр рассказал Маше о своих предках, которые жили в России, о том, чем он занимается в Москве. Маша, в свою очередь, поведала, как она попала в столицу, как познакомилась с Бобровым. Когда дошли до музыкального вечера, она погрустнела.

— Да, я помню ту девушку. Ее зовут Анастасия. Кажется, она представила вас Сержу. Вам нужно ее поблагодарить.

— Ну... — Маша вздохнула. — Боюсь, это теперь невозможно.

— Вот как? — Он вскинул брови. — Она уехала? Где же она теперь? Хотя нет, я догадаюсь... Я не вижу на вечере еще одного постоянного завсегдатая, некоего Бориса.

Мне показалось, что в посольстве...

— Она погибла, — перебила его Маша и замолчала.

Больше всего на свете ей не хотелось заканчивать разговор с этим приятным молодым человеком на грустной ноте, но и слушать его догадки она была не в состоянии.

— Мне жаль, — с грустью сказал он, словно Ася была его близкой подругой. — Приношу свои соболезнования. Как это случилось?

— Ее убили грабители в ее же квартире. Застрелили...

— Господи святы! — обескураженно выдохнул аристократ.

На Александра это сообщение подействовало как удар молнии. Он вспомнил ту хрупкую девушку с повадками подростка. Скорее от избытка эмоций, чем от желания выяснить правду, он порывисто спросил:

— Неужели они ворвались к ней ночью?

— Нет. — Маше очень не хотелось говорить об этом.

Она чувствовала, что тоска наваливается на нее, мешая дышать, а к горлу подступает горячий ком. Чужое участие наконец пробудило в ней дремавшую скорбь, — Она вернулась с репетиции слишком рано. Почему-то сама открыла убийце дверь. Или у него были ключи, не знаю.

— Ужасно. — Сэр Додсен сжал набалдашник трости в пальцах. — Просто отвратительно! Могу ли я вам чем-то помочь?

— Мне? — слабо удивилась Маша.

Он тут же почувствовал, что совершил промах, и быстро поправился:

— Ради бога, простите. Я не имел желания навязывать себя, но такие минуты пережить в одиночку очень трудно.

— Вы правы, — несколько ошарашенно согласилась она, — но у меня есть работа. Как бы жестоко это ни звучало, я стараюсь думать только о ней. Согласитесь послушать мою первую песню?

— Разумеется, — он грустно улыбнулся.

— Я кажусь вам гадкой?

— Это почему?! — озадачился Александр, изо всех сил пытаюсь понять, какой же она ему кажется. Он посмотрел на нее. Нет, определенно не гадкой. Она казалась ему милой девушкой. Даже привлекательной. Чересчур тихой и застенчивой для шоу-бизнеса. Во всяком случае, из опыта общения с актрисами Лондона, которое было эпизодичным, он сделал вывод, что звезды сцены — это напористые, себялюбивые красотки. Они яркие. А девушка, сидящая сейчас рядом с ним, не в пример им старается быть как можно незаметнее.

— Я думаю не о том. Я пытаюсь отвести разговор от больной темы. Это нехорошо, я знаю...

— Милая Мария. Вы позволите вас так называть? — мягко улыбнувшись, обратился к ней молодой аристократ. — Вы чудесная девушка. И вы совершенно не походите на артисток, которых я когда-либо встречал. Те сказали бы: «Ах, как жаль, что она умерла. Потанцуйте со мной, мне так грустно».

— Мне действительно грустно.

Александр поднялся и, галантно поклонившись, предложил ей руку:

— Позвольте пригласить вас на танец.

— Вы думаете, что я бесчувственная артистка? — Она усмехнулась.

— Вы такая же бесчувственная артистка, как я великолепный танцор. Я готов говорить с вами о вашей подруге столько, сколько вам нужно. Но не сейчас. Сейчас вам стоит отвлечься. Идемте, а то вы расплачетесь, и все решат, что вы готовите себя не на эстраду, а в хор плакальщиц.

Общество жестоко.

— Вы все знаете об обществе? — Она поднялась, позволив ему увлечь себя на танцплощадку.

— Общество везде одинаково. Нет более бездушного человеческого собрания, чем свет.
Уж поверьте мне.

Глава 8

Танцевал он не так плохо, как обещал. По крайней мере, он весьма уверенно вел партнершу и ни разу не наступил на ее новенькие, купленные в дорогом магазине туфли.

— Если вы и на тайском так же читаете, как танцуете... — хихикнула ему на ухо Маша.

— Увы.

— Ах, ну вот ты где! — Бобров бесцеремонно налетел на них и прекратил танец, — Саша, ты мне страшно нужен. Я должен тебя кое-кому представить.

— Серж, — едва сдерживая возмущение, сухо заметил сэр Доудсен, — мы танцевали. Простите, Мария, — он поклонился ей.

— Да? — искренне удивился меценат и развел руками:

— Не заметил.

Он был явно не в себе. Взгляд его как-то ненормально пылал, щеки, и без того не бледные, теперь были похожи на половинки огромного помидора. Ко всему прочему он еще и нервно озирался.

— Маша, я уведу твоего кавалера. Уж прости, детка.

Он схватил аристократа за руку и поволок к барной стойке.

— Не стоит называть ее «детка», — не выдержал сэр Александр. — Она этого не заслуживает, как бы вы к...

— Да забудь ты на минуту о Маше! — нетерпеливо перебил его меценат и, резко остановившись, развернулся к нему.

Аристократ со всего маху налетел ему на грудь. — Бобров и этого, казалось, не заметил.

— Помнишь, я говорил тебе о ней! — перешел он на жаркий шепот.

— О Марии?

— Да черт с ней!

— Выбирайте выражения! — возмутился сэр Доудсен и, высвободив руку из его пальцев, отступил на шаг.

— Ладно, прости, — быстро согласился Серж. — Я говорил тебе о даме. Ну, вспомнил? О ТОЙ даме!

— Честно говоря, я предполагал, что вы говорили о Марии, — озадаченно промямлил Александр.

— Далась тебе эта Мария! Мария, Мария, — меценат закатил глаза. — Я тебя сейчас представлю.

Он опять схватил его за руку и поволок вперед.

— Вот, — он наконец остановился и, отступив в сторону, явил глазам сэра Доудсена красивую брюнетку с греческим профилем и гордо вскинутым подбородком, — Наталия Касальская.

— Весьма польщен, — Александр поклонился.

Где он уже слышал эту фамилию?

— Что будем пить? — засуетился пылкий влюбленный.

— Мартини, ты же знаешь, — грудным голосом произнесла красавица.

Александр взглянул на нее — ни дать ни взять роковая женщина. Таким на грудь нужно таблички вешать, как на кабинку с высоким напряжением: «Опасно для жизни». Хотя зачем? Она сама — ходячая табличка. Дама была потрясающе красивой. Она находилась как раз в

том возрасте, когда образ ее уже не портила девичья наивность, когда все черты, все линии тела уже оформились. Она выглядела совершенной и абсолютно неприступной. Наталия была высокой, чуть ниже самого Александра, стройной, но не хрупкой. Она царственным жестом приняла бокал с мартини, медленно, закрыв глаза, сделала небольшой глоток. Все ее движения дышали чувственностью, столь свойственной, что называется, дорогим женщинам. Александр за свою жизнь таких перевидал немало. И тем не менее слегка ошалел от созерцания этой богини, словно для прогулки спустившейся к простым смертным. Он вырос среди подобных ей — высоко ценящих себя. Но в отличие от них она действительно была красавицей.

— Мы говорили о миниатюрах Тороса Рослина, — очень тихо сказала она. Настолько тихо, что окружающие должны были вслушиваться, затаив дыхание, чтобы разобрать слова. — Смешно.

— Что же смешного в миниатюрах Тороса Рослина? — удивляясь все больше и больше, спросил сэр Доудсен, который представить себе не мог, что Бобров способен рассуждать не только об этом редко произносимом в наши дни имени, но вообще о живописи. — Это, если мне не изменяет память, представитель киликийской школы?

— Смешно, что ни я, ни Серж понятия не имеем об этом Торосе. Я поясню: мне предложили купить часть его иллюстраций, вернее, две, к какому-то там Евангелию, но никто не может определить, подлинник это или дешевая подделка.

— Часть иллюстраций к Малатийскому евангелию?!

— Вот видите, вы знаете больше нас всех, вместе взятых, — она растянула чувственные губы в подобие улыбки.

— Знаю теоретически. Но купить эти иллюстрации невозможно. Они все — собственность музеев, монастырей и библиотек. Я знаю, четыре подписные работы хранятся в монастыре Святого Якова в Иерусалиме, еще слышал про США, Париж и Вену, в самой Армении...

— Пф... — пренебрежительно фыркнула Наталия. — Это не аргумент. Вы же догадываетесь, что большинство подлинников сейчас уже в руках частных коллекционеров. Я что-то не поняла про «саму Армению»?

— Торос Рослин — армянский художник, миниатюрист XIII века.

— Вот как, — разочаровалась она. — А такое европейское имя...

— Вы интересуетесь средневековой живописью? — поспешно задал вопрос Александр, чтобы скрыть неловкость момента.

— Абсолютно нет. Я вкладываю деньги.

— Тогда лучше не рискуйте. Хотя, кому взбрет в голову подделывать Тороса Рослина, ума не приложу. Подобные вещи создают только для сумасшедших коллекционеров, а наобум...

— Или для профанов вроде меня, — продолжила красавица. — Для тех, кто мерит живопись долларами.

— Наталия, ты к себе несправедлива, — сладким голосом запел меценат.

— Брось, — сморщила та царственный нос. — Я не склонна приписывать себе лишние достоинства. Мне хватает того, что у меня есть.

«Это точно, — подумал Александр. — Того, что есть, вполне достаточно, чтобы любого свести с ума».

Оставшись одна посреди танцевальной площадки, Маша огляделась. Никто на нее не

обращал внимания. Все присутствующие разделились на группы и весело болтали. Она нерешительно шагнула к бару. Там происходило захватывающее действо — молодой бармен жонглировал горящими бутылками, успевая при этом наливать из них в шейкер и смешивать замысловатый коктейль. Прodelывал он это, по всей видимости, для себя, потому что никто на него внимания не обращал. Маша облокотилась на стойку. Он, завидев ее, улыбнулся во все зубы и подмигнул. Установив одну бутылку на голову, бойко спросил:

— Чего изволите?

— Вот этого, — она кивнула на шейкер.

— Это же «Кипучий яд»! — он притворно округлил глаза.

— Ничего кипучего не вижу, — она грустно усмехнулась.

Бармен поймал все бутылки, до этого летавшие в воздухе, поставил их на стойку и внимательно посмотрел на нее. Потом критически заметил:

— Н-да, вам действительно прописан «Кипучий яд». Вам нужно взбодриться.

— Почему кипучий?

— Вот почему. — Он выхватил откуда-то длинную спичку, чиркнул ею и поджег содержимое открытого шейкера.

Жидкость вспыхнула.

— Ах! — Маша отпрянула в удивлении.

Бармен перелил часть горящего напитка в специальный бокал, сунул в него соломинку:

— Быстро пейте, а то выгорит.

Она в ужасе переводила взгляд со стакана на бармена:

— Я это не могу. Это же огонь!

— Заказала «Кипучий яд», так пей! Не пожалеешь!

— А мне плохо не будет? — Она осторожно взяла бокал, на ощупь уже теплый.

— Обязательно будет. Я знаю свое дело.

— Ну и черт с ним! — с неожиданным ожесточением выдохнула Маша.

Ей вдруг стало ужасно себя жалко. Все ее бросили: и Бобров, притащивший ее сюда, и аристократ, поначалу прикинувшийся таким милым. И вообще, она чужая на этом празднике жизни. Никому не нужная! Ну и пусть она напьется. Кому от этого будет хуже?! Она закрыла глаза и с силой втянула в себя горькую маслянистую жидкость. Как ни странно, «Кипучий яд» не обжег горло, а, наоборот, обласкал его.

— Да ты умеешь пить! — с восхищением воскликнул бармен.

— Н-не очень. — Маша поставила бокал на стойку, чувствуя, как тело ее наливается свинцовой тяжестью.

— Это «Кипучий яд», — не без гордости заметил бармен. — Сейчас растечется по жилам и отравит весь организм.

— Р-раньше нужбыло предупр... предупредить! — выдавила она из себя, с ужасом поняв, что язык ее не слушается. Впрочем, и ноги тоже. Колени ослабли, она повисла на высоком табурете.

— Эй, иди на воздух, — посоветовал бармен. — Будет легче. Проветришь, подходи еще.

— Всенепременно! — заверила его Маша, с трудом продвигаясь к выходу.

Еще не хватало завалиться на чей-нибудь стол на первом своем светском рауте.

«Звезда хренова! — ругала себя Маша. — Пьяный ты заморыщ, а не звезда!»

На холодном ветру стало лучше. И хотя ноги ее по-прежнему не держали, но дышалось легко, и тошнота отошла. Хотелось одного — спать.

«Веселая получилась вечеринка, даже и не ожидала, — грустно подумала будущая знаменитость. — Надо предупредить Боброва и лиять домой!»

Делая каждый шаг с предельной аккуратностью, она вернулась в гудящий зал. Там начались массовые танцы. Латиноамериканский ритм колыхал густой, горячий воздух, отчего Маше опять стало нехорошо.

«Только бы добраться до Сержа», — взмолилась она.

Словно в тумане, она увидела, что где-то далеко в левой стороне зала красивый голубоглазый аристократ улыбается какой-то греческой богине.

«Все верно. Рыбак рыбака и тому подобное, — горько отметила она. — Две знатные особы нашли друг друга в пышной толпе».

Голова у нее пошла кругом. Она завернула за угол и, спрятавшись за огромным деревом в дубовой кадке, привалилась к стене. Чувство было такое, словно она умирает. Словно ее и в самом деле отравили змеиным ядом. И теперь она прощается с шумным, кипящим жизнью миром своим угасающим сознанием.

— Черт возьми, я вижу тебя насквозь! — прорычал с другой стороны дерева знакомый голос.

Маша открыла глаза. Серж злился на невидимого собеседника.

— Иди ты! — огрызнулся незнакомый бас. — Кто ты такой, чтобы мне указывать!

Он двинулся было от него, но Бобров, схватив его за лацкан пиджака, с силой прижал к стене.

— Руки! — прошипел незнакомец.

— Я все знаю! Ты ее убил! Ты!

Маша вздрогнула и совсем по-деревенски закусил кулак.

— Да хватит прикидываться. Она мне обещала отдать кулон, понятно? Зачем мне ее убивать? А вот тебя она послала!

— Хочешь на меня свалить! — прохрипел меценат.

— Или ты на меня?!

— Черт, куда она дела кулон, если не тебе сунула?

— Ха! Значит, напрасно девку кокнули, — зло съехидничал собеседник.

— И не смей смотреть в ее сторону. Понятно? — Серж часто задышал, видимо, едва сдерживаясь, чтобы не перейти к решительным действиям. — Я ее оберегаю. И от тебя в первую очередь.

— Ага, убил, так еще захотелось?

— Прекрати кривляться, иначе я за себя не отвечаю. Пока она со мной, храни нейтралитет. Я — единственный близкий ей человек в этом городе!

— А если она не захочет твоего безраздельного покровительства? Не захочет, как Ирма?! — упрямо настаивал бас.

— Только подойди к ней, я тебя в порошок сотру!

— Ты? — неизвестный презрительно фыркнул. — Да кто ты есть-то! Думаешь, ты все еще крутой? Прошли твои времена, Серж. Ты не хорохорься-то без нужды, целее будешь!

— А чего ты нос задрал? — не внял его увещаниям Бобров. — Нашел камешек?

— Считаю, что нашел! Теперь он на нейтральной полосе. Кто первым схватит, тот и победитель. И отпусти мой пиджак.

Маша услышала возню, вжалась спиной в стенку, изо всех пытаясь остаться незамеченной.

— Пошел ты! — повторил то, с чего начал, незнакомец и, отпихнув мецената, быстро прошел мимо Маши.

Она с опаской посмотрела ему вслед. Это был высокий худой мужчина, брюнет с проседью. Двигался он уверенными шагами сильного и волевого человека. Больше она ничего не смогла разглядеть. Он ведь ни разу даже не оглянулся. Бобров ринулся в другую сторону, так ее и не увидев. Маша схватилась за голову. Теперь к «Кипящему яду», блуждающему по ее организму, прибавился и панический страх. Ее лихорадило, кидая то в жар, то в холод. Перед глазами проплывали размытые пятна, а в ушах стояли слова, похожие по силе на громовые раскаты: «Убил, так еще захотелось!»

«Господи, они все знают, — прошептала она. — Они меня делят между собой. И кто победит, тому я и достанусь! Что же мне делать? Что мне делать с этим проклятым кулоном? Из-за него убили Ирму. — Она судорожно вдохнула пропитанный чужим весельем воздух и ужаснулась собственной догадке. — Из-за него убили и Аську!»

Почему ей вдруг такое пришло в голову, она не могла объяснить. Двое мужиков охотятся за кулоном Ирмы. Сначала кто-то из них убил Ирму, но та успела его выкинуть. Потом они увидели этот треклятый кулон на Аське. Но и ее не удалось ограбить. Кто следующий? Маша замерла. Если она отдаст украшение Боброву, станет ли он защищать ее от этого высокого типа? Зачем ему это нужно? Ей страшно захотелось кинуться кому-нибудь на шею. Прижаться к кому-нибудь, хоть на секундочку почувствовав, что она не одинока в этом мире. Пусть это будет иллюзия. Только бы она была! Сейчас ей это, ох, как необходимо!

— А вот и ты!

Она уставилась на бармена. Тот взял ее за подбородок, повернул лицо к тусклому свету, озабоченно проговорил:

— Плохи дела. Нужно ехать домой.

— Я возьму машину. Возьму машину и поеду.

— Нет уж, — он с легкостью подхватил ее за плечи и повел к гардеробу. — Я же тебя напоил. Я несю за тебя ответственность. Довезу на своей машине.

— А как же работа? — вяло поинтересовалась она, сильнее прижимаясь к нему.

— Я подменился. Управятся.

Он накинул на нее новенькую норковую шубку и вывел на улицу. Маша глянула на него снизу вверх. Он был такой решительный, такой сильный и такой красивый. Он походил на рыцаря из какой-то сказки. Или это был принц? Да какая разница. Он был рядом, он готов подставить ей плечо, в котором она именно сейчас так нуждалась.

«Если это не судьба, тогда что?» — успела спросить себя она прежде, чем его губы оказались настолько близко, что она вообще перестала соображать.

Александр встретил новый день со странным ощущением тревоги. Впрочем, в его положении это было понятно. Лежа в кровати, он огляделся. Когда взгляд его остановился на прикроватной тумбочке, он понял причину своего состояния — на ней покоилась брошюра, присланная ему невестой в день своего отъезда в знак вечной и нежной любви.

— Дорогой мой, — пропела ему Ви в тот день по телефону. — Мне ужасно не хочется расставаться с тобой. Но ты же понимаешь, предсвадебные дела, — она хихикнула.

Сэра Додсена в тот момент скрутила жуткая судорога, пронзившая все его тело.

— Непременно прочти эту книгу. Она очень важна для нашей будущей семейной жизни.

Получив подарок, молодой аристократ решил засунуть его как можно дальше, но долг чести воспротивился такому акту неповиновения нареченной. Поспорив немного с собственной совестью, Александр заключил с ней соглашение: книжку он положил как можно ближе к изголовью, но открывать ее в обозримом будущем отказался. Миновала неделя, а он так и не осмелился постичь тайны, сокрытые в этой брошюре. Женщина-горничная, ежедневно приводившая его холостяцкую берлогу в приличное место обитания, аккуратно стирала пыль везде. Но почему-то с маниакальной настойчивостью не прикасалась к этой самой книжонке. Теперь, по прошествии изрядного времени после отъезда Ви, ее подарок выглядел несколько неряшливо. Глянцевая обложка больше не сверкала бриллиантами чистой любви, а тускло напоминала о ее призрачности. Сэр Дуудсену стало стыдно за свое столь нетактичное отношение к невесте. Он осторожно взял брошюру и прочел название: "Стремление к свету.

Методы закаливания". Автор, сотворивший этот кошмар, не постеснялся поставить свое имя на обложке: Дж. Росмонд. Хотя это мог быть его псевдоним, как здраво рассудил Александр. Какому нормальному человеку захочется подписываться настоящим именем под эдакой дрянью.

«Вот что имела в виду Ви, говоря о будущей семейной жизни», — запоздало ужаснулся несчастный жених и раскрыл брошюру.

Первая глава называлась «Здоровое утро».

"Как начать свой день? — задавался вопросом Дж. Росмонд и продолжал, — Вы слышали, как поют птицы на заре? Как паучок перебирает мохнатыми лапками тонкие канатики своей паутины? Как шелестит прохладный ветерок в листве старых деревьев?"

Александр в недоумении еще раз посмотрел на обложку брошюры, отметив про себя, что для методов закаливания язык автора слишком уж поэтичен. Убедившись, что не ошибся с названием, он углубился в изучение текста. Прочитав две страницы, где в том же слюнвяном духе автор писал о крылышках мотылька, солнечных лучах и теплой росе на травинках, попутно включив абзац про утреннее похмелье, которое отодвигает все эти земные радости на второй план, он наконец дошел до сути: «Итак, вы решили встать на путь к свету. Утро ваше должно принести вам только радость. Пробуждение — новые силы и желание совершить в этот день много замечательных деяний. Вы должны подняться с кровати...»

Александр вздохнул и принял решение. Раз уж судьба его предрешена и ему придется остаток дней прожить под одной крышей с Ви, то нужно готовиться к неизбежному заранее. К чему откладывать в долгий ящик? Одним прыжком он вскочил с кровати.

"Ваши ноги не должны обременять домашние туфли. Идите босиком, чувствуя стопами прохладу. Идите на кухню..."

Морщась именно оттого, что его стопы чувствуют прохладу, он проследовал на кухню.

«Разбейте и взболтайте в стакане свежее яйцо».

Именно так он и поступил.

«Выпейте его, глядя, как утро расцветает за вашими окнами».

Сэр Дуудсен повернулся к окну. К сожалению, утро уже давно расцвело и теперь хмурилось черными тучами и сыпало мелким колючим снегом. Ноябрь в Москве начисто лишает человека возможности любоваться прекрасным утром. Давясь и фыркая, несчастный невольник проглотил сырое яйцо.

«Теперь вперед под освежающий душ».

Сэр Дуудсен зашел в ванную и разделся.

«Встаньте под душ и только тогда с силой открутите кран холодной воды. Прим. Обычно кран холодной воды обозначается синим цветом».

Александр зажмурился и последовал инструкции.

Спустя десять секунд он с диким воплем вырвался из ванной. Все еще сжимая в руках разбухшую от воды брошюру, коей он пытался прикрыться, пока не понял, что ледяных струй можно избежать другим способом, он принял второе за утро твердое решение: «Нужно что-то делать! Нужно как-то избежать женитьбы!» И еще он спросил себя: «Если я откручу голову Ви, это будет замечательное деяние?» После недолгих размышлений он ответил: «С точки зрения человеколюбия — несомненно!»

Завернувшись в полотенце, он сунул книжку в мусорное ведро и принялся расхаживать по большой комнате из угла в угол, сетуя на то, что Дж. Росмонд не удосужился представить себе, как может быть неприятно человеку, только что принявшему его чертов «освежающий душ», находиться в квартире, батарее которой лишь слегка теплые. Если бы этого самого Дж. Росмонда поместить в сходные условия, он бы пересмотрел свои методы закаливания и перестал бы писать всякую чушь о птичках, сконцентрировав свое внимание на теплых носках и махровых халатах. Мысли Александра странным образом потекли в другое русло. Он вспомнил вчерашний вечер, вспомнил двух женщин — столь непохожих друг на друга, но объединенных одним: обе они, казалось, не соответствовали собственному статусу. С Марией все было просто. Она слишком робкая, слишком застенчивая для поп-звезды. У нее замечательная улыбка, она красива, но чересчур открыта. Нет налета. Или, как говорят, она не умеет напускать на себя вид. У каждой артистки есть маска: одни бесшабашные, другие значимые, третьи соблазнительные, четвертые ветрены. А Мария слишком естественна. И эта естественность настолько в ней органична, что вряд ли она сможет носить чужую маску. Вот с другой, с Наталией, все гораздо сложнее. Та уж точно оградила себя от мира толстой оболочкой неприступности. Неприступности поистине неженственной. Она пытается казаться роковой женщиной, смотрит на мужчин свысока, говорит «через губу», да так тихо, чтобы прислушивались (известный прием). Но в чем изюминка роковой женщины? В надломе. Этот надлом (душевная драма, слабинка), словно трещина в броне, влечет к ней каждого, даря надежду, что он способен исцелить израненную душу. Роковые женщины смотрят на мужчин с робкой просьбой в глазах. И именно это подкупает. А Наталия слишком холодна, слишком. Какая там робкая просьба! Ее взгляд — взгляд победительницы. Таких женщин боятся все мужчины. Абсолютно все, даже сумасшедшие типа Боброва. Эти женщины — одиночки. Им никто не нужен. Ничьих сердец они, как правило, не разбивают. Как раз наоборот, за холодностью и неприступным видом они бережно укрывают собственное разбитое сердце. Женщины со взглядом победительницы — это женщины, потерявшие надежду, убитые горем и раздавленные обстоятельствами. Но при чем тут Наталия?

— Касальская, Касальская... — проговорил он, потом сорвался с места и кинулся к ящику секретера.

Открыв его, он вытащил старые газеты. Взгляд его уперся в нужную строчку. "Ну конечно, Наталия Касальская! Как я мог забыть!"

«Женщины со взглядом победительницы — это... — промелькнуло у него в мозгу, — это женщины, потерявшие надежду... убитые горем... или скрывающие свой страх!»

Да, именно страх. Она боится и не желает показать, что боится. Хотя паниковать ей есть от чего. Ей угрожает серьезная опасность. В этот момент зазвонил телефон. Сэр

Доудсен вздрогнул и схватил трубку.

— Александр? Это Александр? — Голос Маши сорвался, она всхлипнула.

— Да, Мария, — он тут же почему-то испугался. Не за себя, за эту хрупкую девушку, — Что-то случилось?

— Простите, что звоню вам... — Она говорила очень тихо. — Помните, вы вчера сами дали мне визитку? Просто вы показались мне человеком очень надежным. И рассудительным. Не подумайте, что я пытаюсь навязаться...

— Что вы! — удивился молодой аристократ.

— Мне совершенно не с кем посоветоваться. Можно с вами?

— Разумеется.

— Можно с вами встретиться... — Она замялась, но, собравшись с духом, продолжила, — Только так, чтобы это выглядело естественно. Ну... для Сержа...

— Я не совсем понимаю...

— Нет-нет, — поспешно перебила его она. — Просто мне бы не хотелось, чтобы он знал о моем звонке. Я весь день занята и на людях. Мне никак не отлучиться. Я понимаю, что это наглость, но, может быть, вы придумаете, под каким предлогом вы могли бы заехать в студию звукозаписи сегодня?

— Верно, послушать вашу песню?

— Да-да... скорее всего, — растерянно пролепетала она. — Так будет хорошо. Я ведь вас пригласила вчера, кажется. Только Серж там тоже будет.

— Отлично. Я приеду вместе с ним.

— Вы не представляете, как я вам благодарна, — она снова всхлипнула.

— Мария, что с вами?

— Мне очень страшно...

Маша положила трубку на рычаг и зажмурилась. Так она решила. И это единственное правильное решение. Александр знает Боброва куда лучше ее самой. Он либо подтвердит, либо развеет ее страхи. Уж лучше бы второе!

Сегодня было странное утро. После вечеринки сон ее оказался недолгим. Когда она открыла глаза, за окном лишь серело. Она повернула голову и уставилась на бармена, расположившегося у нее под боком. Он спал. Маша улыбнулась: каким же он был красивым. Удивительно, что вчера она этого не заметила. У него были темно-русые локоны, которые беспорядочно свисали на лоб. Черты лица прямые и правильные, словно вырезанные рукой настоящего мастера. Потрясающая фигура сильного молодого мужчины — ни одной жирилки, матовая кожа с желтизной легкого загара. Он открыл глаза — большие, карие, с длинными ресницами — и, хлопнув ими пару раз, уставился на нее. Она тут же смутилась, покраснела и отвела взгляд.

— Между прочим, меня зовут Егор, — запоздало представился он.

— Маша, — прошептала она, сознавая всю нелепость положения.

— Не пей так больше. Маша, — он улыбнулся, подхватил ее руку и поцеловал запястье.

— Ты всегда развозишь пьяных девушек по домам?

— Вот еще! — Он лениво хмыкнул и просунул ладонь ей под голову. — Я просто не упустил свой шанс. Такая девушка зашла в мой бар впервые.

— Конечно... — не поверила она.

— Конечно, — уверенно согласился он. Его было трудно сбить с толку. — Потому что такая девушка одна во всем мире. И если она подарит мне минутку внимания, я объясню,

почему я так считаю.

— Э-э... — протянула она, покосившись на часы. Половина седьмого...

— У этой замечательной девушки нежная кожа, — он коснулся губами ее шеи, — и самая красивая фигура, — его губы скользили по ее телу...

Маша откинула голову на подушку, подчинившись его ласкам.

— У нее прекрасная грудь и такая аппетитная попка...

— И это все? — она слабо хихикнула.

Он резко вскочил на колени и выпалил скороговоркой:

— А еще она чрезвычайно умная, знает наизусть логарифмическую таблицу, цитирует Канта, водит машину и скоро станет главой Центробанка!

— Еще я петь могу. — Маша расхохоталась.

— Да, и еще она поет! — Он тоже засмеялся и, упав на нее, прижался поцелуем к губам.

— Ты такой мальчишка! — прошептала она.

— Да? — словно озадачился он. Поднял голову, немного подумал и изрек, — Не девчонка. Определенно. Сейчас я это чувствую, как никогда!

Второй раз они проснулись поздно. Маша тут же почувствовала неладное. Глянув на часы, она охнула и подскочила с кровати. Десять! Сон слетел в один миг. В кресле трезвонил телефон.

— Что случилось? — вяло поинтересовался Егор, приподняв голову от подушки.

— Тсс! — Она прижала палец к губам и взяла трубку.

— Где тебя носит, черт подери! — прорычал Серж. — Почему ты до сих пор дома? Ты должна быть на занятии!

— М-м... э... видите ли...

— Что ты там лопочешь? Я что, оплачиваю занятия, чтобы ты их прогуливала? По-твоему, я идиот?

— Извините меня, Серж, — испуганно прошептала она. — Но я, кажется, проспала...

— Кажется?! Нет, дорогуша, тебе не кажется! И чтобы окончательно развеять твои сомнения, я тебе сообщаю: ты действительно проспала, мать твою!

— Простите меня...

— Значит, так... — отрывисто произнес он, не собираясь смягчаться. — Я еще поговорю с тобой, но не по телефону. Высылаю к тебе машину. Чтобы через пятнадцать, нет, через десять минут ты стояла у подъезда. Тебе все ясно?

— Да!

Он повесил трубку. К этому моменту Машины колени уже ходуном ходили. Таким грозным она Боброва еще не знала. Она глянула на Егора, который потягивался на кровати.

— У нас есть пять минут, чтобы собраться.

— А кофе? — разочарованно протянул он.

— Выпьешь в кафе!

Маша уже летела в ванную на крыльях страха.

— Я хотел принести тебе кофе в постель.

— Извини, никак не выйдет.

— Жаль...

Спустя пять минут она с силой выталкивала его за дверь.

— Я позвоню, — он вяло упирался, одновременно натягивая свитер и пытаясь ее поцеловать.

— Обязательно.

— Я позвоню сегодня вечером.

— Обязательно.

— Ну, поцелуй меня!

«Да отвяжись ты!» — хотела крикнуть ему Маша, но сдержалась. Егор ей очень нравился. Она улыбнулась, чмокнула его в щеку.

— Все! — и захлопнула дверь, оставив его на пороге.

По пути к вокалисту страхи ее усилились. Она мысленно готовила себя к неприятному разговору. Но предстоящий «вызов на ковер» не так ее пугал, как другое. Сегодняшний Бобров заставил вспомнить ее о Боброве вчерашнем. В ушах ее зазвенел подслушанный за деревом разговор с неизвестным высоким типом.

«А что, если они и правда меня делят между собой? Что, если интерес Сержа ко мне основан вовсе не на моем таланте, а на желании заполучить вожаденный кулон Ирмы Бонд?»

Мысль, показавшаяся ей вполне достойной вчера на пьяную голову, на трезвую была принята за ужасающую истину.

"Может быть, сегодня он и принялся меня разыскивать лишь потому, что подумал, будто я сбежала. Или еще хуже, попала в руки к тому высокому с проседью... Во всяком случае, он так орал, словно действительно уже успел навообразить самое плохое. Так поступила мама, когда я однажды задержалась на школьной дискотеке и не явилась к ужину. Сначала она обзвонила подруг, потом больницы и морги, трезвонила в милицию, а когда я появилась, то накинулась с самыми жуткими обвинениями. Или я ошибаюсь? Я же его совсем не знаю? Господи, кто же поможет мне разобраться?"

Разговор на эту тему с самим Сержем не представлялся ей возможным. Хороша же она будет, если спросит у него как бы между прочим: «Скажите, уважаемый, стоит ли вас опасаться? Или вы вполне мирный, порядочный человек, который никогда никого не убивал?»

И тут она подумала об Александре — том самом приятном аристократе, который вчера был так мил и вежлив. Он наверняка знает Боброва. Он его друг. Во всяком случае, они общаются как друзья. И Александр настолько воспитан, что не выдаст ее тайну Сержу. В этом она была уверена. Вот потому после занятия вокалом она и позвонила молодому англичанину.

По причине записи первого профессионального сингла Мария Иванова была освобождена от хореографии и сразу направилась в звукозаписывающую студию. Песня не шла. Игнат извелся, пытаясь выдать из исполнительницы нужные эмоции. Все впустую. Маша думала о другом. Она думала о том, что во всей этой истории с кулоном получается какое-то странное несоответствие. Допустим, Ирму Бонд убили из-за кулона. Но его при ней не было. В таком случае зачем ее вообще было убивать. Одно дело, если грабители просят человека отдать им ценную вещь, а он сопротивляется. А коли ценной вещи нет, то каждый нормальный человек, будь он хоть трижды грабитель и бандит, пришел бы, отметил, что зря пришел, и удалился до лучших времен. Это первая странность. Вторая — ограбление Аси. Конечно, нельзя отменить тот факт, что ее застрелили так же, как Ирму, — в голову. Об этом все газеты писали. Но все равно странно. Удивительно, почему воры решили ограбить именно Аську, ведь кулон находился в ее руках только сутки. Уж куда логичнее было бы залезть в мастерскую Коли, где украшение находилось почти две недели. Что это могло

значить? Только одно — бандиты увидели кулон на Асе. Аська нацепила его лишь однажды, когда отправилась на прием в посольство Великобритании. Значит, именно в посольстве этот кулон и заметил тот, кто потом залез в ее квартиру. А если учесть, что Аська сама открыла дверь, выходит, она знала своего убийцу.

Где она с ним познакомилась, если не на приеме? И так, если провести логическую цепочку через два убийства, то получается, что преступник решил во что бы то ни стало завладеть украшением. Сначала он ворвался в примерку к известной певице (к слову сказать, не самое безопасное, с точки зрения убийцы, место, поскольку ГЦКЗ «Россия» — это вам не загородный особняк, окруженный молчаливыми соснами, а чересчур людное место). Убив звезду и не найдя украшения, бандит отчаялся и потерял надежду. Но спустя время он увидел кулон на Аське, познакомился с ней, а потом «зашел на огонек». Получается, что этот убийца — человек из высшего общества. Маша не могла себе представить убийцу в смокинге. Как-то не складывалось все это. Но самое странное то, что украшение не такое уж и дорогое. Коля, осмотрев его со всех сторон, сделал заключение, что камень — стекляшка. И даже нашел марку изготовителя украшения — «Своровски». С его же слов выходило, что стоит эта вещь не больше пяти тысяч долларов. И зачем, спрашивается, человеку из общества убивать двух женщин ради такого пустяка? Хотя, конечно, можно предположить, что убийца — маньяк, решивший истреблять всех, на ком увидит памятный кулон. Но это же бред!

А Бобров? Он пока единственный человек, по мнению Маши, который подходил на роль того самого невменяемого преступника. Но если она не могла представить убийцу в смокинге, то представить Боброва, решившегося на такой риск ради штуковины всего в пять тысяч долларов, она была совершенно не в состоянии. Его финансовое положение настолько благополучно, что он устраивает пышные музыкальные вечера с симфоническим оркестром. У него денег куры не клюют. Таких кулонов, каким владела покойная Ирма, он себе может хоть сотню заказать. И так, логическая цепочка убийств не выстраивалась в Машинной голове. И выходило, что и Ирму Бонд, и Асю убили совершенно по разным причинам. Асю — переполошившиеся грабители, а Ирму... кто ее знает почему. Единственное, что связывает все произошедшее, так это «огнестрел» и вчерашний подслушанный спор Сержа с долговязым типом. Кого они делили? И что за важность в этом кулоне? Почему его ищут двое преуспевающих мужчин?

— Маша! — в наушниках рывкнул голос Игната. — О чем ты думаешь?!

«Сейчас, — злорадно промелькнуло в ее голове. — Так я тебе и рассказала!»

Вместо ответа она потупилась.

— У тебя глаза стеклянные! Ты же на работе, в конце концов. Так давай! Работай! Пой, разрази тебя гром! Поехали снова с первой строчки.

Зазвучала музыка, она вообще закрыла глаза, чтобы не видеть злопыхающего преподавателя и скучающего звукорежиссера, отгороженных от нее стеклянной стеной. Она не чувствовала песни. Что вообще можно почувствовать, стоя в закрытой комнате, больше похожей на аквариум, под сверлящими взглядами двух измученных людей? Хороши слушатели. Да они ее уже ненавидят. Какие чувства она может передать, да и кому? Тем призрачным миллионам поклонников, которые будут слушать ее сингл? Она попыталась представить огромный зал — пускай даже ГЦКЗ «Россия». Море людей улетают куда-то вверх, задние ряды тонут в тени балкона. Все затаились, ожидая, как зазвучит эта девушка в растянутом свитере и джинсах... Нет, на ней то черное платье, а на голове не наскоро собранный пучок, а гладкие волосы, распрямленные, ослепительно белые, чуть касаются

плеч.

Что ж ты напрасно меня упрекаешь,

Это игра — ты и сам это знаешь.

Я не хочу, но я все же играю,

Я за игру нас двоих презираю.

Я не могу, слишком больно любить,

Я не умею ни ждать, ни просить...

«Господи! Бобров действительно мог убить Ирму! Но не из-за кулона! Нет! Он убил Ирму, потому что больше не мог ее выносить. Вот в чем штука! Она его мучила, терзала, она играла им и практически бросила».

Каковы же должны быть страдания мужчины, который вложил, нет, не деньги, он в нее душу вложил! А она, выжав его до капли, вытерла об него ноги и ушла к другому. К какому-нибудь богатому ничтожеству, который и подарил ей тот самый кулон. Тот, с кем она ссорилась по телефону у сцены, который Маша подслушала. Тот, чей кулон она отшвырнула от себя. А Аську Серж убил, решив, что она подобрала украшение на месте преступления. И значит могла быть свидетельницей убийства. Музыка внезапно стихла, Игнат орал что-то в уши. Маша открыла глаза, с удивлением поняв, что стоит не на сцене, а в тесном аквариуме студии и на ней все тот же старенький свитер и джинсы. Волосы ее неряшливо прихвачены заколкой, а сквозь стекло ее сверлит глазами Серж Бобров.

— Это никуда не годится! — бушевал Игнат. — Просто безобразие, а не исполнение! Что у нее с интонированием? Я ее такой никогда не видел. Даже когда она гаммы выпевала, она была более... более... — Он пощелкал пальцами, подбирая подходящее определение, потом махнул рукой и невнятно закончил, — Была, в общем...

— Хватит деньги понапрасну просаживать! — рявкнул меценат. — Не хрен студию брать, если песня не готова. Игнат, еще раз такое повторится, я из твоего гонорара вычту. А ты, — он зло зыркнул на Машу, — будешь песню по клубам обкатывать, поняла? Пока я не услышу то, что мне понравится, в студию не пущу. У меня карман не резиновый Он подхватил куртку, закинул ее на плечо и, направившись к двери, кинул, не оборачиваясь, —

— Сегодня отдыхай. Вечером позвоню, скажу, когда и где будешь выступать. Завтра репетируете с Игнатом и хореографом. Втроем. Готовьте ее к сцене.

Настроение было препоганое. Маша понимала, что виновата. И перед Игнатом, и перед Сержем. Они на нее понадеялись, а она запорола запись. Стыдно было до слез.

Вокалист сухо попрощался и быстро вышел.

— Фигня, — усмехнулся ей звукорежиссер — плечистый парень за пультом. — Первый блин редко получается. Бобров прав, песню стоит обкатать. Ты ее совсем не чувствуешь. Ты в студии-то писалась когда-нибудь?

— Нет, — она всхлипнула и пришла от этого в полное смятение. Еще только разреветься не хватает. Профессионалка называется! Работать нужно, а не рыдать.

— Иди в стекляшку.

— Я? — она испуганно покосилась на него.

— Не я же, — он широко, ободряюще улыбнулся. — Все равно сегодня никого больше не будет. Студию до самой ночи заказали.

— Он же не заплатит... — Она сделала робкий шаг в сторону аквариума и застыла.

— И что с того? Могу я человеку за так помочь?

Маша побрела назад к микрофону и наушникам, сама не зная зачем.

— Меня Федя зовут. — Голос у него был приятный, бархатный. Он уши грел. — Теперь расслабься. Выкинь все из головы. Голова должна быть абсолютно пустая.

«Хорошо ему говорить, — подумалось ей. — А как быть с бобровским выговором? Господи, каким же он может быть жестоким! Как обидно может говорить простые слова».

— Выкинь, Маш, выкинь. Все выкинь, — журчало в ушах. — Забудь обо всем. Закрой глаза. Так, отлично. Что ты хочешь спеть?

— Я? Что я хочу?

— Да, что ты хочешь.

— Н-не знаю... Может быть, что-нибудь из Элвиса?

— Пой из Элвиса.

— А музыка?

— Да хрен с ней, с минусовкой. Пой а капелла.

— Тогда я спою Love me tender.

— Давай.

Маша вдохнула:

Love me tender, love me sweet...

Никто ее не перебивал. Никто не учил правильно интонировать. Песня текла и текла, расслабляя ее тело. Мысли ее растворились. Она забыла и о Боброве, и об Игнате, и даже о Феде. Она пела, умоляя кого-то незримо любить ее так нежно, как это возможно. Так, как можно любить только в мечтах. Неожиданно она вдруг услышала вступление к своей песне. И когда подошла очередь начать, она запела. Непонятно как, но она открыла в себе душу гордой женщины, женщины, которая любит, но боится в этом признаться даже себе. Которая ждет каждый вечер у окна своего любимого. Ждет, зная, что он не придет, потому что не догадывается, что она ждет. Он не придет, потому что думает, она с ним играет. И она хочет, чтобы он так думал. Девушка так хочет, потому что боится — он поймет, как сильно она в нем нуждается. Поймет, и тогда все закончится.

Последние аккорды стихли. Маша стояла одна в целом мире, понимая, что за недолгие минуты умудрилась прожить целую жизнь. Не чужую, а свою.

— Ты — чудо, — прошептал в ушах голос Феде.

Она открыла глаза, с трудом возвращаясь назад в аквариум.

— Песня — это эпоха. — Он не отводил от нее горящих глаз. — Ты умеешь передавать это зрителям. Это главное.

— Н-неужели тебе понравилось? — робко удивилась она.

— Понравилось? У меня чуть сердце не лопнуло.

— У меня тоже, — она порывисто вздохнула. — До сих пор болит.

— Это хорошо.

— Я хочу вернуться туда...

— Это как кино, правда?

Он снова включил минусовку. Маша закрыла глаза, и все повторилось.

Спустя два часа она тепло распрощалась с Федей и шагнула за порог. Потом обернулась, прислонилась к косяку и улыбнулась:

— Знаешь, я чувствую себя Золушкой. А ты добрый волшебник из сказки. Наивное сравнение, но это так. Сегодня ты сделал для меня чудо.

— Дурочка. Мне же с тобой работать, — несмотря на бодрый тон, он выглядел смущенным. — Я себе помог, только и всего.

— Как бы там ни было, еще раз спасибо. Увидимся.

— Думаю, скоро, — он прищурился. — А для кого ты пела?

— В каком смысле «для кого»?

— Если выходит хорошо, то это точно значит — песню исполняли от души. А от души может исходить только личное послание. Кому ты сейчас пела, секрет?

— Хм... Я как-то не задумывалась. Но тема интересная...

— Сохрани это состояние в памяти, помни о том человеке, когда пойдешь на сцену. И все будет тип-топ, — он козырнул ей в воздухе.

Маша медленно спустилась по ступенькам, медленно вышла на улицу.

Для кого же она пела? Может быть, Федя в кои-то веки ошибся? Опыт у него, конечно, огромен, но и на старуху бывает проруха.

— Мария!

Маша обернулась. Александр отлепился от автобусной остановки и помахал ей рукой. Она мотнула головой, чтобы отогнать мысли, и шагнула ему навстречу.

— Английский аристократ путешествует общественным транспортом. Издатели Книги рекордов Гиннеса об этом знают?

Он оперся на свою трость, которую, похоже, из рук никогда не выпускал:

— Я не могу водить машину в Москве. Тут левостороннее движение. А я привык к правостороннему. Приходится брать такси. Мы договорились с Сержем встретиться в студии, но, когда я входил, он вылетел из подъезда с видом разъяренного льва, которого погрыз молодой соперник.

— Надеюсь, обошлось без столкновения?

— Что вы! Он предложил встретиться попозже.

— Побежал зализывать раны.

— Скорее всего. Ну а вы? — В его глазах засветилось участие. — Вы в порядке?

— Подождите... — Маша задумалась. — Вы прождали меня на холоде два часа?!

— Из короткого разговора с Сержем я понял, что он оставил вас в студии, — извиняясь, сообщил аристократ.

— И вы не зашли?! Даже из любопытства?!

Он глянул в сторону, потом улыбнулся:

— Вы обедали? По вашему виду я склонен предположить, что вы умираете с голоду. Я не столь долго в Москве, но, представьте себе, уже успел открыть одно неплохое местечко. Во всяком случае, устрицы там подают свежими.

Он закрыл тему ее провала так легко, словно ни на секунду не усомнился, что это всего лишь небольшое недоразумение. Мало ли что случается на работе? Бывают удачи, бывают и мелкие неприятности. Все образуется.

Александр поймал такси, посадил Машу в машину, не переставая болтать о разительных переменах погоды за последние недели, о том, как его такие перемены удивляют, о том, что он никогда не видел такого мелкого и колючего снега, хотя бывал в разных частях мира, и в Канаде, к примеру, можно нарваться на настоящий снежный ураган, а на острове Гренландия белые медведи закрывают черный нос, чтобы их не заметили. Маша слушала его вполуха, удивляясь дару этого человека: в одну минуту, не произнеся ни слова утешения, он заставил ее поверить в себя. Он показал ей, что он в нее верит, и это почему-то было для нее особенно важно. Сидя в теплой машине бок об бок с этим веселым молодым человеком, который прикатил из самой Англии, а говорил по-русски лишь с легким акцентом, она

чувствовала себя очень хорошо. На мгновение ей показалось, что он самый близкий для нее человек. Он ее ангел-хранитель, который может помочь во всем. Ну абсолютно во всем. Он никогда не причинит ей ни боли, ни страданий. Он всецело на ее стороне. В ресторане Александр заказал устрицы и белое вино. Причем с выбором вина вышла заминка. Он долгие мучил официанта, прежде чем остановиться на какой-то марке. И это соглашение для него скорее было сомнительного рода компромиссом.

— Н-да... Вино, разумеется, лучше пить во Франции, — извиняющимся тоном проговорил он, когда официант удалился.

Машу же в данный момент занимало совсем другое.

Она понятия не имела, как выглядят устрицы, как их есть и стоит ли их есть вообще. И она не могла разделить энтузиазм англичанина, который весь подобрался и подался вперед, когда тарелки с открытыми ракушками поставили на стол. Когда певица увидела содержимое этих ракушек, аппетит ее покинул. Скорее всего, навсегда. На тарелке она узрела желтоватую слизь. Она опасливо покосилась на сэра Доудсена. Тот выжал лимон на дрянь в своей тарелке и, к великому ужасу девушки, подцепив одну из ракушек, быстро ее выпил. Машу невольно передернуло. Он этого, слава богу, не заметил. Она взяла бокал и глотнула вина — кислятина, брр! Далее так себя вести было бы неприлично. Она покосилась на свою тарелку и... отвела глаза в сторону. Нет, она никогда не сможет это съесть. На секунду ей показалось, что желтая слизь еще и шевельнулась. Фу! Он вдруг замер, так и не донеся до рта очередную ракушку. Потом побледнел, позвал официанта и попросил меню.

— Мария, мне нет прощения, — глухо пробормотал он. — Видите ли, для меня само собой разумеется, что если в ресторане подают приличные устрицы, то все их и заказывают. Мне даже в голову не пришло, что вам может не понравиться этот заказ. Разумеется, будь мы в другом месте, где не было бы этих устриц, я предоставил бы вам право сделать заказ. Простите меня. Простите, хотя я болван.

— Уберите блюдо от дамы! — попросил он официанта.

Маша облегченно вздохнула, когда тарелка исчезла у нее из-под носа, и улыбнулась аристократу, глянув на него поверх меню:

— Вы напрасно себя терзаете. Перестаньте.

— Нет-нет, я поступил просто ужасно.

— Я вас отведу в блинную на Сретенке, и мы будем квиты. Договорились?

— Это хорошее место?

— Отвратительное! — рассмеялась она.

Когда с обедом было покончено, Маша поняла, что пора заговорить о причине, по которой она звонила ему утром. Иначе будет неприлично, словно она выманила его на свидание. Аристократ рассказывал ей о приключившемся с ним забавном эпизоде. О том, как однажды в его квартиру забежал огромный кот. О том, как он разыскал его хозяина и что хозяин этот оказался рьяным кошатником. Все это было очень весело, но Машу точила неловкость ее положения. Александр замолчал на минуту, отпил вина и, словно угадав ее мысли, посмотрел на нее серьезно.

— Теперь ваша очередь, — проговорил он с дружеской теплотой. — Что вы хотели мне рассказать?

— Трудно начать... — Она покраснела. — Не знаю, с чего...

— Попробую подсказать. Вам было страшно. Вы вспомнили о Боброве. Именно с Сержем были связаны ваши страхи?

Она подумала, вздохнула и ответила:

— И да, и нет. Видите ли, мне бы хотелось узнать о нем побольше. По понятным причинам. Он мой продюсер. А Ирма Бонд...

— Насколько я понимаю, он не был ее продюсером в прямом смысле этого слова.

— А не в прямом — был, — настояла Маша. — Он ее нашел, он ее раскрутил. Как и меня. Вернее, нашел, как меня. Но пока дальше этого дело не продвинулось.

— Обязательно продвинется, — заверил ее сэр Доудсен. — Серж, по-моему, не тот человек, который останавливается на полпути.

— Вам не кажется, что история с Ирмой повторяется? — Она опасливо замерла, понимая, что требует от собеседника невозможного — определить, убийца его друг или нет. Это для такого-то деликатного человека!

— Вы хотите сказать, «повторится»? — Лицо его осунулось как-то в одночасье. — Маша, мне трудно ответить на ваш вопрос. Серж очень непростой человек. Я знаю его совсем недолго, но из моих наблюдений уже могу сделать кое-какие выводы. Я присутствовал, когда он увидел вас впервые. Это было похоже на... на... — Он задумался, а потом тихо произнес, — На чувство. Он увидел в вас то, чего больше никто не смог бы разглядеть. Он почувствовал вас и потянулся к вам всем своим существом. Он забыл обо всем на свете.

Маша с трудом переваривала эту информацию.

— Вы говорите о вере в артиста, как о романтическом чувстве, — В ушах у нее шумело, голова кружилась, хотя, вполне возможно, виновато в том было выпитое вино, — Я для него — увлечение. Знаете, одни собирают марки, другие — талантливых артистов. Он верит в меня, он видит во мне талант, который, кстати сказать, я сама пока не чувствую. Его страсть — страсть Пигмалиона, желающего сотворить из глины прекрасную скульптуру. Он сам мне говорил.

— Может быть, вы и правы, — как-то нехотя согласился аристократ. — Но в любом случае у него нет причин вас убивать. Он нормальный человек, а нормальному человеку не придет в голову стрелять в женщину без достаточных на то оснований. А у Сержа нет оснований стрелять в вас.

«Еще как есть», — подумала она, вспомнив о кулоне, хотя о нем она еще утром решила Александру не рассказывать.

— Он вам рассказывал, как Ирму застрелили? — вместо этого спросила она.

— Я был вместе с ним, когда ее нашли. Я не могу забыть ее глаз. Такие надменные, и такие... — Он вдруг оборвал себя на полуслове и, кашлянув, закончил, — Но это уже пустые сантименты.

— Все нет, — горячо запротестовала Маша. — Ведь Бобров тоже там был. Расскажите, как он себя вел? Мне важно это знать. Ну, пожалуйста.

— Видите ли... — осторожно начал Александр, стараясь не глядеть ей в глаза. — Я не могу рассказать вам всей истории. Это не моя тайна, а потому... Серж, разумеется, очень расстроился. Кроме того, Ирма не успела передать ему какую-то очень для него важную вещь, и это осложнило дело...

Бокал в руке Маши дрогнул. Александр замолчал, внимательно посмотрел на нее и вдруг хлопнул себя по лбу:

— Боже мой! Я только сейчас вспомнил, где я вас видел! В ночь гибели Ирмы, у концертного зала, на улице. Помните?

Теперь и Маше наконец стало понятно, почему он всегда казался ей знакомым. Хотя их встречу вряд ли можно было таковой назвать. Они столкнулись в прямом смысле этого слова и увидели друг друга лишь мельком. Она медленно кивнула.

— Я была на концерте. Меня Аська пригласила. — Она поперхнулась и зачем-то поправилась — Анастасия.

А потом случилось совсем уж странное. Словно невидимая рука развязала удавку на ее шее, и чувства, мучившие ее со вчерашнего вечера, хлынули из нее потоком слов:

— Поймите меня, пожалуйста! Хотя я и сама себя понять не могу. Все так перепуталось в голове. Я сейчас скажу странную вещь, но мне кажется, что два эти убийства связаны! Я не могу объяснить, почему! Не могу. Я не могу сказать, знала ли вообще Ася Ирму, но то, что Бобров прямо или косвенно причастен к этим убийствам, я почти уверена! Я случайно услышала его разговор с каким-то мужчиной. Вот почему я испугалась. Они говорили обо мне. Вернее, мне так показалось, хотя имя мое и не произносили. Они спорили, кому я достанусь. Вернее, кто меня подчинит... Это было ужасно!

— Почему же вы подумали, что говорят про вас? — Александр нахмурился. — Я уверяю вас, у этих людей много партнеров по бизнесу, среди которых встречаются и женщины. Они могли говорить об одной из них.

Он успокаивал ее, хотя сам разволновался ужасно. Но разволновался он не из-за Маши.

— И Ася... — Она прерывисто вздохнула. — Ася была на приеме в посольстве. В английском посольстве.

— Да? — Он смотрел на нее не отрываясь, но словно не видел, думая о своем. — Я помню Анастасию на приеме в посольстве. На ней был, знаете ли, такой кулон. Очень красивый. Сначала я не придавал этому значения, но... Она вам рассказывала, как он у нее очутился?

Бокал снова дрогнул в ее руке. Она заставила себя держать спину прямо, как у станка. С предельной осторожностью поставила бокал на стол и медленно убрала дрожащие руки на колени. Язык ее одеревенел.

— Т-то есть как... очутился?

Благодарение небесам, Александр расценил это замешательство как всякий аристократ. Он ужаснулся собственным словам:

— Простите! Я вовсе не имел в виду ничего плохого!

Я хотел спросить, может быть, она рассказывала, где она купила это прелестное украшение? Или, может быть, это чей-то подарок? Девушки любят обсуждать такие темы.

— А-а-а... — протянула Маша, пытаясь унять дрожь в голосе. — Я-я н-не знаю... Кажется, ей кто-то его подарил. Но она не особенно распространялась о таких вещах. Я вообще не видела того украшения, о котором вы говорите.

Распрощавшись с Машей, сэра Доудсен направился в другой ресторан на встречу с Сержем.

«У них рестораны как у нас клубы», — подумалось ему.

Впрочем, то была лишь одна мимолетная мысль, вклинившаяся в поток размышлений после разговора с девушкой. Разговор этот оставил в душе Александра неприятный осадок. Она знала о кулоне. Как? Это другой вопрос. Вполне возможно, сама Анастасия ей и рассказала. Но тот ли это кулон, который с таким энтузиазмом разыскивает Серж?

«Это очень плохая история, — сказал себе Александр, приближаясь к дверям ресторана. — Отвратительная, грязная и недостойная игра мужчин, по вине которых уже не одна, а две женщины погибли. Это нужно прекратить».

Но как? Разве может он в одиночку противостоять двоим? И не в открытой борьбе, что несложно, а на задворках, в сущности, чужой ему страны. Страны с незнакомыми ему, дикими правилами. Страны, где он совершенно лишен какой-либо поддержки, а один из его противников столь силен и наделен такой большой властью, что даже местные органы правопорядка перед ним пасуют. А о втором он вообще ничего не знает. Только его описание, данное Марией. Высокий, худой, темноволосый с проседью. Еще он басит. А лица его она не видела. Это, конечно, лучше, чем ничего, но мало ли в Москве мужчин с подобными приметам.

«There's the rub...» (* «Проблема...») — сказал себе сэра Доудсен, входя в просторный холл.

Судя по внешнему виду Сержа, он уже часа три пил. Раскраснелся, глаза его стали совсем маленькими, а нос, наоборот, огромным, с лиловым оттенком. Александр сел за столик и улыбнулся ему как можно приветливее. Тот посмотрел на него с хмурой неприязнью.

— Что она? — спросил меценат и, опрокинув в себя очередную стопку водки, подозвал официанта.

— Кто? — Молодой аристократ сделал над собой усилие и заинтересованно вчитался в меню. Есть ему не хотелось. Еще бы, он же только от стола.

— Кто?! — неожиданно злобно взревел Серж и накинулся на ни в чем не повинного официанта, — Не видишь, графин пустой! Чего пялишь на меня, как баран на новые ворота!

— Будет исполнено! — От испуга официант присел и, склонив голову в подобострастном поклоне, схватил пустой графин в намерении умчаться прочь.

Бобров цапнул его за рукав форменной куртки:

— И этиххвати, как их... черт, зеленых таких...

— 0-оливок?

— Нет! — прогрохотал Бобров на весь зал. — Нет! Мать твою! Этих, ягодин зеленых. Тьфу ты черт, как их...

— Полагаю, господин желает виноград, — со спокойной язвительностью заметил Александр, не отрывая глаз от меню горячих закусок.

— Да, — на шумном вздохе согласился Серж, сверля глазками потомка Доудсенов. — Их...

Тот даже бровью не повел. И на сей раз итонское воспитание оказалось на высоте.

Официант убежал, не оглядываясь.

— Я спросил, как она?

— Нет, первый раз вы спросили: «Что она?» — равнодушно заметил Александр, — В сущности, это одно и то же, но...

— Я тебя убью! — рыкнул меценат.

— Возможно, вы попробуете это сделать, но довести попытку до логического финала не сможете, — Сэр Доудсен уперся в него холодным взглядом поверх меню.

Так они сидели молча и пялились друг на друга, не мигая, довольно долго. Официант успел принести полный графин водки, блюдо с виноградом и замер у столика в ожидании, когда второй посетитель все-таки сделает заказ. Первым сдался Серж. Это было вполне закономерно, ведь он же не заканчивал Итон.

— Я обидел ее. Страшно! Повел себя как последний дурак, — с горечью произнес он.

Молодой аристократ отложил меню в сторону и обратился к официанту:

— Чай, пожалуйста. И кейк. Лимонный.

— И все?! — округлил глаза Бобров. — Нет, ты должен со мной выпить.

— Слово «должен» тут неуместно, — ответил ему Александр и отпустил официанта.

Странные произошли в нем перемены за последний день. Теперь он мог, совершенно не напрягаясь, оказывать достойное сопротивление этому человеку.

— Когда это ты успел стать филологом? — хмыкнул тот.

— Two wrong do not make a right (Зло злом не исправишь (англ.)), — вместо ответа заметил аристократ. — Вы злитесь на меня совершенно напрасно. К тому же, разругавшись со мной, вы вряд ли исправите ошибку, которую совершили утром.

— Черта с два, ошибку! — горячо запротестовал меценат. — Девчонка должна знать, кто хозяин. Если показать таким слабину вначале, потом они сядут тебе на голову и будут лупить пятками по переносице. Я все это уже проходил!

— Мария не станет.

— Еще как станет.

— Но вы ее совсем не знаете.

— Я знал Ирму. И я скажу тебе, — он деловито налил в стопку водку, — Машка — та еще штучка. Гордая, хоть и кажется простушкой. Это хорошо для сцены, но именно такие потом жилы и вытягивают.

— Тогда почему же вы злитесь?

Бобров залпом осушил стопку и, кинув в рот огромную виноградину, пожал плечами, — Сам не знаю. Чувство такое, будто бы этот твой... ну, ирис растоптал. Или плюнул мимо урны, ай, один хрен. Гадостно на душе. Как она там?

— Она сожалеет, что подвела вас.

— Плакала?

— Нет.

— Ах, она сожалеет, — недовольно проворчал менат, — сожалеет она, видите ли!

— Не понимаю, что вас не устраивает. Если бы я не был представлен мадам Касальской, я бы подумал, что вас мучает иное чувство, нежели профессиональный интерес по отношению к Марии. — Сэр Доудсен кивнул официанту и, взяв чашку, с наслаждением сделал глоток горячего чая.

— Ха! — Бобров немного повеселел. — Каждый продюсер влюблен в свою подопечную. Без этого нельзя. Но это профессиональная любовь. Это любовь к своему творению, к своему

будущему успеху. И это никакого отношения не имеет к любви.

— Ирму Бонд вы тоже так любили?

Серж, наливавший в этот момент очередную стопку, замер. Медленно поставил графин на место.

— А почему ты спросил?

— Она была вашим творением.

Меценат задумался на минуту, потом тихо проговорил:

— Нет. Она была совсем другой. Гордячкой. Долго я с ней работать не мог. Нервы не выдержали. Скинул ее Аркашке Нестерову. Мой человек, мои деньги крутил. Договор-то она подписала со мной. Но я всегда знал: как только ей надоест или что не понравится — уйдет, не раздумывая. Никакими бумажками ее не удержишь. Обидно, конечно, черт! Как ни крути, но что ее богатые ухажеры могли сделать, пока она в кабаке пела? Денег на клип дать? Все пустое! В музыкальную тусовку просто так не влезешь. Тут монополия почище нефтяной, чужих не пускают. Она бы со своим клипом дальше дециметрового канала не пролезла. Ну, и концерты там, хиты — абы с кем никто работать не станет. Так что я ей просто как манна небесная на голову свалился.

— Я все думаю, кто мог ее убить... — как бы невзначай пробормотал сэр Доудсен.

И Бобров заглотив наживку. Он пожевал пухлыми, алыми от выпитого губищами:

— Думаю, было кому.

— Не могу забыть ее глаз. В них застыла такая надменность...

— Да она так на всех и смотрела, — хмыкнул меценат.

— Думаете, это была развязка какой-то любовной истории?

— Считаешь, я спустил это дело? — прищурился Серж. — Считаешь, что мне плевать?

Черта с два! Расследование затянулось. Никаких концов. Я Нестерова только утюгом не пытал, когда расспрашивал. А он все одно твердит: мол, вышла в уборную, парней-охранников от себя отогнала. От туалета до гримерки полкоридора, не больше. Нестеров видел — он в конце бокового коридора тусовался, с приятелем. Видел, как она вернулась. Поставил охранника под дверь.

— И охранник не заглянул к ней в гримерку?

— Что ты! — испуганно замахал на него руками Серж, — Она этого на дух не переносила. Даже стучать к себе не позволяла. На выход Нестеров ее выскуливал под дверью.

Тогда перерыв был, антракт получасовой. Она в первом отделении выступила, а потом должна была, по режиссерской задумке, вместе со всеми выйти на финал. Она там куплет общей песни пела. Так что до выхода у нее еще больше полутора часов оставалось. Поди к ней сунься. А если она прилегла? Она ж прямо из аэропорта на концерт прикатила. К тому же она дверь на ключ заперла, чтобы, не дай бог, кто ее отдых не потревожил.

— В этой истории есть странность... — задумчиво проговорил сэр Доудсен.

— Какая?

Но Александр лишь плечами пожал:

— Пока не знаю, но что-то точно не сходится. Во всяком случае, сейчас я это понял.

Еще издали Маша увидела знакомую фигуру у подъезда.

— Ты что, работаешь раз в неделю в своем баре? — спросила она и нахмурилась, чтобы Егор ни в коем случае не заметил ее отчаянную радость.

Она надеялась увидеть его еще раз. Но не думала, что это произойдет так скоро и так романтично. Он такой милый, такой красивый, дежурит у ее подъезда. Как же это здорово иметь преданного любовника!

— Сегодня у меня выходной по причине вчерашней ночи. — Он извлек из-под куртки маленький букетик чахлых роз. Оглядел и сморщился, — Прости, но мы торчим тут уже долго. Цветы не сдюжили. Да и я едва держусь на ногах.

— Замерз?

Он широко улыбнулся и кивнул:

— Мечтаю о кофе, который из принципа с утра не пью. Решил выпить у тебя на кухне и не отступлюсь.

В квартире Маша поступила совершенно не по-хозяйски: юркнула в ванную, предоставив гостю хозяйничать. Хотелось смыть с себя все заботы и тревоги этого проклятого дня. Под теплыми струями вспомнился Бобров и как он рывкнул на нее в студии. По телу пробежали мурашки, а сердце защемило.

— Какой же он гад! — со злостью выговорила своему отражению певица. — Каждый имеет право на ошибку. Почему же он мне этого права не дал?!

Но обида ее никуда не делась. Все равно точила изнутри, как червяк яблоко. А вот Александр очень хороший. С каждой новой встречей он нравится ей все больше. Он знает, как поддержать, когда вовремя закончить разговор, как убережет человека от слов, о которых он потом будет долго сожалеть. И какой у него мужественный вид, даром что с виду такой щуплый. Взгляд у него прямой и смелый. И за ним угадывается сила. Хорошая сила, готовая прийти на помощь. А его вечная спутница — трость! Он с ней смотрится куда значительно, чем гангстер с пистолетом. А ведь она испугалась его с этой вот тростью, когда они впервые столкнулись у «России». Маша тихонько хихикнула и покраснела. Она старалась не вспоминать тот вечер. Но теперь он вдруг приобрел новую, теплую окраску. Еще Александр очень умный. Удивительно, как ему удалось догадаться о кулоне. Прощаясь с ним, Маша была почти уверена, он знает, где украшение. Уж очень внимательно он посмотрел ей в глаза, когда проговорил напоследок: «Мария, я готов помочь вам в любой час дня и ночи, когда бы вы меня ни попросили. И если вы хотите мне что-то рассказать еще, я выслушаю вас и сохраню вашу тайну». То, что Александр действительно сохранит ее тайну, Маша не сомневалась. Какой бы та ни была, сколько бы судеб от нее ни зависело, включая и его собственную, он промолчит. Разве что замучает советами, но не проболтается. В этом она уверена на все сто. Такой он человек. Честь для него дороже всего. А держать данное слово — первое, к чему обязывает кодекс чести.

«Нужно все ему рассказать, — решила она, — И попросить совета».

— Эй, далеко не заплывай! — Егор осторожно постучал в дверь. — Кофе такая штука, которую нельзя разогреть в микроволновке.

Она вздохнула и нацепила огромный махровый халат. Егор ей нравился, но сейчас ей очень хотелось, чтобы он исчез из квартиры. А может быть, и из ее жизни вовсе. Странное дело, но еще полчаса назад она так радовалась ему. Сейчас же с ней произошло что-то странное. Едва она осталась наедине со своими мыслями, как принялась думать о других мужчинах. И теперь Егор, симпатичный, простоватый малый, уже не казался ей таким желанным. Однако, выйдя из ванной, она вновь переменила свое мнение. И сама себе удивилась: в который раз за вечер. Парень сварил замечательный кофе, соорудил бутерброды. На кухне с ним стало уютно, можно сказать, он вдохнул жизнь в это гиблое

место. Сама она кухню не любила. Еще бы, ведь диета — это ее образ жизни. Ничего лишнего, только низкокалорийные продукты, хлеб по праздникам, конфеты — на Новый год.

— У тебя не холодильник, а камера пыток, — сообщил он. — Смотреть на то, что ты ешь, уже мучение. Давай я свожу тебя завтра в магазин и покажу массу вкусных продуктов.

Маша опустила за стул и грустно улыбнулась:

— И методы борьбы с лишним весом заодно покажешь?

Он удивленно воззрился на нее:

— Какой идиот вбил в твою голову, что тебе нужно еще худеть?

— Его зовут Серж Бобров.

— Да ну?! — округлил глаза Егор. — Ты с ним...

— Работаю, — закончила за него она, — я же говорила, что я певица.

— Черт! — Он взъерошил волосы. — Надо же было так нарваться. Так я вчера занимался любовью со звездой? Е!

Его искреннее удивление Машу изрядно позабавило.

Впрочем, она сочла своим долгом его слегка разочаровать:

— Не со звездой, успокойся. Я еще ни одной песни не записала.

— Фигня! — не унялся он. — Бобров свое дело знает. Так это что, значит... Значит, у меня звездный роман? Круто! Мария... гм... — Он вопросительно глянул на нее.

— Иванова, — Маша рассмеялась. — Обычно такие подробности выясняют на первом свидании.

— У нас особый случай. Итак, Мария Иванова сегодня пришла на вечеринку со своим бойфрендом.

Он подскочил к ней, схватил за руку, выдернул со стула и поволок в комнату. Там расправил плечи, взял ее под руку и чинно зашагал вокруг журнального столика, оглашая квартиру «репортажем со светского раута»:

— Мария Иванова засветилась с новым бойфрендом. Вы только посмотрите, у нее замечательный вкус! Боже, как он хорош. Бедные поклонники звезды, у них нет ни единого шанса!

— А у тебя начисто отсутствует скромность! — Маша шла с ним рука об руку, задевая халатом за углы столика, — Бесстыдник.

— Вы посмотрите, как сияют ее глаза! — не обратил внимание на ее замечание бойфренд. — Это ли не начало большой любви?!

Он вдруг замер, схватил ее за плечи и, развернув к себе, выдохнул в лицо:

— А?

Она замерла, перестав смеяться. Что он имеет в виду? Смутилась, опустила глаза.

— Вот! — торжественно изрек Егор, глядя на нее в упор. — Она краснеет, она явно влюблена! Но в этом нет ничего удивительного. Ведь они прекрасная пара. Как они эффектно смотрятся вместе!

Он схватил ее в охапку, закружил и вдруг кинул на диван.

— Перестань. — Маша пыталась запахнуть халат.

Но он ее не слушал.

— Боже, что они делают! — прошептал он у самого ее уха. — Как можно, на глазах у миллионов зрителей. Нет, в самом деле, посмотрите, они не могут дождаться, когда их оставят вдвоем.

Его руки уже раздевали ее, халат улетел куда-то в сторону.

— Ты сводишь меня с ума. — Она закрыла глаза.

— Вы слышали? — Он коснулся губами ее ключицы. — Вы слышали, дамы и господа?

Сэр Доудсен вышел из такси и направился к арке, ведущей во двор его дома. Удивительно прошел его сегодняшний день — одни рестораны. Позавтракал в кафе, пообедал с Марией, поужинал с Сержем. Даже на работу не заскочил. Впрочем, дела идут неплохо, и без него в офисе справляются. Наверное, он там и вовсе не нужен. Однако Александр почувствовал настоятельную потребность уделять поменьше внимания своему желудку: в животе у него было нехорошо, словно он проглотил мяч для игры в регби и тот расположился внутри как-то не слишком удобно.

«Необходимо заняться каким-либо спортом, — сказал он себе. — Может быть, Ви не так уж и ошибается, пытаясь навязать мне здоровый образ жизни».

Мысли о невесте не посещали его с самого утра. Он их выкинул из головы нарочно, чтобы успокоить нервы. Но теперь... теперь он задумался о ее советах. Конечно, не нужно принимать абсолютно все. К примеру, совершенно не обязательно следовать инструкциям из книжки этого сбрендившего меланхолика Дж. Росмонда, пить сырые яйца, изнурять себя холодным душем и все такое. А то, чего доброго, и в самом деле единственными мыслями в голове останутся умозрительные заключения о птичках и лучах солнца, умывающихся в утренней росе. Тьфу! Разумеется, нужно сказать твердое «нет» заплывам через Темзу и купанию в холодном колодце, особенно поздней осенью и зимой. Но утренняя зарядка еще никому зла не причинила. Особенно если делать ее с умом, не перегружая позвоночник... Молодой аристократ настолько погрузился в размышления о пользе физических упражнений, что не сразу заметил, что в тени арки он уже давно не один. На робкий свет фонаря к нему вышли двое. Чутье подсказало ему, что и позади него тоже находятся люди. Скорее всего, их там не меньше, а это значит, их четверо. Сэр Доудсен остановился, оглядел двоих мужчин впереди себя. Вид их явственно говорил о том, что они ждут от него вступительной реплики, чтобы продолжить диалог.

— Как я понимаю, господа, торчать на холоде вас побудила единственная надежда — встретить мою скромную персону? — помог им потомок аристократов.

— Чой-то? — прищурился тот, кто находился от него правее.

— Я имел в виду, что вы не стали бы мерзнуть в темноте арки просто так, — уточнил Александр, — и выбрали бы для прогулок более приятное место. К примеру, Нескучный сад. Я там был на днях, могу понять тех, кто предпочитает именно там отдыхать от суетных городских дел. Конечно, это не Гайд-парк, но все же...

— Заткнись! — рявкнул тот, что был от него левее.

— Впрочем, если я ошибся, посчитав, что вы именно меня поджидаете, то прошу прощения.

— Ха! — Тот, кто находился правее от него, сплюнул в сторону, из чего стало окончательно ясно, поджидали именно его.

— Итак, господа, вы, верно, желаете мне что-то сказать? Что-то настолько важное, что неотвратимость данного разговора погнала вас на холод в столь поздний час.

Наступило длительное молчание, прерываемое разве что злобным сопением. Наконец, тот, что был левее, хрипло изрек, обращаясь к тому, что справа:

— Я не знаю, как с ним разговаривать. Совсем, на хрен, мозги закрутил!

— Может, двинуть ему пару раз для понятливости? — хмуро предложил тот, что был у

него за спиной.

Сэр Доудсен улыбнулся и сжал в пальцах трость.

— Верите ли, господа, я как раз шел и размышлял о пользе физических упражнений. Да что там — праздно размышлял! Можно сказать, я обращался к всевышнему, чтобы он ниспослал мне душевных сил, дабы я свои желания привел в исполнение. Но я и не думал, что небесная канцелярия работает так споро. Честное слово, они там не мешкают!

— Нет, я так больше не могу! — взревел еще один его невидимый собеседник и, угрожающе рыкнув, кинулся на него из темноты.

Надо ли говорить, что молодые аристократы, прошедшие закалку в борьбе с весьма приткими полисменами на вечеринках после университетских соревнований по гребле, могут отразить атаку типов, поджидающих их в темной арке. Александр уверенно ткнул тростью за спину. Первый нападающий охнул и отлетел в сторону, держась за ушибленный лоб. Для троих оставшихся это послужило сигналом к атаке.

— Ах, ты паскуда! Вот тебе! — зычно выкрикнул тот, что был перед ним справа. В этот момент он походил на старшего лейтенанта королевских войск, взобравшегося на край окопа и призывающего вверенный ему отряд нестись на противника.

В следующую секунду он подал личный пример. За ним последовали и другие. Александр едва увернулся от огромного кулака, нацеленного ему в ухо, затем присел, избежав себя от чувствительного удара в левое ребро. Судя по воплю, удар этот достался кому-то из компаньонов нападавшего. Снизу молодой аристократ поддел тростью чью-то голень, и ее счастливый обладатель опрокинулся на спину. Сэр Доудсен завершил маневр точным ударом набалдашника ему промеж глаз. С остальными он церемониться не стал, поскольку в желтом свете фонаря коротко блеснула сталь, что свидетельствовало о том, что противник решил применить холодное оружие. Чтобы дело не дошло до тяжелых ранений, Александр уложил их ударом трости рядом с товарищем. Нож отлетел в сторону и звякнул о стену арки где-то в темноте. Четвертый, тот самый, который первым испытал на себе особенности трости сэра Доудсена, отлепился от стены, все еще прикрывая ушиб на лбу ладонью. Из-под пальцев его струилась кровь.

— Вам необходимо обратиться к врачу, — заботливо посоветовал ему аристократ.

— Поговори мне! — злобно отозвался тот и покосился на вяло шевелящихся на асфальте коллег. — Слышь, ты, недоумок. Мы ведь предупредить тебя хотели. Встанешь поперек Бессмертному, схлопочешь пулю.

— Вы уверены, что я не должен вызвать вам «Скорую помощь»? — настаивал Александр.

— Ты чо, совсем придурок или косишь под него? — Говоривший болезненно скривился, — В следующий раз тебя хлопнут под этой аркой, и все дела. У нас так делается.

— Простите, а стрелять не вы будете? — осведомился сэр Доудсен, разглядывая собеседника.

— А что? — с вызовом взревел тот.

— Если это будет кто-то из вас, то я спокоен.

— Не стоит тебе быть таким спокойным, недоносок. Стрелять будет профи!

— И что я должен сделать, чтобы этого не произошло? — холодно поинтересовался потомок Доудсенов.

— Отдать Бессмертному то, что он попросит.

— А вы уверены, что у меня есть то, что он намеревается попросить?

— Будь спок! — заверил его приверженец интересов Бессмертного. — Тебе же лучше будет. Не ерепенься!

— Для начала я хотел бы услышать эти притязания. А потом обдумать...

— Услышишь, — пообещал тот, — а теперь вали отсюда, а то меня щас стошнит.

— Вы справитесь без меня?

— Проваливай, — из последних сил проскрипел нападавший. — И без тебя погано, мочи нет.

Сэру Доудсену осталось лишь пожать плечами и удалиться. В конце концов, насильно навязанная помощь — это хуже, чем бездействие.

В то самое время, когда, по описаниям Дж. Росмонда, «солнечный лучик коснулся клювика сонной малиновки», в дверь квартиры сэра Доудсена настойчиво позвонили. Памятуя о ночной встрече, молодой аристократ по пути в прихожую не забыл захватить с собой трость. Перед тем как открыть замок, он протер глаза, встал так, чтобы входящий не мог его узреть в первую секунду своего визита, и наконец отворил засовы.

— Эй, друг! — радостно позвал его знакомый голос и тут же перешел на виноватый бубнеж, — Прости, что так рано. И что без приглашения, но дело у меня к тебе крайне важное. Просто-таки речь идет о чести и достоинстве. А значит, о жизни и смерти.

— Кого? — Молодой аристократ выглянул из-за двери.

— Ну как кого? — Борис сверкнул лысиной и переступил через порог. — Варфоломея, конечно!

— Не понимаю. — Александр закрыл за ним дверь и жестом пригласил в гостиную.

Следуя за гостем, он на ходу запахнул халат:

— Простите, я не был готов к визиту.

Тот покосился на него, промямлил: «Ах да... Ну, ничего, ничего» — и, плюхнувшись в кресло, с мольбой воззрился на хозяина жилища:

— Ты единственный, к кому я могу обратиться. Понимаю, что моя просьба тебя удивит, а может быть, даже ошеломит...

— Хотите попросить меня взорвать Тауэр?

— Нет! — округлил глаза Борис. — Что ты! Даже в мыслях не имел!

— Странно, — задумчиво проговорил аристократ, присаживаясь на диван, — но с некоторых пор мне кажется, что каждый второй намеревается меня просить именно что-то в этом роде.

— Тебе нужно поменять знакомых, — со знанием дела посоветовал ему кошатник.

— Н-да... Я бы на вашем месте то же самое сказал... Впрочем, что у вас ко мне? — Он вскинул на него сонные глаза.

Борис сцепил пальцы в замок и всхлипнул:

— Дело чрезвычайной важности. Ты, конечно, помнишь, что на музыкальном вечере ты представил меня миссис Харингтон — этой чудной женщине, с которой мы быстро нашли общий язык.

— О да! — сдержав эмоции относительно «чудной», воскликнул Александр.

— Веришь ли, но она прониклась моей проблемой. Согласись, ведь не каждый кот шевелит ушками перед осадками. Эта милая дама...

Сэр Доудсен сделал над собой усилие. Тело его свела судорога.

—..эта-милая дама, — залился соловьем Борис, — очень впечатлилась. Она считает, что в организме Варфоломея идут какие-то глубинные процессы. Может быть, даже связанные с

расстройствами психического характера. И тут разобраться может только настоящий гений. Доктор номер один. Сэр Деррик Уинсли, — с восхищенным придыханием закончил он.

— Но моя мать... — хотел было оправдаться потомок Доудсенов, у которого проблемы огромного котяры начисто вылетели из головы.

Однако владелец Варфоломея замахал руками:

— Нет-нет... Мадам Харингтон была настолько любезна, что уже договорилась со светилом о приеме. Он согласился осмотреть его в доме у Харингтонов.

— Вот как? — Александр вскинул бровь, что свидетельствовало о крайней степени удивления. Ведь настоящие аристократы вскидывают бровь лишь в особых случаях.

Например, увидев перед собой цунами.

— Именно, — с нервной радостью улыбнулся Борис.

Из чего сэр Доудсен сделал вывод, что кошатника что-то сильно беспокоит. Впрочем, тот не стал его томить, а выложил всю информацию сразу:

— Харингтоны — старинное аристократическое семейство. А я, как ты, наверное, заметил, совершенно не владею манерами. Другими словами, я мужлан. И не отрицай, я знаю — это так! — Заметив протест в глазах собеседника, он снова замахал на него руками, — Я никогда не общался со знатью, я не знаю, как говорить, я даже есть толком не умею. Вернее, мне не составит труда пропихнуть кусок мяса в глотку. Но я не могу это произвести согласно этикету. А ведь в старинных английских семействах такому придают огромное значение. И я опасаясь, что на обеде облажаюсь...

— Чего вы опасаетесь? — не понял сэр Доудсен.

— Ну, попаду в неудобное положение. Схватчу не ту вилку, к примеру, или вытру ботинок салфеткой. Со мной всякое может быть. Представляешь реакцию благороднейшей леди Харингтон на мой проступок?

Александр меньше всего хотелось изнурять себя подобными видениями. Тем более в случае, если кошатнику действительно придет в голову шальная мысль использовать салфетку леди Харингтон с золотыми вензелями для удаления грязи с ботинка.

— В общем, если меня выставят из дома с позором, я не смогу показать Варфоломея настоящему врачу. Трагедия! Я никогда себе этого не прощу. И я, согласись, должен использовать все шансы на пути к своей цели.

Молодой аристократ с ним полностью согласился.

— И вот я у тебя! — Борис радостно улыбнулся. — Проси, что хочешь, но научи меня этому этикету, ради Христа!

— Научить? Вас?!

— Считаешь, это невозможно? Брось! Даже зайца можно научить курить!

— Дурное дело — нехитрое... Впрочем... — Тут Александр задумался на мгновение, а потом улыбнулся:

— Вы говорили, что вас знает вся Москва.

— Верно! Едреньть!

— А вы многих в Москве знаете?

— Кого надо, тех знаю.

— В таком случае не сведете ли вы меня кое с кем?

Спустя пять минут они заключили устный договор на взаимовыгодных условиях.

Рабочий день у Маши начался со скандала. И это стало дурным правилом. Вернее — это

стало последствием появления в ее поле зрения Боброва. Или ее в его уже неважно. Главное, что, едва они оказывались в одном помещении, в воздухе начинали сверкать молнии. И Маша, поразмыслив на эту тему, пришла к выводу, что она тут абсолютно ни при чем. Это он является в дурном настроении и принимается громогласно критиковать всех и вся. Например, сегодня. Репетиция шла своим чередом. Игнат, прослушав песню в ее исполнении, остался, кажется, доволен. Только головой покачал: мол, чего же ты вчера так не смогла. Вовик, хореограф, привел с собой четырех танцовщиков. Гордо выпятив грудь, указал на двух парней и двух девушек:

— Вот, Маш, твой кордебалет. Познакомься!

Маша им застенчиво улыбнулась. Те деловито кивнули ей, и тут же закипела работа. Где и когда будет первое выступление, никто пока не знал. Серж ведь так и не сообщил никому, поэтому старались в ощущении, что он придет и скажет: «Сегодня вечером». Группа разучивала движения. Маше движений не досталось. По замыслу Вовика она должна подпирать микрофон, но делать это как можно изящнее.

— Легкие изгибы тела, манящие взмахи рук. Сплошная, едва прикрытая платьем эротика. Ты центр. Они сами по себе. Пока так. Отлеплять тебя от микрофона пока не надо. Маша с ним с легкостью согласилась, поскольку не понимала, как, исполняя такую песню, она еще и танцевать будет. Во-первых, не вяжется это с настроением исполнительницы, во-вторых, ритм у музыки сложный, джазовый. Чисто спеть и стоя-то нелегко, а уж в движении... Собьется дыхание, и пиши пропало: восходящая звезда даст петуха. То-то смеху будет.

К трем часам в репетиционный зал вошел Бобров. Маша сразу поняла, что ничего хорошего из его визита не получится. Он хмуро оглядел каждого, задержал взгляд на певице, хмыкнул. С тихой угрозой буркнул приветствие, сел на стул, который ему любезно подставил Вовик, и махнул рукой Игнату:

— Заводи фонограмму.

Тот послушно поставил мини-диск с минусовкой, Маша подошла к микрофону с тяжелым чувством. На первых аккордах попыталась сконцентрироваться, забыть о дурном настроении начальства. Запела. Позади себя слышала шевеление кордебалета, что отвлекало. Закрыла глаза, заставила себя оторваться от земли, вспомнить ощущения от песни в студии. Когда она замолчала, Серж потер переносицу и разорвал мрачную тишину.

— Во-первых, убери это стадо, — отрывисто приказал он Вовику.

Танцоры нахмурились, но смиренно отошли в угол.

— Теперь ты, — Он поднял тяжелый взгляд на Машу, — Ты сама себя в клетку загнала и вырваться из нее не можешь. Голос уже льется, это хорошо. Вот если я глаза закрою, даже забирает немного. А как гляну на тебя — ну кукла куклой. Где свобода, где раскованность? Какие там миллионы мужиков, ты же ведешь себя как девственница в первую брачную ночь. Из тебя силой чувства вырывать, что ли? Так таких клещей еще не придумали. Глупо смотришься!

К концу этой отповеди Маша закинула голову, чтобы слезы ручьями не полились из глаз. Ей казалось, что у нее температура поднялась до критического уровня, до того ей стало жарко. До того виски ей сдавило.

— Не смей раскисать! — вдруг рявкнул Серж. — А ну, живо нюни подобрала! Здесь тебе не богадельня!

Маша вздрогнула. Слезы от испуга вмиг высохли.

— Еще раз, — приказал Серж.

Игнат опять включил минусовку. Пытка продолжалась и продолжалась. Маша изо всех сил старалась выполнить все требования продюсера. Но тот все ворчал: мол, гиблый номер. Наконец, не выдержал вокалист. Он подошел, положил ему руку на плечо:

— Она же голос сорвет.

Бобров зажмурился на мгновение. Маша сжалась, ожидая громкой ругани. Но неожиданно все обошлось. Серж вздохнул и, посмотрев на нее с сожалением, произнес:

— Не бомба. Черт!

Потом вынул из кармана несколько дисков, протянул Игнату:

— Это семь песен. Нужно же когда-нибудь начинать. Не тяните с этим. Времени нет. Со следующей недели пробуем писать в студии, — потом сурово глянул на совсем скисшего Вовика, — Натаскай своих пока на мелодии. И чтоб не топали, как слоны. Сегодня без них выступаем.

— Сегодня? — прошептала в отчаянии Маша.

— В «Кристалле». В десять в гримерке. Никите я позвоню, — бросил он и, не оглянувшись, быстро вышел.

Маша почувствовала, что силы ее покинули. Он разочаровался в ней. Он даже не хочет ее видеть. Она ему наскучила, она ему надоела, он наигрался. Все. Она не бомба. Она больше не в состоянии зажечь тот самый странный блеск в его глазах. Он не слепил из глины Галатею. Она все еще куча... глины... Она сжала рукой стойку микрофона, с отчаянием посмотрела на Игната:

— Заводи!

— Мащ, ты же не взлетать собралась, — тот дернулся всем телом.

— Заводи! — крикнула она.

Вокалист пожал плечами, нажал на кнопку. Она пела, едва сдерживая слезы. Перед глазамиплыли огромные зеркала зала, унося и размывая в далеком туманном пространстве ее собственное хрупкое отражение. Маленькая фигурка изнывала от отчаяния, угасала от несправедливости. Он топчет ее ногами. Он мешает ее с грязью. Почему? Ведь это ее первая песня. Первая! И сегодня ей выступить. Она радоваться должна, а ей хочется удавиться.

«Прямо сейчас, как только допою, пойду в уборную и повешусь, к чертовой матери!»

Музыка стихла. Только сейчас она почувствовала боль в ладони. Посмотрела на руку, удивилась: красные полоски от ногтей.

— Это было... — Игнат сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и проговорил, удивляясь собственным словам, — Чудесно!

А Маша неожиданно для себя всхлипнула. Слеза все-таки скатилась по щеке и капнула с подбородка.

— Ну, ну... — Вовик подлетел к ней, обнял за плечи и оторвал от микрофонной стойки. — У Сержа просто плохое настроение. Ты и при нем пела сносно. А для дебюта так и вовсе чудесно. Он хмурый, потому что с похмелья. Фигня, и не бери в голову. Если бы ему и в самом деле очень не понравилось, он бы тут же всех нас разогнал. А так смотри, вон на стуле твой репертуар лежит. Ну, хватит, хватит...

Он гладил ее по голове. От чужого участия у Маши в груди что-то взорвалось. Плечи ее заходили ходуном. Она пыталась сдержать истерику, но она все равно рвалась наружу. По телу забегали мурашки.

Игнат громко хлопнул в ладоши:

— Перерыв десять минут. Мария, ступай в туалет и умойся. Иначе мы никогда не продолжим. Ну, что стоишь, живо!

Маша послушалась. Эти люди лучше знают, что ей теперь делать. Она только что излила свою душу. Она умерла вместе с финальной нотой и теперь внутри ощущала только пустоту. Не хотелось думать, доказывать и уж тем более сопротивляться. Хотелось лечь на диван, забраться под плед и закрыть глаза. Но дивана и пледа поблизости не было. Да никто ей и не позволит валяться на диване за несколько часов до выступления. Нужно собраться и продолжить репетицию. Нужно прослушать новые песни. Нужно... Она медленно развернулась и побрела вон из репетиционного зала. В конце коридора ее нагнала девушка из кордебалета.

— А я тебя знаю, — она улыбнулась Маше. — Я вместе с Асей танцевала.

— Да? — безжизненно отозвалась Маша — А почему ушла? Там же хорошо платят.

— Не всем, — девушка хмыкнула. — Кто в постоянном составе, тем — да. Аська была в расширенной группе из двенадцати человек. А я только в двадцатке: сольники, сборники в России. А в остальное время, без меня. Получаем же по факту. Выступил — схватил денежку, нет — гуляй. Надоело. Особенно приперло в тот день, когда Аську... Ой, — Она вдруг испугалась, — А ты, может, не знаешь?

— Знаю, — успокоила ее Маша и, наклонившись над раковиной, поплескала в лицо холодной водой. Ее все еще трясло.

— Меня Женя зовут.

Маша не ответила. Но девушку было не так-то просто остановить. Похоже, она любила поболтать. А может быть, по доброте душевной решила отвлечь ее от горестных размышлений.

— Нас в тот день всех обломали. И Асю тоже. Представляешь, приперлись в полном составе — двадцать человек — на студию, а нам даже пропуска в «Останкино» не заказали. Это все директор — debil. Думал, в концертной студии будет съемка, а оказалось, в маленькой, на ток-шоу. Вышел к нам на улицу, развел руками. Провел только основную группу. А вы, мол, гуляйте. Аська тоже надулась тогда. «Уйду», — сказала. Она такого отношения вообще не переносила. Сказала, — У меня, крутой мужик, обещал второй Волочковой сделать.

— Крутой мужик? — Маша повернулась к ней, — Это она говорила?

— Ну да! — с энтузиазмом наконец-то услышанной рассказчицы воскликнула Женя. — Крутой, говорит, круче некуда. Она познакомилась с ним в английском посольстве, представляешь?! И как ее туда занесло? Я вот в Москве родилась, а ни в одном посольстве еще на приеме не была. Господи, хоть бы в посольство Нигерии кто провел. Хрена! А Аська так жила, словно модные вечеринки — это ее второй дом.

— А что за мужик, она рассказывала?

— Еще бы! Ей ведь обычно не слишком-то верили. Ну, поймали пару раз на вранье, потом, знаешь как, правда — не правда, а все равно... Но тут она очень настаивала. Даже фамилию его назвала. Климов.

— Климов?

— Да ты что, с дуба навернулась? Климов — крутейший мэн. Пивной король. Не бандит, но даже те его не трогают. Умеет с ними разговаривать. У него еще очень крупное охранное агентство. Он с него начинал. «Пивной кружкой» он потом уж сделался.

— И этот Климов приударил за Асей?

— Она говорила, что да. На приеме от нее не отходил. Еще смеялась, что повесила себе нужный манок на шею. Ну, богатые мужики, мол, западают на дорогие украшения хуже баб. Это была ее теория. Если на девушке есть какая-нибудь дорогая цацка, то это для мужиков верная наживка. Они непременно обратят внимание. Тут какой-то секретный механизм в их мозгах срабатывает, мол, девушка дорогая, раз на ней сокровища надеты. Значит, пользуется популярностью у мне подобных. Значит, и мне ее подцепить не запахло, а очень даже почетно.

— Чушь какая-то. — Маша вытерла лицо салфеткой.

— Не скажи. У женщин в дорогих шмотках особый налет. От них веет популярностью в дорогих кругах. Мужикам ведь гордость, главное, свою потешить. Что им подцепить какую-нибудь дурочку с переулка? Плевать дело! Им подавай особенную, которой к ногам норковые шубы кидают. Ася, кстати, и о романе с Бобровым намекала. Тебе чего-нибудь известно?

— Нет. — Маша покачала головой. Хотела было рассказать, как Аське шуба досталась, но не стала. Зачем?

— У... — разочаровалась Женя.

— А что же за манок Ася нацепила?

— Ой, ну страшная вещь! — Девушка округлила глаза, — Она нам показала. Охренительный кулон. Такая штучка!

— К-кулон? — ноги у Маши подкосились, она схватилась за край раковины, чтобы не упасть.

— Ага! С таким голубым камнем. Аська сказала, что это коллекционный бриллиант.

— Ну?! — выдохнула Маша.

— Точно. Правда, она не дала его никому подержать. Сказала, что в банк несет. Чтобы дома не валялся. Честно говоря, я думаю, что ее из-за этого бриллианта и... — Женя замолчала, потом вздохнула и проговорила, — Разве ж можно такие ценности таскать в сумочке.

— Глупости! — отрезала Маша, из последних сил сохраняя спокойствие в голосе. — Пытались ограбить ее квартиру.

— Между нами. — Женя перешла на заговорщицкий шепот. — Она же прихвастнуть любила, только дай. Я удивлюсь, если она в метро этот кулон не рассматривала. Ее все время словно кто за язык тянул. Болтала на каждом шагу про драгоценности, которые ей дарят каждый день. А на приеме ее видели сотни людей. Нет, я не думаю, чтобы этот Климов позарился... Но мало ли кто в тот вечер ошивался в посольстве. Этот камень — целое состояние. Точно тебе говорю.

— Так, перерыв окончен, — В проем двери бесцеремонно просунулась голова Игната. — Марш на репетицию.

«Странно, — подумала Маша по дороге в зал. — Почему Климов не мог? Хотя если убрать легенду, что кулон жутко дорогой, а вспомнить оценку Коли, то получается, Климову он действительно ни к чему. Да что этот кулон вечно возникает в моей жизни?»

Никита оглядел ее довольным взглядом и причмокнул:

— Все. Полный аут.

— Это хорошо или не очень? — решила уточнить Маша.

— Это не просто хорошо. Это очень хорошо. — Он улыбнулся и, аккуратно обхватив ее голову пальцами, чтобы не помять прическу, заставил повернуться к зеркалу:

— Сама-то что скажешь?

Певица долго и пытливо вглядывалась в свое отражение. Красивая блондинка с испуганным взглядом. Страх она своего не стеснялась. Еще бы, первое публичное выступление. То, на музыкальном вечере, не в счет. То был экзамен. А теперь ее премьера в новом образе. Она должна явиться публике и покорить ее. Она должна завоевать самую тяжелую публику в Москве — расслабленных богачей, которые уже все в жизни перевидали. У которых виллы в Ницце и Каннах, счета в швейцарских банках и коллекционные машины. И коллекционные женщины. Как заставить этих пресыщенных всеми благами мира упасть к своим ногам, исполнив всего одну не слишком замысловатую песенку?

«Бобров, конечно, гад! — пронеслось в голове. — Выбрал сцену явно со смыслом. Чтобы освистали в наказание за все... За все... А за что, собственно?»

— Да не переживай ты так! — сжалился над ней стилист. — Чего мучаешь себя? Ну, выйдешь, ну, споешь. Даже если тебя не заметят — не катастрофа. Так, проба пера. Я в этой примерке столько малевал, что уже со счета сбился. Кто-то потом сам сюда приходил, на день рождения к Алле Борисовне, кто-то сгинул. Судьбу не обманешь. Если предписано тебе стать знаменитой, станешь. А нет — нет. Как ни выпендривайся...

— Ты меня успокоить пытаешься? — усмехнулась она.

— Я не договорил. Бобров — это тебе не мусор. Если ты под Сержем, значит, станешь звездой. И не сомневайся.

— Мне кажется, он уже сам сомневается.

— Он-то? — Никита презрительно фыркнул. — А что ты тогда тут делаешь?

— И то верно! — сказала больше себе, чем ему, Маша.

— Все, я пошел пить бренди. Успехов.

Он чмокнул ее в щечку и вылетел, оставив витать в воздухе дух дорогого одеколона и лака для волос. Одеколоном он сам пользовался, лаком ее волосы щедро полил. Маша сморщила нос. Хорошо, что она вымоталась. Хорошо, что приехала сюда прямо с репетиции. Игнат, Вовик и кордебалет на поддержку не решились. Расползлись по домам, сославшись на усталость. Пускай. Пусть сегодня вообще никого из знакомых не будет. Лучше бы и Серж не пришел. Она задумалась.

Разговор с Женей не выходил у нее из головы. Надо бы отдать кулон Сержу. Пускай делает и с ним, и с ней что пожелает. Ну в конце концов, сколько можно мучиться? Или лучше рассказать сначала Александру? Она мечтательно улыбнулась. Пожалуй, единственного, кого она хотела бы сегодня видеть, так это его. Ну, может быть, еще Егора. Хотя нет. Егор милый, даже очень милый. Он такой нежный, такой добрый, такой внимательный. Он так классно целуется. Но Александр... надежный. От него исходит такая сила, такая уверенность, что волей-неволей поверишь, что он единственный, кто может защитить от всех напастей. Даже от Боброва. Маша могла поспорить на что угодно, что, будь

Александр поблизости, он бы не позволил Сержу обходиться с ней столь дурно.

Дверь распахнулась. Сначала у Маши все внутри похолодело, начинаются ее мучения. Вошел меценат. С привычно хмурым видом оглядел ее, потом кивнул. Кажется, остался доволен. Ни здарсьте тебе, ни до свидания. Впрочем, через мгновение Машу перестал занимать Серж, потому что за ним в примерку вошел улыбающийся Александр. В его руках она узрела огромный букет белых роз.

Певица тут же покраснела до ушей, Бобров это заметил, нахмурился еще больше, буркнул:

— У него все со смыслом. Ну, — он повернулся к спутнику, — какой смысл у этих роз?

Сэр Доудсен несколько не смутился. Протянул цветы Маше:

— Чистые намерения.

— Ха! — гаркнул Серж. — Еще бы они у тебя были грязными. Ты же без пяти минут женатый человек.

Маша застыла на месте. Зачем он такое говорит? Как это грубо. Как бестактно. Просто по-хамски себя ведет!

— И вы думаете, это обстоятельство помешает мне пожелать удачи Марии? Вы ошибаетесь!

— Ну ладно, — великодушно согласился Серж и повернулся к подопечной, — Маш, нужно собраться. Я все понимаю, все. Ты волнуешься, ты переживаешь, но ты артистка. Ты очень хорошая певица, иначе я никогда не обратил бы на тебя внимание. Ты супер. И поверь мне, старому, умудренному опытом мужику, ты чудо. Будет жаль, если никто об этом так и не узнает. Покажи им сегодня. Сделай их. Чтобы они подавились своими бутербродами и захлебнулись своим виски. Я говорю тебе это не просто так. Я знаю, что ты это можешь. Давай!

Он вдруг перестал походить на обычного грозного продюсера, которого Маша уже привыкла побаиваться. От него вдруг повеяло теплом и надежностью. Почти такими же, как от молодого аристократа. Маша почувствовала, что сейчас он был готов защитить ее от всех и вся. Ей стало так хорошо. Серж обхватил ее плечи и, прижавшись губами к щеке, шепнул: «Я с тобой».

А когда выпрямился, вновь стал деловитым и слегка недовольным. Буркнул:

— Все, все. Пойдем, — он двинулся к выходу, подталкивая впереди себя Александра, — Идем. Наталия там одна. Господи, она меня испепелит! Ну помоги ты мне. Я же с ума схожу!

Он прошипел это с таким пылом, что сомнений не оставалось — этот человек умирает от любви. Или сгорает от страсти. Все одно, но сердце и голова его сейчас слишком заняты, чтобы думать о выступлении своей подопечной.

— Я присоединюсь к вам через пять минут, — проговорил сэр Доудсен, не сводя глаз с Маши.

Та опустила на стул и устала перед собой пустым взором. Значит, все, что сказал ей сейчас Серж, было дежурным напутствием. Сколько раз он, наверное, отправлял на сцену вот таким образом своих исполнителей. И она одна из них. Впрочем, чего же тут странного. И Александр... У него своя жизнь. Он вот скоро женится. Разумеется, это нормально. Он молод и красив, и так умен, и так... Он такой хороший, что было бы странно, если бы его никто не любил.

— Ваша невеста — англичанка? — тихо спросила она и положила букет, который до этого теребила в руках, на примерный столик.

Он сел на соседний стул:

— Да. Наши родители давно знакомы.

— Это так странно...

— Что именно? — мягко поинтересовался он.

— Ой, трудно объяснить. Каждому человеку кажется, что он пуп земли. Что вокруг него вся жизнь и крутится. Вот я... Со мной случились разительные перемены за считанные дни. Еще вчера я пела в клубе «Фламинго» и считала это большой удачей. А сегодня я тут. И мне казалось, что жизнь потекла как-то иначе, в другом ритме. Не только у меня, но и у всех. Серж... он был всегда рядом, он принимал такое участие в моих делах, был моим проводником. Он был рядом так часто, что мне начало казаться, будто я — единственное, что есть в его жизни. Но это не так.

— И вам обидно, что это не так? — Он попытался заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

— Головой я понимаю, что это нормально. Я же его работа. Но тут, — она прикоснулась к груди, — тут это понять невозможно. Знаете, я как ребенок, который считает: родители принадлежат только мне. Хотя какой мне Бобров родитель, — она грустно усмехнулась.

Александр коснулся рукой ее ладони, но сразу же испуганно отпрянул, словно посчитал этот жест недопустимым:

— Мария, вы очень важная часть его жизни. Вы его вера и надежда. Вы его опора в очень трудной и весьма суровой жизни. Вы его отдушина. Он понимает это здесь, — сэр Доудсен приложил пальцы к груди, потом коснулся ими виска, — Но здесь — нет. Идите и скажите ему все, что вы думаете и чувствуете.

— Но я же должна быть на сцене.

— А вы скажите это со сцены. Так даже лучше.

Они поняли друг друга. Он дружески улыбнулся ей и поднялся:

— Я буду за вас болеть.

— Спасибо.

Он вышел. Маша осталась одна.

«А ты? — подумала она. — Догадываешься ли ты, что только рядом с тобой я чувствую себя спокойно и хорошо? Как мне сказать тебе, что ты самый лучший человек, которого я когда-либо встречала?»

— А сейчас, дамы и господа, на сцене бомба! Открытие года! Встречайте, Мария Иванова! — с дежурным пафосом объявил конференсье.

Маша вышла на небольшую сцену и устоялась в темный зал, жадно ловя жидкие аплодисменты.

«Даже хорошо, что они заняты своими разговорами. Было бы куда хуже, если бы они встретили меня внимательной тишиной или авансовыми овациями. Труднее было бы», — успокоила она себя и, сделав над собой усилие, улыбнулась.

Пара-тройка голов обернулись в ее сторону, но до остальных гостей развлекательного комплекса «Кристалл», похоже, не дошло, что их знакомят с «открытием года». Вступительные аккорды пролетели как один легкий вздох — еще бы, всего два такта. У самой сцены за столиком сидели Бобров, Александр и та самая ослепительная красавица, которую она видела на недавней вечеринке.

"Так вот она, дама сердца. Чья? Невеста Александра? Нет, это Наталия, о ней говорил

Бобров. А невеста аристократа должна быть еще красивее..."

Сердце Маши ухнуло в пропасть, она закрыла глаза и, обхватив рукой микрофонную стойку, запела.

Когда музыка стихла, она открыла глаза. Ее одобрили столь же жидкими аплодисментами. Такого удара Маша не ожидала. В отчаянии она кинула взгляд на столик, за которым сидел Бобров. Александр хлопал в ладоши, ослепительно улыбаясь. Красавица Наталия что-то говорила меценату, слегка склонив голову к его уху. А сам Серж...

Маша вздрогнула. Он сидел развалившись, но с такой силой сцепив пальцы, что она со сцены смогла увидеть, как они побелели. Он не слушал Наталию, хотя и старался не показать ей этого. Он в упор смотрел на свою подопечную. Лицо его было хмурым, а взгляд суровым. Маша растерянно поклонилась и удалилась со сцены. В гримерке она без сил рухнула на стул, закрыла глаза. Вот он, вкус провала — горечь на языке и сухая пустота. Пусто везде — внутри и снаружи. Даже слез нет. И отчаяния нет. Отчаиваться себе позволяют люди, у которых есть хотя бы маленькая, хотя бы призрачная надежда. А когда все уже рухнуло, тебя обволакивает предательская вялость. Ничего не хочется, ничего не нужно. Так бы и сидела на этом стуле до самой смерти...

— Мария, я потрясен! — услышала она за спиной и распахнула глаза. В зеркале отражался счастливо сияющий аристократ. Разозлиться на него сил не было.

«Что он издевается? Потрясен! Он не видел, как меня приняли?!»

— Спасибо, — тихо пролепетала она и повесила голову.

— В чем дело? — спросил он весело.

— Александр, — единственным желанием ее было, чтобы он поскорее испарился, но что-то подсказывало ей, что он этого делать не собирается, — Не нужно меня успокаивать. Я в норме. Я смирюсь с этим, в конце концов, я же артистка...

— И замечательная!

— Сомневаюсь. Впрочем, не я одна. Весь зал в этом сомневается, да и Серж тоже...

— Что вы?! — округлил глаза потомок Доудсенов. — Он в восторге!

— Перестаньте, пожалуйста, — устало взмолилась она, — я его видела.

— Вы пока переодевайтесь, а я закажу шампанское, — он шагнул к двери.

— Нет, не нужно, ну прошу вас...

Он не стал ее слушать, поспешно вылетев за дверь.

Боброва он нашел там, где и ожидал, — у бара. Серж пил. Александр подлетел к стойке, выдохнул бармену:

«Бутылку шампанского. Лучшего» — и занял выжидательную позицию рядом с меценатом. Тот поставил стопку и пробубнил, не удостоив его взглядом:

— Наталия пошла играть. Сейчас хлопну парочку и отправлюсь к ней. Мне кажется, что сегодня она ко мне очень даже расположена, если она вообще когда-нибудь бывает к кому-нибудь расположена. Дьяволица!

— Милостивый государь, — сдерживая клокотавшую в горле ярость, холодно обратился к нему молодой аристократ. — У вашей артистки был дебют.

— Это не дебют, — хмыкнул меценат. — Так, маленькая проба голоса.

— Но она превосходно выступила!

— Сам знаю. — Глаза Боброва сверкнули злостью, потом он снова тупо уставился на пустую стопку.

— Тогда почему, позвольте спросить, она готова наложить на себя руки?

— А почему ты у меня спрашиваешь?

— Потому что вы ее продюсер, черт возьми!

— Спасибо, что напомнил. Кстати, завтра нужно приставить к ней директора. Не буду же я вести ее дела вечно...

— Я ничего не понимаю. — Александр растерялся. — Вы что, не собираетесь поздравить ее хотя бы? Или поддержать? Вам все равно, что она чувствует сейчас?!

— Знаешь, — Серж смерил его хмурым взглядом, — мне гораздо важнее, что я сейчас чувствую. И чувства эти мне не нравятся.

Александр сделал то, чего не делал за все время общения с этим человеком. Он накрыл его ладонь своею, хотя с большим удовольствием расколошматил бы ему голову набалдашником своей трости.

— Я прошу вас, пожалуйста, давайте зайдём в гримерку. Всего на минуту. Пара добрых слов еще никому зла не принесли, — тихо произнес он, — Я знаю, вы добрый человек. Вы ей сейчас очень нужны. А после этого мы вместе пойдем к Наталии. И я вывернусь наизнанку, но она будет вашей сегодня же.

— Да как ты не понимаешь, дурень, — начал было в каком-то иступленном отчаянии Серж. Но потом, махнув рукой, вдруг сдался, — Ладно, если обещаешь, идем.

Маша так и не успела переодеться. Она все еще сидела на стуле, опустив голову. Думала о том, что нужно бы пережить этот стыд, двигаться дальше, извлечь пользу из неудачи, постараться что-то сделать. Видимо, прав был Бобров сегодня на репетиции, когда сказал, что смотреть на нее неинтересно, что она не бомба. А она, идиотка, только разобиделась. Слушать нужно было знатока, исправляться.

«Старайся, и ты станешь секс-бомбой!» — мелькнул в голове почти рекламный слоган.

Она грустно усмехнулась. Дело в том, что никакая она не секс-бомба. Она не Ирма, какой хочет видеть ее Серж. Почему он именно ее избрал на эту роль? Для нее это истинное мучение.

— Чего сопли распустила? — с натужной радостью воскликнул Бобров с порога. — Ну?

Маша вскинула голову, поднялась со стула, вытянулась в струну, ожидая гневной отповеди. Однако ничего подобного не последовало. Серж вошел в гримерку, неся в руках бокалы. Поставил их на столик, взглянул на нее даже в какой-то степени лукаво.

— Отметим дебют?

— Зачем? — опешила певица.

— Как это зачем? Это же презентация твоей песни публике. Не абы какая, но тут уж я дал маху. Испугался, что ты песню не чувствуешь, хотел прогнать тебя по площадкам, чтобы немного раззадорить. Но вижу, что напрасно старался. Маш, ты халывщица, а не партнер, — он усмехнулся и посмотрел на вошедших Александра с официантом. Последний торжественно водрузил ведерко с шампанским на тот же столик. — Тэкс...

— В каком смысле халывщица? — не удержалась певица.

— В прямом, милая! — Бобров отобрал у официанта бутылку и сам разлил шампанское по бокалам, минуя всякий этикет с пробами и танцем вокруг этого дела. Затем он, стараясь не глядеть на нее, сунул бокал ей в руку, — В студии ты филошила, как только что стало понятно. Исполняешь ты эту песню прекрасно, можно писать прямо завтра.

— Но ведь в зале никто и внимания на меня не обратил... — Маша озвучила то, что приносило ей огромные страдания.

— Тьфу... — фыркнул Серж. — Это же «Кристалл». Тут никто ни на кого не обращает

внимания. Я тебе клянусь, будь на твоём месте Мадонна, её бы тоже не заметили. Все! Хватит нюнить! Дебют состоялся и был удачным. — Он поднял бокал.

— Но... — растерянно пролепетала Маша, не зная, чему уже верить.

— Верь мне! — словно угадав её мысли, гаркнул Серж и чокнулся с ней.

Александр поддержал его, коснувшись её бокала своим.

— Прошу прощения, — вкрадчивый бас в тишине показался раскатом грома.

Она вздрогнула и поперхнулась.

— Серж, на пару слов.

Глаза Маши приобрели размер мячиков для игры в гольф. Она пялилась на высокого брюнета с орлиным носом и маленькими черными глазками. Он походил на коршуна-подростка. Хотя волос уже коснулась седина и подростком он никак не мог быть. Но его руки и шея были настолько непропорционально длинными, что создавалось впечатление, будто они намного обогнали в росте все остальное тело. Ещё он казался невероятно худым, даже несмотря на скрывающий очертания фигуры пиджак. Но это было не главное, что напугало Машу. Она узнала в этом человеке того самого, с кем говорил Бобров на вечеринке. Он был тем, с кем Серж её делил. Мужчина окинул её заинтересованным взглядом, небрежно кивнул и скрылся за дверью.

— Ну, все, Маш. Езжай, отоспись. — Меценат не выглядел счастливым. Скорее неприятно взволнованным. Он наскоро похлопал её по плечу, — Машина у подъезда. Поезжай. Завтра репетиция.

И вылетел вслед за длинным субъектом. Александр тоже поставил бокал на столик.

— Вы напуганы? — предположил он как бы между прочим.

— И ещё как! — прошептала она.

— Это тот самый господин? Вы его узнали?

— А вы умеете читать чужие мысли?

— Отвечу, что да. Потому что, если скажу, что у вас все на лице написано, вы на меня рассердитесь, — он ей мягко улыбнулся.

— Я не знаю, что мне делать, — язык её от страха одеревенел.

— Последуйте совету своего продюсера — езжайте домой. Я провожу вас до машины.

— Н-но, может быть, сейчас они решают мою судьбу!

— Мария, — он накинул ей шубку на плечи, — Серж вас не предаст.

— Почему вы так думаете? — она поспешно запихнула будничную одежду в пакет.

Аристократ пожал плечами:

— Это не в его интересах в любом случае. К тому же я буду рядом.

У бобровского джипа Маша приостановилась, морозя шофера, распахнувшего перед ней дверь. Обернулась к Александру:

— Спасибо вам. За все.

— Что вы! — широко улыбнулся он. — Это вам спасибо. Сегодня я получил истинное наслаждение.

— Помните, мы говорили про Асю? — Неожиданно ей захотелось рассказать ему все. Она покосилась на водителя, и тот, хмыкнув, юркнул назад в машину.

— Разумеется, — посерьезнел сэр Доудсен.

— Теперь у меня есть кордебалет. И одна танцовщица раньше работала с Асей. Она говорила с ней в последний день, ну, тогда, вы понимаете?

— Конечно, Мария, продолжайте, — подбодрил он её.

— Ася была на приеме в посольстве Великобритании. Вы тоже на нем были, вы говорили. Там она познакомилась с неким Климовым, который, в общем, который проявил к ней большой интерес. Вы с ним знакомы?

— Увы, нет, — он развел руками. — Но я постараюсь узнать, кто он такой.

— А-а-а, — протянула она. — Тогда ничего. Я поеду. Действительно, устала...

Он вдруг прикрыл дверь и проговорил, глядя на нее в упор:

— Мария, если вы желаете что-то сказать мне, скажите, пожалуйста. Я не хочу вас пугать, но лучше бы не затягивать с этим.

— Что вы имеете в виду? — Голос ее предательски дрогнул.

— Если кулон все еще считается потерянным, у многих есть шанс спастись.

— Что?!

Повисла пауза. Он смотрел на нее, не отрываясь, довольно долго. А Маша так и стояла, выпучив глаза, лоя открытым ртом холодный ветер. Наконец он вздохнул и снова открыл перед ней дверь:

— Если вы ничего не знаете, то это очень хорошо. Однако в ином случае думайте, Мария, думайте. И если надумаете, позвоните мне.

Утром сэра Доудсена разбудил телефонный звонок. Он поморщился и вяло ответил:

— Аллооу...

— Дорогой, — недовольно задребезжало у него в ухе.

Александр тут же открыл глаза и тупо уставился в потолок. Кошмар продолжался. Как ни крути, как ни забивай себе голову чужими загадками, а от своего неотвратимого будущего никуда не денешься. Ему звонила Виолетта. И, судя по тону, звонила не ради сентиментальных фраз типа: «Как я по тебе соскучилась». Надо знать Ви, она никогда не тратит время на подобные пустяки.

— В Лондоне уже восемь утра, мой милый, я не ошибусь, если скажу, что в Москве одиннадцать?

— Ты, как всегда, права, дорогая.

— Хотела узнать, как у тебя продвигается с книгой Росмонда. Ты выполняешь дыхательную гимнастику?

— В восемь утра? Когда робкий луч едва коснулся прохладной росы на лепестках роз? — Молодой аристократ заозирался в поисках нужной книги. Потом вспомнил, что в то самое утро, когда судьба подсунула ему эту дрянь, он опрометчиво выкинул ее в мусорное ведро.

Видимо, невеста самодовольно усмехнулась. Стиль изложения свидетельствовал о том, что книгу читали. И все же она решила уточнить:

— Солнечный луч, как правило, выглядывает в пять утра.

— Это в Лондоне, милая. А тут у нас до сих пор тьма кромешная, — без зазрения совести соврал сэр Доудсен, шурясь от дневного света, пробивающегося сквозь гардины спальни.

— Вот как?! — Ви надула губки. — Что ж, очень жаль. Так что у тебя с дыхательными упражнениями?

— Все нормально. В смысле, оздоравливаюсь по полной программе. — Раз уж человек встал на путь лжи, лучше с него не сворачивать, а следовать твердым курсом. Иначе маленькая полуправда запутает все дело. Александр вспомнил о вчерашнем вечере, плавно

перешедшем в хмурое утро, и потер висок. Голова, признаться, гудела.

— Славно, — натянуто одобрила суженая. — А как тебе обливания?

— Превосходно. Как говорится, то, что нужно.

— Рада за тебя, — совсем почему-то погрузилась Ви, но вдруг оживилась. — Знаешь ли, мама пригласила того смешного типа, который все время говорит о своем коте. Он будет в Лондоне на следующей неделе.

— Держись от него подальше, — от чистого сердца посоветовал жених, — а то он тебя заболтает. Лучше смойся куда-нибудь...

— Вот как, ты все-таки ревнуешь. — Ви хихикнула. — Но я не понимаю, что тебе не нравится в господине Климове...

— Климове? — удивленно переспросил потомок Доудсенов.

— Да, замечательный господин. Так любит животных, у него доброе сердце... — кокетливо продолжала Ви, желая еще больше раззадорить далекого жениха. — Мы чудно проведем время.

— Что?!

Она не видела того кульбита, который выписал в воздухе Александр. Если бы она могла наблюдать этот трюк, достойный воздушного акробата, то наверняка приписала бы его благотворному влиянию закалывания по методу Дж. Росмонда. Однако писатель был тут абсолютно ни при чем.

«Черт возьми! — сказал себе потомок аристократов, когда приземлился на лопатки. — Борис Климов! Как можно было столь тесно общаться с человеком, не зная о нем ничего! Даже фамилии его не зная!»

— Ах, ну перестань, ради бога! — проворковала невеста, довольная эффектом от своего рассказа. — Он мне совсем не нравится. Ни капельки. Послушай-ка, я вышлю тебе еще пару книг о том, как подготовить себя к национальному заплыву через Темзу.

— Ага, — механически согласился сэр Доудсен.

— Ты думаешь обо мне? — перешла на взволнованное придыхание Виолетта.

— Разумеется. Как же без этого, — он закрыл глаза и помотал головой, чтобы привести в порядок мысли.

— Ах, милый. Совсем скоро мы будем вместе.

— Жду не дождусь...

Вот как, значит, обстоят дела. Климов, тот самый загадочный Климов, о котором рассказывала Анастасия, — это его кошатник Борис. И как все замечательно складывается у этого кошатника, если предположить, что и он имеет отношение к злосчастному кулону Ирмы Бонд. Допустим, он тоже участвует в охоте за украшением. И тут, о удача, Анастасия появляется в его поле зрения именно с этим кулоном на шее. Он делает ей пару комплиментов, девушка тает как свеча, он провожает ее... А дальше дело чистой техники. Он мог явиться к ней на следующий день и, отобрав кулон, убить. Теперь главное — уйти от конкурентов. И тут подворачивается семья Харингтон со своим тупоумным дружкой — молодым Доудсеном, который их и свел. Теперь он летит в Англию якобы лечить кота. Попутно вывозит драгоценность, и дело в шляпе. Неплохо! Но кто же еще участвует в поисках? Кто эти соперники Климова, от которых он пытается улизнуть? Бобров? Разумеется. Он и не скрывает своего намерения завладеть украшением. Еще этот длинный господин, о котором вчера Серж недвусмысленно отозвался «мразь и скотина». Впрочем, может, тут все дело в ревности? Тот тип уж очень уверенно вел себя рядом с обожаемой

меценатом Наталией. Кстати, вчера он его так Александру и не представил. Когда сэр Доудсен вошел в зал, Бобров с видом дохлой рыбины отирался возле стола для игры в рулетку. Наталия, сверкая глазами и драгоценными перстнями на пальцах, делала ставки. Высокий тип принимал в этом активное участие, двигая фишки ее рукой. Заметив молодого аристократа, он как-то сразу поскучнел и отошел к столу для игры в бридж.

— Кто это? — спросил тогда Александр у Боброва.

Вот тут-то Серж и назвал его:

— Мразь и скотина.

После чего Бобров, не теряя ни минуты, пристроился рядом с дамой своего сердца, и разговор о высоком типе, который довольно скоро растворился в толпе, стал невозможен. Значит, пока в погоне за кулоном певицы подозреваются трое: Климов, Бобров и тот долговязый. Мария наверняка знает что-то об этом украшении, но то ли не хочет выдавать своих тайн, то ли боится. Хотя понять ее можно. Как кулон вообще попал к Анастасии? Стоп! Что там говорила Мария? Она пришла на концерт в тот самый вечер, когда убили Ирму Бонд. Она пришла по приглашению Анастасии, которая в нем выступала. Значит, Анастасия была за кулисами. И значит, она могла где-то найти эту вещь. Может быть, ее обронил преступник, и, может быть, она что-то видела? Иными словами, она могла стать свидетельницей преступления. Какая-то странная история выходит. Ирму Бонд убили из-за украшения — это общепринятая в узких кругах версия. Но кулон почему-то не взяли. Он оказался у совершенно постороннего человека — Анастасии, которая в тот вечер просто была поблизости. Вскоре убивают и Анастасию. Убивают после того, как она появилась в обществе в том самом кулоне. Сэр Доудсен глубоко задумался. Чертовщина выходит. Получается, что общепринятая версия убийства ошибочна, и Анастасия завладела кулоном до убийства певицы. Но как? Не много найдется женщин, готовых с легкостью расстаться со своим украшением. Да еще и очень дорогим. Но если произошло именно так, то тогда преступнику незачем было убивать Ирму Бонд! В его же интересах было дожидаться, пока она снова завладеет своим украшением, и уж тогда действовать наверняка. Размышления его прервал очередной звонок. Александр нахмурился, но трубку поднял.

— Сэр Доудсен, — тихо проворковал женский голос. — Меня зовут Наталия Касальская.

Почему-то у молодого аристократа дух перехватило. Определенно чары этой женщины безграничны. Один ее голос заставляет трепетать мужские сердца.

— Не сочтите мое предложение бестактным, но я бы хотела пригласить вас на чай.

— Ме-еня? — удивленно выдохнул Александр.

— Я ведь вам звоню... — Она мелодично рассмеялась и вдруг перешла на дружеский тон с теплыми нотками, — Кажется, пятичасовое чаепитие входит в привычку всех англичан? Приезжайте ко мне к пяти вечера. Буду рада вас видеть.

В последние недели Александр познакомился со многими людьми, чей достаток явно превышал разумные пределы. Ему то и дело намекали, что он общается с теми, «кого вся Москва знает», но вот в каких бытовых, так сказать, условиях существуют все эти «сильные люди столицы», ему не представлялось увидеть. Квартира Бориса — не в счет. Он явно скупердяйничал. И вот, наконец, случай выдался. Дом, в котором жила Наталия Касальская, был большим и безвкусным, напоминающим постройку нуворишей средних штатов США: что-то отдаленно смахивающее на дурную уменьшенную пародию замка. Особенно потрясла сердце аристократа круглая башенка с красной черепичной крышей — образец отсутствия

таланта у архитектора. Вокруг дома зеленел слегка присыпанный снегом травяной настил, в центре которого высилась беседка в чугунных рюшах и завитках. Смотреть на нее сейчас было холодно. У края владений разбили нечто в псевдокитайском стиле: камни, заводы, подернутая льдом, чахлые от мороза лилии и искривленные деревца. Все это вымрет зимой, и весной садовнику предстоит новая работа. Кстати, прежде чем попасть на территорию Касальской, молодому аристократу пришлось миновать заслон из целого отряда суровых типов, призванных охранять поселок дорогих коттеджей, огражденных от мира высокой стеной, оснащенной великим множеством видеокамер и прочих устройств, изобретенных для того, чтобы испортить настроение непрошеным гостям.

«Видимо, в России опасно быть богатым», — подумал про себя сэр Доудсен, подходя к воротам.

Его весьма раздосадовал тот факт, что пришлось оставить такси за забором и измерить шагами почти весь поселок. По пути ему попадались разные, но одинаково безвкусные постройки. Так что к концу своего путешествия он уже перестал удивляться. Хозяйка встретила сэра Доудсена в зимнем саду. На ней было демократично-свободное длинное платье, черные вьющиеся волосы она распустила по плечам, что ее изрядно молодило. Увидев его, она улыбнулась и пошла к нему навстречу, ступая босыми ногами по мягкой ковровой дорожке. Александру тут же стало неудобно за свои ботинки.

— Как хорошо, что вы смогли выбраться, — радушно, но по своему обыкновению тихо проговорила она и, взяв его за руку, повела в пышные тропические заросли. — Чай мы накрыли там, среди орхидей. Мой садовник просто помешан на них. Вы знаете что-нибудь об орхидеях?

— Кроме того, что это варварские цветы, — к сожалению, нет.

— Варварские? Почему же?

— Ваш садовник не делится с вами своими секретами? — улыбнулся сэр Доудсен.

— Если бы я хотела, наверное, поделился бы, — с пренебрежением ответила она. — С меня довольно, что орхидеи просто есть в моем саду. Так что с ними не так?

— Эти растения паразитируют на других. Посмотрите, — Александр коснулся основания одной из орхидей. — Ваш садовник просто прикрепил растение к стволу лианы.

Наталия покосилась на цветок и сморщила нос:

— Фу, какая гадость. Плюнем на них. Давайте пить чай. У меня много сортов. Какой вы предпочитаете: мятный, ромашковый, липовый, зеленый, фито, лечебный, японский игольчатый...

Она, казалось, готова была перечислять до бесконечности. К двадцатому названию у потомка Доудсенов начало складываться впечатление, что он по ошибке забрел в чайный магазин. Не переставая проявлять огромные познания в сортах чая, Наталия усадила его в плетеное кресло, сама опустилась в соседнее и, наконец, замолчала, вопросительно уставившись на него. В неожиданной паузе он вдруг покраснел и смущенно кашлянул.

— Я вас заболтала, — Она улыбнулась ему одними губами. Глаза ее напряженно изучали его.

— Я пытаюсь вспомнить, какой чай вы называли первым, — ответил он.

— Это важно?

— Для моего сознания — чрезвычайно.

— Мятный.

— Благодарю. Но я вас не обижу, если выпью самый что ни на есть обыкновенный:

черный, со сливками и с сахаром. Я буду вам весьма признателен.

Она склонила голову набок и вдруг с несвойственной ей веселостью проговорила:

— Вы мне нравитесь. Правда. И очень. Вы так не похожи на всех, кого я знаю!

— Вот как? И что же меня отличает? Не пью липовый чай?

— Хм... — Она на мгновение сдвинула брови, коснулась губ длинным красным ногтем. — Вы кажетесь мне очень опасным...

— Я?! — вырвалось у него. Такого поворота в разговоре он никак не ожидал.

— Те, кто рядом со мной, — кролики в жабо.

— Очень странное определение.

— Верно. Человеку со стороны трудно это понять. Попробую объяснить... Иные наши натягивают фрак, манишку или жабо и мнят себя потомственными аристократами, хотя еще вчера вагоны разгружали. Их мысли можно прочесть как комикс, собственно, комиксами их мысли и являются. И все их поступки можно предугадать. Одним словом, все те, с кем мне пришлось общаться за последние десять лет, просты, как три копейки. И я уже привыкла к мысли, что все мужчины — кролики. Кролики в жабо. А тут появляетесь вы. Знаете, вы можете свести с ума любую женщину. И этим очень опасны.

— Мадам, вы открыли мне глаза. — Он старался удержать шутливый тон, хотя к этому моменту его сердце трепыхалось, как у того кролика, хоть в жабо, хоть без оно, — Теперь я буду сам себя опасаться.

— Вы напрасно шутите. — Наталия не улыбалась. — Вы другой. Вы притягиваете к себе хотя бы тем, что у вас внутри есть сила. К вашему плечу хочется приклонить голову. Верите, я никого не приглашаю к себе в гости. И уж тем более никого не зову к себе в друзья. А вас зову. Почему?

Его этот вопрос занимал, пожалуй, даже больше, чем ее.

— Потому что я вас боюсь, — ответила она после напряженной паузы. — Я считаю, что такого опасного человека лучше иметь в друзьях, нежели во врагах.

— Но помилуйте, — он развел руками. — Я и не собирался становиться вашим врагом. Что за странные фантазии?

— Фантазии? — Она хмыкнула. — Мне простительно ждать подвоха с любой стороны. Почему не с вашей? Вы друг Сержа и враг Бессмертного.

— Но Серж прекрасно к вам относится...

Она закинула голову, сощурилась, глядя на фиолетовое небо сквозь стеклянный потолок:

— Какое высокое небо! В городе этого не видно. Оно так прекрасно, как самая красивая мечта, до которой нельзя дотянуться рукой. Но, в сущности, что есть небо? Воздух. Много-много воздуха, который и здесь, на земле, повсюду. Смотрите, — она сжала кулак. — Я держу в руке немного неба. Немного мечты... — Она разжала ладонь и вдруг рассмеялась, — Но никакой мечты нет, одна пустота.

Сэр Доудсен не знал, как себя вести. Смеяться вместе с ней он не мог. Странно, но разделить ее смех сейчас казалось ему кошунственным. Смех этот был горьким.

— Я понимаю, как вам сейчас нелегко, — осторожно проговорил он. — Сознать, что муж в тюрьме. Это ужасно, но мужчины нередко причиняют женам боль. Он этого не хотел, я уверен.

— Перестаньте! — отмахнулась она. — Вы не знаете Юра мерзкий ублюдок. Я уверена, что он ни на секунду не задумался обо мне, когда принял решение участвовать в

сомнительной сделке. Но я смотрю, что Бобров не терял времени. Он рассказал вам обо мне очень много.

— Вы ошибаетесь. Серж ни словом не намекнул, что вы жена Юрия Касальского. Он вас просто мне представил. А остальное я уже додумал.

— До чего же еще вы додумались? — Она усмехнулась, пристально глядя ему в глаза.

Молодой аристократ потупился, не в силах выдержать этот требовательный взгляд:

— Думаю, вы очень устали... У вас есть все, но это как небо: когда разжимаешь кулак, там пустота. Вокруг вас пустота, и вы не можете ее побороть. Она сильнее вас. Когда-то по какой-то причине вы очертили вокруг себя круг. Вы и сейчас не пускаете людей за эту черту. Даже мужа вы за ней держите. Люди рядом с вами кажутся вам ничтожествами, потому что вы привыкли, что они от вас чего-то ждут. Они восхищаются вами, потому что им что-то нужно от вас. И именно поэтому вы их презираете. Но мне от вас ничего не нужно. Я восхищен вами только потому, что вы очень красивы и умны.

— Вот как? — Она вскинула брови, и взгляд ее стал холодным. — И вы не хотите, чтобы я свела вас с Бессмертным?

— Вы? Меня? — искренне удивился он.

Она озадаченно посмотрела на него, пробормотав:

— Он вас ненавидит. Вы перекрыли кислород одному из его лучших бизнесов. Его транспортной компании.

— Если бы мне нужна была чья-то помощь в этом вопросе, я уж скорее обратился бы к Сержу Боброву, — твердо ответил Александр.

— Но вы же видите, как Бессмертный крутится возле меня. Стоит мне щелкнуть пальцами, и он забудет все ваши разногласия.

— Или пристрелит меня из-за угла, — улыбнулся он. — Подождите, не тот ли это высокий господин, который был с вами в казино «Кристалл»?! Это и есть мифический Бессмертный?

— Вы либо очень хитрый, либо самый большой профан, какого я видела! Да, это Вася Бессмертный — мой ухажер взамен мужа, заключенного под стражу.

— Ох, — Сэр Доудсен откинулся на плетеную спинку кресла. — Наверное, сейчас самое время придумать про меня анекдот. Хотя чего тут еще придумаешь, уже есть все детали.

— Я поговорю с ним.

— Ни в коем случае, — Александр резко мотнул головой. — Я сам все улажу.

Она опять склонила голову набок, изучая его. Потом прищурилась:

— Вот как? Но он очень опасный человек.

— Это я уже успел заметить. Однако я настаиваю. Я справлялся с ситуацией раньше, справлюсь и в будущем.

— Вы самонадеянны, молодой человек.

— Это один из моих наследственных недостатков. Все мои предки, знаете ли, отличались этим пороком. Взять хотя бы отца. Ну кто ему сказал, что он великий химик, способный придумать желудочный эликсир, который будет употреблять каждый второй англичанин? Подумай он хоть секунду на эту тему, вряд ли он его изобрел, не так ли? — Сэр Доудсен усмехнулся. — А дед ни с того ни с сего решил, что он прекрасный военный летчик. Представляете, ему поверили. Сначала немцы, потом старшие офицеры британских войск. Мне стыдно прибегать к чьей-либо помощи в таких простых вопросах, как переговоры с

довольно обычным криминальным субъектом вроде вашего Бессмертного. Да все мои прашуры явятся ко мне в ночном кошмаре и затерзают до смерти.

— Вы удивительный, — резюмировала она, когда перестала смеяться. — Вы нравитесь мне все больше и больше. Я обещаю: даже не скажу ему, что вы были у меня в гостях. Вы назвали его криминальным субъектом. В правы, скорее всего. Вася — жесткий тип. Но он, во всяком случае, честный. У него много хороших качеств. Каких нет у Сержа Боброва.

— Извините, но вы говорите о моем друге.

— Как вы только что говорили о моем. Так что мы квиты. Раскройте мне тайну, над которой я ломаю голову не первый день: с чего это Серж вдруг стал проявлять ко мне столь пристальное внимание? Просто хоть мухобойкой от него отмахивайся.

— Я не вправе раскрывать секреты чужого сердца. Поговорите с ним сами, — молодой аристократ слегка покраснел.

— Перестаньте, — скривилась Наталия. — Он уже раз сто признался мне в пылкой любви. Только все это — полный бред. Я знаю его много лет. Он лучший друг моего мужа. Он частый гость в нашем доме. Так что поверьте, я имею представление, о ком говорю. Серж всю жизнь испытывал ко мне сильнейшее чувство. Но не любовь, а страх. Он бы с радостью придушил меня еще месяц назад. А теперь, когда я осталась одна, он вдруг завертелся волчком. Что ему нужно?

— Страх? — Александра поразила именно эта информация.

— Долгая история, — погрустнула она. — Видите ли, мой муж — известный бабник. Я знала это всегда. И вышла за него без всяких иллюзий. Просто он был тем, кто нужен женщине, которая желает прожить в комфорте до самой старости. Он моя денежная машина. Я его гордость. Еще бы, красавица жена. У нас был бы хороший союз, но Юра не всегда скрывал свои интрижки на стороне. И не всегда мог обуздать себя. Соответственно, иногда мне приходилось прижимать его к ногтю. Он слабак, поэтому труда мне это не составляло. Я знала всю подноготную его бизнеса, однажды мне удалось скопировать очень важные документы, оглашение которых грозило ему хорошим тюремным сроком. Другими словами, я его шантажировала, и ему приходилось меня слушаться. Кстати, в этих же документах фигурировала подпись нашего дорогого Сержа. Это их обоих выводило из себя. А Серж каждый раз бледнел в бессильной ярости, когда видел меня. Но теперь он, кажется, хочет представить дело так, будто влюблен. Он подбирается ко мне. С чего бы?

— Мне кажется, что Серж чист перед вами. Он действительно вас любит.

— Не думаю. Еще не родилась такая женщина, которую бы полюбил Серж. Поначалу мне казалось, что он влюблен в эту свою певичку — Ирму Бонд. Но когда он свел ее с моим мужем, а главное, позволил тому завязать с ней роман...

Сэр Доудсен закрыл лицо ладонями, чтобы скрыть смятение на лице, и прошептал:

— Вы так спокойно об этом говорите.

— Перестаньте! — воскликнула она. — Я жила в этом много лет. И я была над всем этим. Я твердо знала, что Юра никуда от меня не денется. И я смеялась над всеми ними с их интрижками, любовью и прочим бредом. Я была главной. Я управляла ситуацией, понятно? И плевать мне, сколько раз и с кем спал мой дорогой муженек. Но сейчас меня волнует Серж. И все это началось после смерти той дрянной певички.

— Почему вы так о ней говорите?

— Думаете, жестоко? Но ведь я называю вещи своими именами. Она вечно таскалась с чужими мужьями.

— Вина мужей в том не меньше.

— Странно это слышать от мужчины, — усмехнулась Наталия. — Ирма желала отбить хоть кого-нибудь из этих толстосумов у жены. Ей надоело петь, тем более что делала она это плохо. Рано или поздно это заметили бы. А пока еще мужчины штабелями валились к ее ногам. И она использовала их слабость на полную катушку. Удивительно, но я все никак не могу понять ее секрет. Почему? Что в ней было такого, чего не было... — Она неожиданно осеклась, но потом тихо договорила, поправившись, — ...что к ней так тянуло мужчин? Обычная девчонка с периферии. Вы знаете, что она слизала мой гардероб?! Покупала вещи какие ношу я! В тех же бутиках! Но дальше шмоток дело не пошло. Она же дерево. Ни мозгов, ни воспитания, ни должного образования. Она и разговор-то не могла поддержать. Она просто терялась, не зная ничего. Нонсенс. Ведь таких, как правило, не любят. Таких используют.

Сэр Доудсен понял, что разговор зашел за грань всех приличий, а потому, накрыв ее ладонь своею, миролюбиво произнес:

— Наталия, Ирма — это прошлое. Вам следует забыть об этом. Выкиньте из головы. Какой бы она ни была, она больше не причинит вам боль. А Серж хороший человек. И добрый. Хотя сразу этого и не скажешь. Но поверьте, я наблюдал, как он из грубого болтуна вдруг превращался в человека широкой души. Он умеет дарить людям радость. А это, мне кажется, самое прекрасное в человеке.

Она удивленно хлопнула глазами:

— Вы думаете, он хочет меня поддержать в трудную минуту? Меня?!

— Я понимаю, вас это удивляет...

— Так же, как если бы кролик запрыгнул в клетку с тигром, чтобы протянуть ему лапу помощи. Не смешите меня. — Она вдруг подскочила с несвойственной ей прытью и бойко предложила, — А хотите, я кое-что вам покажу? Посмотрим, что на это выдаст ваш пытливый ум.

Пока сэр Доудсен осматривал нижнюю гостиную, в которую хозяйка приволокла его почти силой, она совсем по-девичьи, абсолютно не соответствуя своему статусу светской дамы, в прямом смысле сверкая пятками, унеслась на верхний этаж. Гостиная походила на ту, которую молодой аристократ и ожидал увидеть, — богатая, вычурная, предназначенная, чтобы поражать приглашенных. Снаружи у дома был лишь ложный фасад, настоящий был тут, среди дорогих гобеленов и китайских ваз, внушительного полотна Матисса, которому позавидовал бы и Лувр, и старинного клавесина, уставленного фарфоровыми статуэтками прошлых веков, словно комод, из чего гость сделал вывод, что на инструменте никогда не играют. Александр усмехнулся. Рояль — этот бесспорный атрибут светских салонов — в России стал немодным. Теперь его место занял не такой внушительный, но зато куда более дорогой экспонат музея музыки.

«Эдак и до органов дело дойдет», — подумал потомок Доудсенов.

Ему не понравился интерьер комнаты. И даже не в безвкусице было дело. Тут не чувствовалась душа хозяев. Словно их не интересовало, чем заполнить пространство. Словно не было у них ни увлечений, ни семейной истории. Главное наполнить каждый сантиметр пространства чем-то дорогим и впечатляющим. Это так не походило на английские дома, где каждый миллиметр площади был заполнен смыслом. Даже в безликих комнатах для гостей, готовых распахнуть свои объятия любому постояльцу, просматривался хозяйский умысел. Александр вспомнил Голубую комнату в своем родном замке. Эта обитель успела за свое

существование принять столько знатных гостей, что, зайдя они в нее в одночасье, непременно задохнулись бы в тесноте. Кардиналы, епископы, лорды, баронеты, графы... Бывали и принцы, правда, очень давно, тогда замок еще не принадлежал семейству Доудсен. И по сей день она открывается лишь в случае посещения замка очень именитым или дорогим сердцу хозяев гостем. К примеру, лорд и леди Гладхем останавливались в ней, когда привезли свою дочь Беллу в этот дом на бал по случаю ее помолвки с Петром Доудсеном. А Розовая спальня, иначе именуемая как Спальня Смешливой Глэдис, в которой по собственному желанию не решится остановиться ни одна девица во всем Британском королевстве! Ну, разумеется, никакого привидения там быть просто не может. Всею виной старинная история и ленивые дворецкие, из рода в род служившие в замке. Легенда гласит, что дочь тогдашнего владельца замка Глэдис Уомбери, а в XVI веке он принадлежал именно ему, была влюблена в местного молодого священника. Парня замечательного, но, к сожалению, бедного. Семья Уомбери к тому времени порядком поизносилась и надеялась поправить положение, выдав красавицу дочь за богача. Узнав о намерении отца, Глэдис пришла в отчаяние и в день объявления помолвки выкинулась из окна, которое находилось аккуратно над глубоким рвом с водой. Говорят, отец ее как раз зашел к ней в ту минуту, когда она собиралась совершить смертельный прыжок. Он уговаривал ее одуматься, но она, расхохотавшись, сиганула вниз. Ров давно засыпали, от каменной стены с бойницами остались лишь живописные воспоминания, увитые плющом, а привидение Смешливой Глэдис и по сей день живет в Розовой комнате. Молодой потомок знатного рода в эту чушь не верил, полагая, что звуки, которые иногда по ночам слышатся в комнате, — плод воображения, помноженного на сквозняки, неотъемлемое условие старинных построек, как и несмазанные петли. А может быть, какой-то недочет дворецкого. Однако обычаи в замке блюдут, а потому каждая невеста, собирающаяся стать хозяйкой замка, обязана провести в Розовой комнате свою кошмарную ночь перед объявлением о помолвке. Еще молодые хозяева обожают размещать в ней незваных тетюшек и школьных приятелей, чтобы потом вдоволь повеселиться. В последнем случае Смешливой Глэдис помогают пугать гостей, нарочно завывая и хохоча под дверь. Александр улыбнулся, припомнив, как, воспользовавшись отсутствием родителей, запихнул в Розовую комнату своего университетского приятеля Реджи Тилбери и как тот наутро поклялся больше не прикасаться к спиртному, рассказав ему о жутких звуковых галлюцинациях.

«Мне казалось, Александр, что ты сошел с ума и гогочешь, прямо как мой дядюшка лорд Тилбери».

— Вы не устали ждать?

Сэр Доудсен вздрогнул и оглянулся. Удивительно, как меняет впечатление о человеке знакомство с его жилищем. В Наталии не изменилось ничего, но более она не казалась молодому аристократу восхитительной, загадочной женщиной. В его глазах она превратилась в еще одну богатую даму. Красивую, но совершенно обыкновенную, которой очень шло ее простое платье и распущенные волосы.

— Идите-ка сюда. — Она села на диван в стиле рококо и похлопала ладонью рядом с собой, — Присядьте.

Александр послушался. Она все еще тяжело дышала, словно бегала по дому в поисках того, что собиралась ему показать. Разжав кулачок, она с нескрываемой гордостью глянула на него. Сэр Доудсен удивился. На ладони ее лежал обыкновенный золотой перстень с большим чистым изумрудом. По виду весьма дорогой и для женской руки несколько

тяжеловатый.

— Как вам? — спросила Наталия.

— Хм...

— Возьмите его, рассмотрите. — Она ухмыльнулась, подкинув перстень на ладони. —

Ну же, не обожжет!

Молодой аристократ повертел перстень, рассматривая камень на свет.

— Ну что же вы, неужели не замечаете?! — В нетерпении она тронула пальцами перстень, поворачивая его к лампе. Она подалась вперед, наклонилась и словно невзначай виском коснулась его лба.

Сэр Доудсен отстранился. Она тоже. В ее черных больших глазах метались шальные искры. Он замер, боясь пошевелиться. На него накатило оцепенение. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Да что там, он и моргнуть-то был не в состоянии. Эта женщина обладала силой. Но силой не притягивающей, а пугающей. Силой, способной утянуть мужчину в самую глубокую пучину, откуда живым он уже не выберется. Сейчас он понял, что влекло к ней Сержа и других. Не магическая красота, а эта ее уверенность, что ей все подвластно. Что она управляет людьми и, намечая очередную жертву, точно знает, что та, как бы ни сопротивлялась, окажется в ее сетях. В этой непоколебимой уверенности и был заключен магнит, притягивающий к ней мужчин. Мужчины желали обладать властью. А она была ее живым воплощением. Он покачал головой, стряхивая наваждение.

"Таких бы в клетках держать для их же блага, — мелькнуло в его голове. — Сама не знает, насколько опасна! А если знает, то и того хуже. Может использовать. Что, собственно, и делает".

— Как странно, — тихо проговорила Наталия. — Кажется, теперь вы верите, что Серж меня боится.

— Серж вас любит, — упрямо повторил Александр. — И вы это знаете. Он не может вас не любить.

— А вы? — Она склонила голову набок. Крупные черные локоны упали ей на лоб.

— Я?! — Он задохнулся. — Наверное, у меня нет шансов, и когда-нибудь я тоже вас полюблю.

— Если не сбежите! Прямо сейчас, — еле слышно сказала она. — Но если сбежите, то не узнаете тайну этого кольца.

— А это важно? — честно признаться, молодой аристократ уже подумывал о таком исходе визита. Это было недостойно, но более всего на свете он желал как раз сорваться с треклятого дивана и со всех ног припустить прочь.

— Как знать. — Она лукаво усмехнулась, явно играя с ним. — Быть может, только вы сумеете мне помочь, узнав эту тайну. Ну же?

Она выжидательно, не мигая, уставилась на него. Сэр Доудсен призвал на помощь свое знаменитое итонское воспитание. И на сей раз оно не подвело. Он выпрямил спину и, спокойно выдохнув, мягко ей улыбнулся:

— Что ж, я готов.

Неожиданно она смутилась, отвела взгляд, покачала головой и прошептала:

— Вы удивительный. Вы другой! — Потом пришла в себя, вскинула перстень к свету, — Смотрите. Там, под камнем, видите надпись на золоте? Ну?

Сэр Доудсен взгляделся, пробормотал:

— Очень мелко, но это какие-то цифры. В два ряда, кажется. Их очень много.

— Точно. Это произошло почти десять лет назад, наши отношения с Юрой были уже не безоблачны, но видимость приличий он все еще сохранял. А любил он меня всегда, независимо от того, изменял или нет. В России тогда были непростые времена. Куда более опасные, чем теперь. Дележ государственной собственности. Самый пик. Сплошные подставы и убийства. Тех конкурентов, которых не успевали подставить и посадить, попросту убивали. Юра попал в сложную финансовую ситуацию, связанную с первой чеченской кампанией. На него повесили огромный долг государству. Мы выехали в Париж, и там он почувствовал, что за ним следят. Все было очень серьезно. На него давили с двух сторон. С одной — грозили посадить, изъяв все имущество, с другой — убить в подворотне. Единственным выходом было активизировать замороженные счета. Но нужно было переправить информацию о них в Москву. Как? Ведь он не мог вылететь в Россию — за ним следили. И все его связи были на контроле. Телефоны прослушивались, курьеры не остались бы незамеченными. А в Москве серьезно заболела моя сестра. В это сложное время он преподносит мне вот этот перстень. Я лечу в Россию, он умоляет меня не снимать с пальца кольцо. И что вы думаете? В аэропорту меня встречает Серж. Он не знал, что я догадалась об идее моего муженька. Я рассмотрела его подарок и нашла вот эти циферки. Кстати, потом, выписав их, я нашла документы с этими счетами, а это именно банковские счета, и составила внушительный архив противозаконных деяний.

— Н-да... — ошарашенно выдавил из себя Александр.

— Теперь сопоставьте факты. Мой дорогой муж был в Лондоне со своей ненаглядной Ирмой Бонд. Его там и арестовали по подозрению, что очень большие суммы зависли на секретных счетах, до которых если только докопается ваша британская полиция или Интерпол, то Юрочке несдобровать. И деньги заморозят, и его надолго упекут. Есть у него выход? Думаю, был — Ирма Бонд. Она вылетает в Лос-Анджелес, чтобы замести следы, а потом появляется в Москве. Но ее убивают. Я предполагаю, что за счетами охотятся многие. На этот раз информация каким-то образом всплыла на поверхность нашего вонючего болота. Иначе Ирма спокойно передала бы подарок Юрика Сержу и жила бы дальше, продолжая радовать своих поклонников. Я думаю, что за счетами охотится Вася Бессмертный, который потеряет половину своего состояния, если их не найдет. Серж, разумеется, тоже. Есть у меня на подозрении еще парочка деятелей.

— И вы так спокойно говорите о людях, которые посещают ваш дом? — Молодой аристократ приподнял левую бровь, что по силе соответствовало не меньшему удивлению, чем если бы он увидел цунами в трех ярдах от своего дома. — Они клянутся вам в любви, а сами за вашей спиной...

— Мы живем в волчьем мире, где даже кролики грызутся, — спокойно ответила она. — Меня бесит совсем не это, а то, что я не владею ситуацией. Понимаете, я ничего не могу поделать. Я не могу сопротивляться. Я даже не могу передать эти чертовы счета в руки закона, чтобы раз и навсегда прекратить дурацкую охоту. Видите ли, — она вздохнула, — я очень устала от всего этого. От этой возни дурацкой. От измен моего мужа. Это чудовищно, но я как никогда желаю, чтобы он надолго остался за решеткой. Поверьте, у меня достаточно сбережений, чтобы уехать в Париж и жить там безбедно до конца своих дней. Мне совсем не хочется повторять тот десятилетней давности кошмар, когда я боялась засыпать по ночам, а у постели больной сестры лишний раз не зажигала лампу, опасаясь снайпера. Сейчас со мной может случиться все, что угодно. И это я хорошо понимаю. Я хочу разрубить этот узел. Найти счета и отдать их прокурорам. Все равно каким. Нашим, вашим, лишь бы все это

закончилось. Пока счета не найдут, меня не оставят в покое. Серж думает, что я знаю. Бессмертный думает, что я знаю. Но я не знаю. Я действительно была в Париже. И мы встречались с Юрой за два дня до того, как он уехал в Лондон к этой своей певичке. Мне он ничего не дарил, он не просил что-то везти в Москву. Поэтому мне кажется, что на этот раз секретную миссию выполнила Ирма Бонд.

— Но если ее убили и то, что она должна была передать Сержу, у нее забрали, значит, все и так закончилось, — Сэр Доудсен испытывал смешанные чувства восхищения этой сильной женщиной и страха за ее судьбу. Ему очень хотелось помочь ей, но как?

Наталия покачала головой:

— Не похоже на то, чтобы все закончилось. Мне кажется, что какое-то звено выпало из цепи. Расскажу вам все, раз уж начала... Поскольку муж в тюрьме, компания «Своровски» без зазрения совести прислала счет его жене. Эти швейцарцы весьма щепетильны в финансовых вопросах. Счет пришел два дня назад на сумму три с половиной тысячи евро. Разумеется, я позвонила на фирму и поинтересовалась, с какой стати, собственно, я должна его оплатить. Знаете, что я узнала? Мой муж купил кулон из горного хрусталя. Конечно, я могу предположить, что он собирался сделать мне подарок. Но Юра знает мое отношение к безделушкам такого рода — я их терпеть не могу. Он мог бы подарить мне бриллианты, изумруды, рубины или сапфиры, но горный хрусталь — пфи! Тем более он купил его в спешке, как уцененный товар. Кто-то из клиентов этот кулон заказал, но не забрал. Такие презенты, как вы понимаете, не по мне. Я сделала нехитрый вывод — побрякушку он подарил певичке. Просто так или с умыслом — этого я не знаю. Но вспомните историю десятилетней давности. Все повторяется. По крайней мере схожесть ситуаций явно налицо. Что вы об этом думаете?

Странное чувство осталось у сэра Доудсена от разговора с Наталией Касальской. Несомненно, она непростая женщина. Сильная, волевая, много пережившая и теперь с трудом находящая силы, чтобы быть стойкой перед лицом неудач. Но не это смущало его. Что-то, какая-то фраза в их разговоре заставляла его снова и снова возвращаться к нему. Снова и снова вспоминать каждое слово, каждый жест. Какая-то загадка была в ее рассуждениях. Но какая, он понять не мог. Конечно, он попытался успокоить ее, заверив, что непременно проведет свое расследование, поговорит с Сержем, во всяком случае. Наведет справки. Непонятно почему, но она ему поверила. Расстались они по-дружески тепло. Она даже доверчиво чмокнула его в щеку. Кулон, увиденный им на Анастасии в посольстве, теперь не выходил у него из головы. Описание уж больно совпадало. Да и Серж, когда он говорил об украшении «необыкновенной ценности», сочинив, что тот фамильная реликвия жены Юрия, то есть Наталии, его глаза горели алчностью и азартом. Где же этот проклятый камень? У Марии? Но как он мог к ней попасть? Только если Анастасия ей его отдала. Однако это даже звучит странно. Зачем? Сколько же загадок!

Неделя у Маши выдалась тяжелой. Каждый день с утра запись на студии, вечером репетиции программы с кордебалетом. А сегодня Серж вдруг заговорил о съемках клипа.

— Так рано? — удивилась она. — Я же еще ни разу не выступала на большой публике, ни одной моей песни не крутят на радио.

— Пусть будет, — отрезал он. — Меня хочешь поучить, как в шоу-бизнесе выживать?

Он был хмур по обыкновению. Виделись они редко, но, что называется, метко — он успевал выговорить ей положенные замечания, отругать за «лень и затягивание записи песен», неодобрительно отозваться об ее внешнем виде, в общем, выполнить свою обязательную программу на все десять баллов. Маша поначалу даже удивлялась, где он накапливает столько негативных эмоций. С грустью вспоминала слова Александра: мол, ты его отдушина. Уж что верно, то верно. Как в воду глядел аристократ. Бобров в свою отдушину от всей души плюет, выплескивает весь накопившийся сарказм. Наверное, он и заводит себе безропотных артистов, чтобы глумиться над ними в дурном настроении.

— Давай еще раз про дожди и эту... погоду нелетную, — Он плюхнулся на стул в центре зала.

Маша вздохнула. Танцевальная группа разделяла ее страдания. Они уже пятый час репетировали. Стрелки перевалили за десять вечера. Пора было расходиться, все устали. А меценат, он же продюсер, как Карабас-Барабас, готов щелкать плеткой до самого утра. Она встала на исходную позицию. Оперлась на стул, с которым должна была танцевать на протяжении всей песни.

— Шляпу возьми, не хрен халявить! — рыкнул Серж.

Певица подавила в горле первый приступ рыданий — неизменный конец их дебатов. Казалось, он специально доводит ее до слез. Зачем? И тут она припомнила, что сегодня ее ждет внизу Егор. Теплая волна пробежала от макушки к подбородку.

«Вот и замечательно, плевать я хотела на этого самодура!»

Это был хороший номер. И не просто хороший, а замечательный. Всю песню она должна была обыгрывать стул. Сначала одна, потом с партнером-танцовщиком. И еще у нее была широкополая шляпа. В ней она становилась похожа на американскую контрабандистку времен сухого закона. И музыка хорошая, явный шлягер. Легкая, игривая, простая для запоминания.

«...и ерунда, что погода нелетная,

Я до тебя по земле доберусь...»

Им всем нравился этот номер. Они готовы были исполнять его, даже изнемогая от усталости. Когда стих последний аккорд, Бобров хлопнул себя по коленям, словно не мог дождаться, когда все закончится, встал и направился к выходу, по обыкновению буркнув на ходу окончательный вердикт:

— Эту и будем снимать. Завтра встретимся в моем офисе с режиссером.

Он ушел, а Маша вылетела в коридор в надежде увидеться с Егором. Тот сидел на подоконнике, болтал ногами.

«Как школьник, которого оставили после уроков», — мелькнуло у нее в голове.

Она подбежала к нему, чмокнула в щеку.

— Не, так не пойдет. — Он стиснул ее в крепких объятиях, прижал к себе. — Я тебя

третий час жду. Сначала на улице торчал, потом в холле, потом уговорил охранника пустить меня поближе к залу. Так и добирался мелкими перебежками. Оказывается, путь к сцене труден и тернист.

— Партизан, — улыбнулась она.

— А это кто?! — прогудело у нее за спиной.

Егор от неожиданности вздрогнул, вытянул шею, чтобы рассмотреть нахала. Нахалом, к ужасу Маши, оказался все тот же Бобров. Сейчас он стоял, сверля парочку гневным взглядом. Мария старалась припомнить, есть ли в контракте пункт, запрещающий ей какую бы ни было личную жизнь. Такого не припоминалось. Хотя, если учесть легкость, с которой она поставила свою подпись, она могла этот пункт просто не заметить.

— Э-это Егор, — запнувшись, сказала она почти шепотом.

— Я тебе машину хотел подогнать, — краснея на глазах, прорычал продюсер.

— Я ее доведу, — ничуть не смутившись, ответил ему Егор.

«Эх, — с тоской подумала певица. — Тебе-то, конечно, нечего пугаться. Можешь смело строить из себя храбреца. Все шишки — мне».

— Ах так. Что ж, ладно, — несколько разочарованно протянул вдруг Бобров, наверное, решив, что скандал в коридоре, пожалуй, перебор, — Вернулся, хотел сказать, что жду тебя завтра после студии. В общем, в шесть в моем офисе.

— Хорошо. — Она поспешно кивнула, опасаясь, как бы он не передумал насчет скандала.

Но он не передумал, развернулся и быстро исчез на лестнице.

— Фу... — вырвалось у нее. — Пронесло.

— Да пошли ты его куда подальше! Жирный урод! — Егор развернул ее в сторону зала. — Иди одевайся быстрее. Я ужасно проголодался.

— Он не урод, он мой продюсер, — поправила его певица.

— Можно подумать, продюсеры уродами не бывают.

— Бывают, с этим не поспоришь, но только не Серж. Он знаешь какой?

— Ну?

Она обернулась:

— Как броня. Надежный. И еще он добрый.

— Да? Что-то не похоже, чтобы из него патока сочилась. А чего это ты его защищать взялась?

Маша усмехнулась и пожала плечами:

— Он же мой продюсер!

Придя домой. Она рухнула на диван, простонав:

— Кто там говорил про голод?

— Я, — Егор шмыгнул на кухню, зашуршал пакетами, загремел посудой.

Она слушала эти мирные звуки, думая о том, что все у нее в жизни складывается замечательно. Кажется, она добилась и того, о чем так долго мечтала, и того, о чем не мечтала вовсе. Девочка с Севера скоро выпустит свой первый альбом и первый клип. И еще у нее есть замечательный Егор, который понимает и жалеет ее. Вон с каким энтузиазмом готовит для нее ужин. А по утрам приносит кофе в постель. Могла ли она думать, что все так распрекрасно сложится. Конечно, Егор не утонченный Александр. У него не такие манеры, да и что там греха таить, не такой он вовсе. И никогда таким не будет. А надо ли? Он и сам по себе хорош. Уже то чудесно, что не похож на Боброва. Решительно ничем. Именно такой

ей сейчас и нужен, непохожий на Сержа. Егор — это ее отдушина, ее жилетка, в которую можно выплакаться после трудного общения с этим монстром. Как же она устала от своего продюсера. Вот сегодня защитила его, а зачем? Разве не прав Егор? Бобров — злобный тип и ее ненавидит, словно она ему заклятый враг. Вечно бурчит, а то и взрывается ни с того ни с сего. Добрый! Какой, к чертям, добрый! Хотя там, в примерке «Кристалла», он мог бы сказать гадость. Мог бы наорать за то, что плохо выступила, публику не заинтересовала. Но он не наорал. Наоборот, похвалил. И эта похвала ей дороже самых бурных рукоплесканий. Вот в чем секрет. Он — сильный. Он давит на нее своим авторитетом. Но как его не послушаешь, ведь он всегда прав.

— Е-мое, — пропыхтел Егор.

Маша открыла глаза. Он присел на корточки над горкой вывалившихся из шкафа в гостиной бумаг. Большая часть из них была исписана текстами песен.

— Хотел найти салфетки, прости, прости, прости, — он принялся собирать листки.

Вдруг замер, взгляделся в один. Потом вытащил и второй:

— Это еще что? Ты рисуешь?

— Я? Рисую? — Она встала с дивана, присела рядом и замерла.

Он держал в руках эскизы проклятого кулона Ирмы Бонд, которые ей подарил художник Коля. Она совсем забыла о них. Вот, значит, как, чертово украшение не оставляет ее в покое. Сердце екнуло — оригинал находился в метре от своего изображения. Там, в ящике, под бельем маленькая коробочка с вещами певицы. Надо бы убрать подальше от расспросов.

— Это не мои рисунки. Это работы моего друга. Он художник.

— Друга? — Егор покосился на нее тем самым нехорошим взглядом ревнивого мужчины.

Маша усмехнулась.

— Он просто друг.

— Он что, работает на ювелирную компанию? — Егор ткнул пальцем в нарисованный кулон, который Коля изобразил объемно и многогранно. Куда интереснее, чем Катю.

— Он писал работу для выставки. Мне кажется, он слишком увлекся деталью.

— А я мечтал стать художником, — тихо проговорил Егор, с благоговением рассматривая набросок. — Представляешь, в художественной школе два класса отучился.

— Почему же не пошел дальше, раз мечтал?

— Да так... таланта маловато... мастер зарубил. Меня отдали в языковой колледж. В общем, времени не хватило. Но я хожу по выставкам. Твой друг где выставляется?

Маша порозовела. Со своими проблемами она совсем забыла, что у Коли должна быть выставка. Она ему даже не звонила ни разу с тех пор, как Катька уехала в Питер. И они ее, наверное, потеряли. Она же переехала. Скорее всего, Северное общество, теперь состоящее из двух парней Коли и Пашки, на нее разобиделось.

«Думают, что я нос задрала».

— Наверное, в Доме художников, — неуверенно ответила она. — Хотя я его давно не видела. Вообще-то у него точка перед ЦДХ, он там свои работы продает. А так...

— Понятно. — Егор покачал головой и был прав.

— Вот стану посвободнее, обязательно вас с ним познакомлю, — Маша собрала листки и сунула их обратно в шкаф.

Александрю все-таки пришлось согласиться на урок этикета с Борисом. Тот выполнил

свое обещание и устроил нужную ему встречу. А Доудсены не привыкли отступать, когда дело касается данного обещания. В положенный час он явился к нему. Приглашенный из «Метрополя» официант разложил приборы в заданном порядке и удалился. Они остались вдвоем в большой столовой квартиры кошатника.

Тот хмуро оглядел сервированный к обеду стол и буркнул:

— А могу я сказать, что живот свело, и ваще не есть?

Александр пожал плечами:

— Тогда зачем приходите в дом, куда вас позвали на обед? Можно позвонить и отказаться.

— И что будет?

— Всякое может случиться, — пространно ответил сэр Доудсен, не желая давать спуску ученику, — Скорее всего, вас пригласят в другой раз. Но тут уж отвертеться не получится. Если вы откажетесь дважды, вас больше не позовут.

— Это тоже этикет? — Борис судорожно сглотнул. Терять покровительство леди Харингтон ему не хотелось.

Особенно в преддверии визита к знаменитому ветеринару.

— Нет, это уже специфика отношений. Вы же не станете заманивать в гости человека, отказавшего вам дважды.

— Ха! Еще как стану, если он мне страшно нужен.

— А вы нужны лорду и леди Харингтон?

— Сомневаюсь.

— Тогда перестаньте сопротивляться и постарайтесь запомнить несколько простых правил поведения за столом. Посмотрите перед собой. По обе стороны от тарелки расположено несколько приборов. Используйте их от краев к тарелке по мере смены блюд. Да, салфетку сложите пополам и положите на колени...

Борис с удивленным выражением на лице послушно сложил салфетку и бережно опустил ее на колени.

— Салфетка — это всего лишь салфетка, — усмехнулся молодой аристократ. — В ней не заключена частица души хозяйки. Правда, в доме Харингтонов обычно пользуются салфетками с золотыми вензелями. Мой вам совет: старайтесь не испачкать вензель, все остальное — пустяки.

— А если испачкаю? — испуганно прошептал кошатник.

Александр задумался. Однажды он залил соусом этот чертов вензель, но это не помешало Ви в него влюбиться без памяти.

— Не знаю, — наконец изрек он, — Скорее всего, ничего. Просто постарайтесь не испачкать.

— Я ею вообще пользоваться не буду.

— Будете, иначе перепачкаете фужеры и бокалы. Это куда неприятнее. Вам следует прикладывать ее к губам всякий раз перед тем, как вознамеритесь выпить вина или воды.

— Я забуду, — обреченно пропыхтел уже красный Борис.

— Да, я не сказал о самом главном. Ни при каких условиях не следует сажать вашего Варфоломея за стол и вообще каким бы то ни было образом прикармливать его от своей тарелки.

— Ты что! — воскликнул владелец мохнатого верзилы. — Я же его по часам кормлю.

— Даже если время подойдет.

— А как же быть, если действительно подойдет? — задумался кошатник. — Мне даже страшно представить, а вдруг он плохо перенесет перелет, а? Вдруг?

— Что говорит леди Харингтон по этому поводу? — Сэр Доудсен вцепился в набалдашник трости обеими руками, так как едва сдерживался, чтобы не огреть ею ученика.

— Она мне сочувствует. А я как представлю: он один в клетке, в багажном отделении. Аж сердце замирает. Он же животное, может испугаться...

— Да? — искренне удивился молодой аристократ. — А я думал, в него вселилась душа испанского принца.

— Ты так думаешь? — озадаченно спросил Борис. — Интересная мысль.

— Кстати, вы можете порасспросить его о том, как вести себя за столом. Кажется, он снизойдет, чтобы вас вразумить.

— Я кому встречу устроил, тебе или ему? — быстро нашелся кошатник. — Кстати, как все прошло?

— Замечательно.

— Не могу понять, на кой тебе якшаться с такими мелкими сошками?

— Я узнал много полезного.

— Я в ахере! Они же, кроме матерного словаря, ничего не знают.

— Как выяснилось, знают, и достаточно. Поговорим о рыбе.

— На кой хрен говорить о рыбе. Варфоломею ее нельзя.

— Но в доме Харингтонов ее непременно подадут. Вы знаете, что рыбу нельзя резать обычным ножом?

— А кости чем выковыривать, зубочисткой?

Сэр Доудсен легонько стукнул тростью об пол. Борис не догадался, что таким образом он избавил его лысую голову от внезапного и смертоносного удара. Признав в себе отсутствие всяческого педагогического дара, Александр глубоко вздохнул и перешел на более интересную для него тему:

— Вы должны мне кое-что рассказать.

— Неужели? — хохотнул кошатник. — Это ж с какой стати?

— Вы собираетесь нанести визит родителям моей невесты. Я не могу допустить общения будущих родственников с недостойным человеком.

— В смысле?! — вновь покраснел Борис, но уже не от смущения, а от злобы.

— Вы ушли с Анастасией с приема, а на следующий день ее убили.

— Слушай сюда, — кисло скривился кошатник. — Неделию назад я поздоровался с теткой из соседней квартиры. А вчера дружок ее и пристрелил. На ее же собственной даче.

— Какой ужас!

— Но я же тут ни при чем! Чуешь, куда клоню? — Он схватил нож, как раз рыбный, и завертел его между пальцами.

— Но я полагаю, на той даме не было кулона, за которым многие охотятся.

— Какого еще кулона? — По тому, как он деловито буркнул, не отводя глаз от мелькавшего в руке ножа, Александр понял, что об украшении ему все известно.

— Вы на том концерте были, когда убили Ирму Бонд.

— Я живу в городе, где каждый день убивают с десятков человек, — не сдался счастливый обладатель Варфоломея.

— Вы заходили к ней в примерку.

— Разумеется. Нас связывали некоторые отношения! В общем, если тебе интересно, я за

ней ухлестывал не по-детски. — Неожиданно Борис поддался его напору и заговорил тихо, даже спокойно, — Я кое-что знал о ее новом мужике. Не будем его называть...

— О Касальском, — не согласился с ним Александр.

— Тьфу, ты! Не хотел поминать гаденыша! Да, о нем. Я сказал ей, что он никогда не бросит свою жену, потому что та держит его за яйца. Шантажирует очень важными документами. И делает это много лет. Я от Бессмертного узнал. Тот похвалился как-то, что если только уговорит Наталию, то усадит ее мужа надолго. И избавится от конкурента. У Васьки же бзик избавляться от конкурентов. Он Касальского в авантюру втянул своими деньгами. Кровные вложил, лишь бы завлечь того в ловушку. А Юра авантюрист по натуре. Ну и поплатился.

— И вы открыли, так сказать, Ирме глаза?

— А ты думал, я у нее кулон пришел отнимать? Ха! Да она же мне в лицо рассмеялась. И кулоном этим еще в воздухе покрутила: мол, подарил вот, посмотри. Это последний подарок, а сколько еще было до этого! Сказала еще, что посмотрит, кто кого удержит. Юрчик, сказала, выкрутится и наплюет на свою швабру. Ну, я и плюнул сгоряча. Вышел и потащился домой, — Он вдруг мечтательно закатил глаза к потолку, — Теперь-то я думаю, что никакая это не любовь была. А так, поддался общему порыву. Как Бессмертный, ввязался в конкурентную борьбу. У вас вот мужики как с ума сходят, когда уже все есть и больше даже желать нечего?

— Может, розы начинают разводиться?

— Достойное занятие, — с уважением покивал кошатник. — Однако в нас-то, как ни крути, дикая кровь пульсирует — азиатская. Вот и лезем на стенку. Нам борьба нужна, такая, чтоб поджилки тряслись в предвкушении победы или от страха проиграть. Кто-то картежником становится, но все это чушь. Подумаешь, проиграю я все до нитки. У нас же деньги под ногами валяются, а я знаю, как их взять. Так что через короткий срок наживу все заново. Какой мне интерес проигрывать? Скучно. И Бессмертному скучно. Нам что-то похлеще подавай. Бессмертный вон конкурирует с кем ни попадя. У него вечная война с чеченской братией. Ходит по острию и радуется. А я избрал Ирму как объект пылкой страсти. Всенепременно пожелал ее добиться. Чего только не терпел. Цацки дарил, она их при мне в воду кидала. Прямо в Москву-реку. Каково?

— Женщины... — пространно заметил Александр.

— То-то. А Анастасию я до дома довез, признаю. Но о том меня твоя Виолетта попросила. Сказала, что дурно, если девушка в таком состоянии останется на приеме.

— В каком состоянии?

— Да напилась она, так уж почему-то леди Виолетта решила. Хотя лично я не заметил.

— А-а-а, — протянул сэр Доудсен. Он понял, что Ви предприняла решительный шаг по избавлению новоиспеченной пары от настойчивой девицы. Анастасия не отходила от них с момента встречи на балконе. Постоянно что-то рассказывала и, скажем прямо, вела себя, по меркам английской дамы, довольно навязчиво. А невесте очень хотелось побыть наедине с женихом.

— Я-то ей шепнул в машине, чтобы не слишком щеголяла в этом кулоне. Ну, я не думаю, конечно, что это тот самый кулон. Скорее всего, просто похож. Однако ведь знаешь наших, прицепятся. Вот и прицепились. Оказалось, одного раза достаточно.

— А что с кулоном не так? — спросил Александр.

Борис хмыкнул.

— Да шут его знает, чего за ним все гоняются. Ты вон Боброва порасспроси. Он точно в курсе. Он же вместо меня попытался Анастасию эту до дому довести. Но она вцепилась в меня как черт знает кто. Да и я тоже не отступил. Для меня, знаешь, мало чего святого существует. Но просьба женщины, да еще такой, как Виолетта, уж прости за откровение, она волшебная девушка, так вот ее слово — для меня закон. И иного быть не может.

Молодой аристократ немало удивился, что в чьих-то глазах Ви предстала волшебной девушкой. Хотя Борису она ведь не готовила «сладкую семейную жизнь» с утренними купаниями в ледяном колодце и с национальным заплывом через Темзу. С чего бы ему ею не восхищаться?

Александр знал, где найти Боброва. В полдень он обильно обедал в ресторанчике на Ленинском проспекте, недалеко от своего офиса.

— Вот принесла нелегкая, — буркнул меценат, запихивая в большой рот половину котлеты по-киевски, которая стекала по подбородку обильными масляными струями, противореча всем правилам этикета.

Сэр Доудсен отвел взгляд, но упрямо сел напротив него.

— Нужно поговорить.

— Слушай, у меня совещание совета директоров нефтяной компании. Меня сейчас будут бить ногами за отсутствие обещанных средств. А средства на счетах у Касальского, — пыхтя и отфыркиваясь, пояснил тот. — Так что давай вечером, а?

— Не могу, Борис сегодня собирается улететь. Как раз вечером. И это касается кулона Ирмы Бонд.

Серж замер, выпучив глаза. Вилка в его руке безвольно повисла над второй половиной котлеты.

— У?

— Рассказывайте. Что с кулоном?

— С какого ляда я должен тебе что-то рассказывать? — возмутился Серж. — Ты что, Папа римский?

— Нет, я тот, кто беседовал с Наталией Касальской, и знаю о кулоне, может быть, больше, чем вы.

— Где он?

— Судя по тому, что вас сегодня будут бить ногами, явно не у вас, — парировал молодой аристократ. — А значит, я хотел бы обсудить это деликатное дело именно с вами.

— С чего бы?

— Потому что Наталия в опасности. И нам необходимо найти кулон, чтобы прекратить погоню за ним. Убили уже двух женщин. Мне бы не хотелось, чтобы пострадала и третья. Была бы моя воля, я бы отдал этот кулон в руки закона.

— Слава богу, что это не в компетенции твоей глупой воли. Еще чего! Там же дикие суммы!

— Но они могут попасть в руки убийцы.

— Я же не убийца, сам сказал! — запротестовал меценат. — Найдем кулон, отдадим в добрые руки. Как тебе мои? — Он покрутил руками перед его носом.

Аристократ слегка отстранился:

— Убийца должен быть наказан.

— Накажем, — согласился Серж.

— По закону, — настаивал Александр.

— Хорошо, пускай будет по закону. Придумаем для него закон, — поспешно подтвердил Бобров. — Кто убийца?

И тут сэр Доудсен развел руками, тихо признавшись:

— Я пока не знаю.

Меценат покачал головой:

— Тогда чего ты тут мне мозги полощешь! Пожрать человеку спокойно не даешь! — Все еще возмущаясь, он сунул котлету в рот и энергично задвигал челюстями.

Когда прожевал, произнес:

— Кулон — очередная шуточка Юрчика. Мастер, блин, юмористического жанра. Сидит в тюряге, сатира из него прет не хуже, чем из «Аншлага». И качества того же. Тьфу! — Он скривился, явно передразнивая товарища, — В последнем подарке Ирме и для тебя подарочек. Мать его! Не мог на бумаге написать и в руку сунуть, идиот.

— Значит, не мог.

— Не мог, конечно. У него же обыск был, а запомнить номера счетов даже Спиноза не в состоянии, — кивнул Серж. — На кулоне он их изобразил. Только дура этой своей он, наверное, тоже что-то шепнул. А она разнесла по белу свету. За что и погорела. Молчала бы себе в тряпочку. Нет, надо было хвастать налево и направо. Скорее всего, сболтнула Бессмертному. Вот он ее и пришил. Поди накажи его теперь по закону!

— А с чего бы ей что-то сообщать Бессмертному, явному конкуренту Касальского? — удивился сэр Доудсен.

— Ха! — Бобров залпом выпил полстакана минеральной воды. — Черт! Ну какая дура — не пить перед совещанием. Щас бы водочки хряпнуть! Она с Бессмертным сошлась. Может, так на случай, если Наталия заставит Юрчика ее кинуть. Ирма была девкой не промах. Не один, так другой. Вот тому другому, и шепнула. Может быть, отомстить хотела. Юрчика-то она любила, я знаю. Сильно любила. И чего его любить-то было? Ну, видный мужик, нечего сказать, но с Натальей. А жена — это чертовски неприятный недостаток, знаешь ли. Черт! — Он глянул на часы, — Мне пора. Слушай, а что Наталия-то тебе взялась все рассказывать, а?

Молодой аристократ только плечами пожал.

— Про кольцо небось поведала? — догадался Серж.

— Да...

— Зачем ты лезешь в это дело, а? Зачем ты лезешь к ней, скажи?

— Я никуда не лез. Наталия сама мне позвонила и пригласила в гости.

— Сама?!

Меценат вдруг рубанул кулаком об стол и выговорил в сердцах:

— Вот не пойму я, чего во мне не так?! Почему все они на меня смотрят будто на ноль! Каждая себе душеприказчика находит на стороне. Ну что во мне не так?

Александр задумался. Не найдя в его взгляде ответа на свой вопрос, Бобров вздохнул и тяжело поднялся.

— Вы сказали...

— Сказал. И что с того?

— Повторите.

— Щас, шнурки подтяну.

— Повторите, повторите, — задумчиво пробормотал тот.

— Под-тя-ну, — по слогам проговорил Серж, свирепея на глазах.

— Нет, не это...

— Да иди ты, Холмс хренов.

И широкими шагами он пошел вон из ресторана.

Маша долго стояла у телефонного аппарата, наконец сняла трубку и набрала номер Колиной квартиры. Долго не отвечали. Она глянула на часы — поздно, почти полночь, он должен быть дома.

— Алло, — наконец прохрипел он.

Она, неожиданно ослабев, опустилась на диван и всхлипнула:

— Коленька, привет.

— Кто это?

— Маша.

На другом конце провода помолчали.

— Ты чего? — все-таки ответил он.

— Так, хотела узнать, как у тебя дела. И у Павла тоже...

— Тебе это интересно?

— А зачем я звоню?

— Не знаю, может, на концерт хотела пригласить.

— Издеваешься.

— Вообще-то я на вас на всех обиделся. Катька смоталась в Питер. Она тебе не звонила?

— Может, и звонила, только я переехала. Она моего номера не знает. Да и я ее.

— Пашка теперь к ней накатывает. Откуда только деньги берет.

— А ты-то как?

— Да нормалек. Слушай, я ведь успел к выставке. Дописал Катьку. Назвал кичево «Дурная в мехах». Прикинь?

Катька хохотала до икоты.

— Здорово.

— Да, выставка откроется на следующей неделе. Заходи.

— Постараюсь... Вернее, я хотела сказать, обязательно приду.

— Понятно, — разочарованно протянул Коля. — Если удастся продать, поеду на курсы во Францию. Подучусь.

— Значит, все разъезжаются... — На душе стало совсем тоскливо.

— Ну так найди время, чтобы заскочить.

— Поищу.

Она оставила ему свой новый номер телефона и положила трубку с ощущением, что более в Москве у нее нет старых связей. Колька, Катя, Пашка, Аська — первые, кто помог ей в этом чужом тогда городе, первые ее близкие люди в холодной столице — теперь от нее так далеки, почти чужие. Прошло немало времени, у нее столько перемен, а рассказать Кольке нечего. Наверное, и с Катькой диалог такой же выйдет. Уж лучше вовсе не звонить. Все дело в Асиной смерти. Они боятся встречи, прячась за бессмысленный треп, потому что любой взгляд, любой жест оставшихся в живых напоминает о той, которая была между ними, смеялась, танцевала и хвасталась, а теперь никогда уже не ворвется в Колину квартиру с криком: «Что я вам сейчас расскажу, поумираете от зависти!» Воспоминание об Аське — вот что навсегда сделало их общение болезненным настолько, что легче убежать, чем

терпеть, выдавливая из себя беспомощные улыбки и никчемные разговоры. Легче забыть друг о друге, чем каждый раз бояться коснуться этого горя.

Егор присел на диван позади нее и, обняв, прижал к себе. Удивительно, как он понял все без единого слова. Маша всхлипнула. Окно напротив вдруг потеряло очертания, задрожало, капнуло на подбородок.

— Ну... — он погладил ее по голове. — Коля — это печальный опыт?

Она покачала головой.

— Тогда почему этот тип заставил мою девочку плакать? — Его теплые губы прижались к ее виску.

— Перестань... — Она снова всхлипнула, едва сдерживаясь, чтобы не разразиться бурными рыданиями.

— Еще чего, даже не подумаю, — усмехнулся он. — Давай выкладывай, а то взорвешься. — Он прижал ее затылок к своему плечу, другой рукой погладил по щеке. — Машенька, почему тебе так тяжело? Отчего тебе больно, милая?

И Маша, не желая того, расплакалась. Слезы лились по щекам. Егор их утирал ладонями, а она рассказывала ему об Аське, о ребятах, их Северном клубе, о музыкантах из группы «Эльдусто», о том, как она сначала приобрела друзей, а потом всех их растеряла в одночасье. Он молчал и слушал. Ни разу не перебил, дал выговориться. Потом отвел ее в ванную, умыл, усадил за стол на кухне, заварил чай. Она почувствовала себя гораздо лучше и, пожалуй, даже свободнее. Словно пружина, давно уже сжатая внутри ее, вдруг расправилась и растворилась. Ей было по-прежнему грустно, но уже не больно. Пила горячий чай маленькими глотками, смотрела, как Егор собирается на работу. Ей не хотелось его отпускать. Тем более на всю ночь. Но что поделаешь, если человек работает за барной стойкой? Он уже натянул куртку, чмокнул ее в щеку на прощание и направился в прихожую. Сейчас он казался ей самым близким человеком на свете. Человеком, разделившим с ней всю ее жизнь. Он не такой благовоспитанный, как англичанин Александр, в нем нет столько внутренней силы и уверенности, как в Боброве, но сегодня он согрел ее душу.

— Спасибо, — прошептала вслед ему Маша и улыбнулась.

В офисе сэра Доудсена ждал неприятный сюрприз.

— Вам звонила невеста, — беспристрастным, как у судьи, тоном сообщила Варя. — Три раза.

— Хм... — Он опустил на соседний стул и уставился в стену.

— Кажется, она очень волновалась. Я и так то плохо понимаю английский, а вы англичане еще так говорите, что моя учительница в языковой школе Зулмат Гаданфарафовна меня бы линейкой по голове за такое произношение отходила. Но леди пока еще Харингтон все время вздыхала и требовала вас к телефону. Кажется, у нее что-то случилось.

— Может Темза внезапно обмелела и ежегодный заплыв отменили... — с мечтательной грустью предположил Александр, но поймав недоуменный взгляд секретарши сдвинул брови, — Не берите в голову. Спасибо, что держали тут оборону. Кстати, а где все?

— У нас же теперь полно заказов. Менеджеры разрываются на части. Игорь в командировке в Иванове, Славка на таможне, а ваш зам — только сам и знает, где его черти носят. Помяните мое слово, очень скоро он оттяпает все ваше дело, — угрюмо подытожила она. — Оглянуться не успеете, как начнете плясать под дудку самого Бессмертного.

— Откуда такие неутешительные прогнозы? — поинтересовался он, разглядывая плакат

с изображением будущего политика Карпова, красовавшийся на стене.

В плакате том произошли неприятные взгляду перемены.

— К нам часто заходят странные типы, ведут какие-то секретные переговоры в вашем кабинете. Сэр Доудсен, вы меня простите, но только слепой не заметит, что Виталик — это человек Бессмертного.

— Спасибо за откровенность, — он усмехнулся. — Но лучше держать врага перед глазами.

— Так вы же на него и не смотрите. Вы понятия не имеете, что у вас под носом делается. Игорь вчера звонил из Иванова, такого порассказал! Вы знаете, что машины фирмы Speed проходят таможенный досмотр на границе?

— Разумеется, — кивнул Александр. — А как же еще?

Секретарша невесело улыбнулась:

— В Иваново ничего не приходит, кроме хозяйственного мыла производства 1980 года. И больше никакой гуманитарной помощи!

— Но экспедиторы.

— Нет никаких экспедиторов. Ваша фирма широко известна во всей Европе. Ей доверяют. А шоферы и не знают, что груз на таможне просто меняют. Ставят ящики с той же маркой, но с другим наполнением. Гуманитарная помощь идет налево, понимаете? Две партии уже пришло с мылом.

— Но ведь Карпов стал лицом этого проекта. Он рискует своей честью. Надо довести до его сведения!

Варя скривила губы:

— Рискует честью? Мы же о русских политиках говорим! Нет у Карпова никакой чести. Так что ничем он не рискует. Он сам эту схему с гуманитаркой замутил.

Сэр Доудсен еще раз внимательно оглядел портрет политика.

— Знаете, Варя, — проговорил он задумчиво, — кажется, агитплакат как форма борьбы с недостатками был очень популярен в начале прошлого века. Удивительно, но жизнь в который раз напоминает, что новое — это хорошо забытое старое. Странное чувство юмора у старушки. И все-таки вы не правы, пририсовав эти мерзкие рога и копытца уважаемому человеку, лицу нашей компании. Он и без них, знаете ли, весьма непрезентабелен. Но он ни при чем. В конце концов, нет вины человека в том, что он родился недалеким. Это я и о себе тоже. Попробую исправить положение.

Молодой аристократ сжал набалдашник трости в пальцах и поднялся.

— Позвоните невесте, — машинально напомнила ему немало удивленная секретарша.

— Обязательно. А вы займитесь поиском новых сотрудников и нового офиса. Нас явно мало, и нам тесно, чтобы вступать в активные боевые действия.

— Хотите нанять братву? — сощурилась Варя.

— Боже упаси! — Он замахал рукой. — Только менеджеров и нового секретаря.

— А я? — растерялась девушка.

— А вы... — Он мягко ей улыбнулся. — С этого дня вы мой второй заместитель. Потерпите, скоро все наладится. И вы будете гордиться тем, что работаете на нашу компанию.

— Или нашего наивного босса пришибут, — мрачно сказала Варя, когда дверь за ним захлопнулась.

Всю неделю Маша работала на износ. Запись в студии и бесконечные репетиции выматывали ее до того, что она уже не понимала, нравится ей жизнь певицы или нет. Однажды поймала себя на мысли, что при виде студийного микрофона поутру ее начинает подташнивать.

— Это беременность, — пошутил звукорежиссер Федя. — Беременеешь успехом. Скоро разродишься.

Маша на это только вздохнула. Она чувствовала иное — она превращалась в машину по извлечению правильных звуков, интонаций и движений. Правильных с коммерческой точки зрения. Теперь она точно знала, как должна встать перед микрофоном, с каким чувством взять ту или иную ноту, как повернуть голову, как взмахнуть рукой, чтобы понравилось зрителю.

«Понравишься зрителю, на тебя будут покупать билеты, нет — не будут, — звучали в ушах слова Боброва. — Так или никак».

И, к ее большому сожалению, она понимала: он был прав. Как ни крути, а в наши дни все зависит от того, купят тебя или нет.

— Словно весь мир на панели, — пожаловалась она ему, — Все мысли заняты лишь одним — продать себя подороже.

На это он только хмыкнул, по-отечески похлопав ее по плечу, и пробормотал:

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, детка. Снимай свои розовые очки и вешай на грудь ценник. Я с таким уже добрый тридцатник лет таскаюсь. Пока тебе это неизвестно, потому что не грозит, но рано или поздно ты поймешь: самое страшное не то, что весь мир продает и покупает, самое страшное стать уцененным товаром. И ты как уж на сковородке начнешь вертеться только для того, чтобы не попасть на распродажу.

Перспектива Маше не понравилась. Однако пришлось признать: Серж и в этом был прав. Когда-нибудь каждый человек испытывает на себе эту «уценку». И разницы между певцом или адвокатом не существует. Приходят свежие силы, молодые специалисты, а ты, со своими знаниями и опытом, стараешься выкрутиться, чтобы удержаться на плаву. И удается это немногим — самым сильным и изворотливым. Остальные тонут, чтобы прозябать на дне жизни. Нет, не на «горьковском» дне, конечно, а на дне своих воспоминаний, когда ты понимаешь, что все яркое и замечательное уже в прошлом.

Впрочем, разговорами о жизни ее Серж не баловал. Встретились они лишь однажды в его офисе. Там он познакомил ее с будущим режиссером ее клипа — немногословным латышом, специально выписанным для нее в Москву. Хендрик, так его звали, заставил фотографа снять ее со всех сторон и отправился назад в Ригу «думать над концепцией клипа».

— Песня ему понравилась, — сообщил меценат, довольно потирая руки. — Это уже полдела.

Отношения же с Сержем у Маши, как ей казалось, окончательно разладились. Он держался с ней куда сдержаннее, чем раньше, но уж лучше бы грубил и орал, чем говорил холодно, сквозь зубы. Наверное, ему по какой-то причине было невыносимо ее видеть. А может быть, у него, как обычно, обострились какие-то неприятности в бизнесе. Ведь надо же учитывать, что певица Маша Иванова — это скорее его хобби, нежели смысл жизни.

Александр вообще на целую неделю исчез с ее горизонта. Он не звонил и не появлялся ни в студии, ни в репетиционном зале, сама же она как-то не решалась набрать номер его телефона. Да и Егор работал чаще, чем ей хотелось бы. Он редко оставался на ночь, еще

реже удавалось встретиться днем.

— Такое впечатление, что ты круглосуточно работаешь в своем баре, — однажды надулась она.

— Милая, — он прижал ее к себе и погладил по голове, — я стараюсь выбраться из-за стойки. Мне, видишь ли, надоело жонглировать бутылками и смешивать коктейли. Пытаюсь продвинуть собственное дело. Это первая причина. А вторая... — Он улыбнулся и чмокнул ее в ухо — Я должен соответствовать. Моя подружка без пяти минут звезда. Куда лучше, если ее бойфренд будет бизнесменом, чем барменом.

— Какая чушь! — возмутилась она. — Мне плевать, чем ты занимаешься.

— Это пока о тебе журналисты не знают. А как начнут вспыхивать камеры при каждом твоём появлении, когда твои богатые поклонники примутся забрасывать тебя дорожными корзинами с цветами, ты мне еще спасибо скажешь.

Одним словом, последнюю неделю Маша провела практически в одиночестве и в трудах праведных. А во вторник решила немного развеяться. Вернее, даже и не она, а Егор предложил. Он появился неожиданно, вытащил ее из репетиционного зала и глянул с укоризной:

— Долго ты себя еще пылью будешь травить? Может, отдохнешь немного?

— Спятил? — удивилась она, оглянувшись на двери зала, где ее ждали хореограф Вовик и ребята из кордебалета.

— Ну сколько можно. — Он обнял ее за плечи и повел по коридору. — Ты с утра до вечера пашешь, как лошадь.

И ты совсем забыла, что уже всю работает выставка, где твой друг Коля выставил свою картину. Ты не хочешь его поддержать?

Она подняла на него глаза и охнула:

— Ты просто чудо! У меня из головы вылетело!

Он скромно потупился и пожал плечами:

— Просто я хорошо справляюсь с обязанностями бойфренда. Слушай, когда выведешь меня в тираж, может, примешь в личные секретари?

— Дурень! — Она легонько стукнула его по руке и помчалась в зал отпрашиваться у Вовика.

В Дом художников на Крымском валу они попали почти под закрытие. Влетели на второй этаж и лихорадочно огляделись. Народу было немного.

— Маша? — удивился Коля и, отлепившись от стены, пошел ей навстречу, совершенно недопустимо разглядывая. — Как ты изменилась!

Она уже и забыла, что с ней здорово поработал стилист. Что спортклуб и солярий стали ее образом жизни, что одежда на ней из дорогих магазинов и что Егор, держащий ее за руку, похож скорее на супермодель, нежели на бармена. Художник же выглядел как и прежде, если не считать, что его распирала гордость. Распирала настолько, что Маше показалось, сейчас на нем его неизменный свитер разорвется. Она представила парней друг другу и, не давая времени на обмен любезностями и пустой разговор, дернула Колю за рукав:

— Веди, показывай свой шедевр.

— Ходить далеко не нужно. Картину видно из любой точки этого зала, — пафосно растягивая слова, проговорил он и широким жестом указал на внушительных размеров полотно, висящее на противоположной стене.

Все надолго замолчали, рассматривая работу.

— Что скажешь? — наконец не выдержал Коля. — Это ужасно?

По тону было понятно, что сам он именно на такой эффект и рассчитывает. Маша хлопнула глазами. Более отвратительного зрелища ей еще не доводилось видеть. И дело было не в банальности сюжета: голая Катька лежала на диване, покрытом шкурой леопарда в позе Данаи Рембрандта. Правда, Катька была куда костлявей натурщицы знаменитого мастера. Может быть, поэтому кулон Ирмы Бонд, много преувеличенный в размерах автором работы, смотрелся на ней как сверкающий булыжник. Одним словом, не заметить его было нельзя. Ужасали в картине излишне густые краски, словно художник нарочито выделил каждую деталь. Одним словом, полотно «орало во всю глотку» излишками. А огромная позолоченная рама только усиливала впечатление.

— Ну, я бы сказала... — замялась она, стараясь не встретиться взглядом с художником.

— Круто! — неожиданно выступил Егор, и в голосе его слышалось неподдельное восхищение. — Это же истинный кич. Отсутствие какого-либо вкуса. Другими словами, абсолютная безвкусица. Это хаос порядочности, это космос. Космос! И название хлесткое «Дурная в мехах». Потрясающе! Поздравляю! — Он энергично встряхнул руку польщенному автору.

— Да, это мой стиль, — самодовольно заявил тот. — Я наконец-то нашел, что искал. Свой стиль! Свою нишу. Свою руку, свои краски. Эта работа — мой первый шаг. Конечно, не все еще удалось.

«Господи, куда же еще хуже?» — в ужасе подумала Маша.

— А что говорят специалисты? — Она сделала над собой усилие и улыбнулась, притворившись, что всецело присоединяется к мнению Егора.

— Понимаешь, — с жаром заговорил Колька, — моя работа вызывает одну реакцию у всех — шок. Длительный. Это очень хорошо. Есть работы, которые ничего не вызывают. Оглядишься. Что ты думаешь вон о той ерунде? Поле, цветочки... Дрянь. Я уж молчу вон о тех яблоках в солнечных лучах. А справа висит что за гадость? Вычурно, претенциозно, но пусто. Правда? А моя картина притягивает. Создается ощущение, что она висит в зале одна. Не так ли?

— Точно! — с энтузиазмом поддакнул Егор.

— Вот! — Колька занес над головой указательный палец. — Потому что она талантлива. Да, она написана в новом жанре, но она притягивает! И это главное. Специалисты примерно так и говорят. Ну... — Тут он опустил руку и закончил уже куда тише, — Когда перестают твердить: «Какой ужас» и «Какой кошмар».

В этот вечер Маша вышла из Дома художников с ощущением, что ей никогда не понять людей, которые хотя бы два года занимались в художественной школе.

У Александра тоже выдалась непростая неделя. Неделя постоянных встреч, ругани с будущим депутатом Карповым, предвыборная платформа которого теперь в глазах англичанина, слегка пообтесавшегося в российских деловых кругах, выглядела полным блефом. Неделя перебранки с Бобровым, который никак не желал ему содействовать, неделя переустройства офиса филиала. В наборе сотрудников и выборе здания для офиса он полностью положился на Варю, однако документацией пришлось заняться самому. Его неприятно удивили некоторые подробности сделок, как он понимал, лишь частично всплывшие в документах. Виталий — его зам — поработал на славу. А вот на чью осталось для него загадкой. Трудность заключалась в том, что большинство договоров подписал Александр, но деловые контакты были в руках заместителя.

«Не будешь отлынивать от работы, профан, — поминутно ругал себя сэра Доудсен. — Занялся не своими делами, раскрывал чужие секреты, а своя, то есть дядюшкина фирма почти потонула. Ее чуть было не опозорили».

Дело приобрело серьезный оборот. Если он не предпримет каких-то шагов, то репутация компании Speed пострадает не только в России, но и во всей Европе, что, разумеется, куда страшнее.

И всю неделю Александр предпринимал эти шаги, он лично встречался с компаньонами, заново налаживал маршруты, искал новые возможности. Единственным опасным тупиковым делом к концу его трудов оставалась доставка гуманитарной помощи. Он не знал, как избежать подмены груза на таможне.

В среду утром он поднялся как раз с ощущением, что не видит выхода из сложившейся ситуации. Его обложили со всех сторон. Если он начнет кампанию по оглашению безобразий с подменой гуманитарной помощи на хозяйственное мыло, то обвинят его. Причем тут же взорвется пресс-служба таможни, да и ивановские чиновники, которые, как догадывался аристократ, получают неплохую мзду за молчание, перестанут молчать. Ему намывают шею все, кому не лень. Он даже начал подумывать, а не применить ли ему метод Дж. Росмонда, навязанный ему Ви? Может, холодный душ очистит его мозг от всего ненужного, и решение появится само. Но звонок в дверь прервал этот едва начавшийся процесс возрождения и перехода к здоровому образу жизни. Наверное, Дж. Росмонд сжал кулаки в бессильной злобе. В квартиру его, как всегда без приглашения или хотя бы уведомления о визите, ввалился кошатник Борис Климов.

— Привет, привет! — радостно пропыхтел он.

И водрузил на журнальный столик огромную дорожную клетку с Варфоломеем. Постучал по ней, промурлыкав несколько ласковых фраз своему любимцу и только после этого глянул на хозяина дома. В глазах его светилось всеобъемлющее добродушие абсолютно счастливого человека.

— Только что из аэропорта, даже вещи в квартиру не закинул, — сообщил он оторопевшему Александру. — Не хочу Вафочку выпускать, я ненадолго.

— Вафочку? — переспросил сэра Доудсен, с сомнением глянув на клетку, которую целиком заполнил огромный серый котяра.

— Ха! — Лысый череп Климова налился краской, став похожим на перезрелый

помидор. — Ты знаешь, кто придумал ему это прозвище? Виолетта! Да, да. Она его назвала Вафи. Ты не согласишься, у моего Варфоломея от этого прозвища улучшилось настроение. Леди Харингтон, эта умнейшая женщина, быстро поняла почему. Верить ли, она читала, что коты и вообще все животные лучше переносят короткие клички, состоящие из двух слогов, которые оканчиваются на "и". И не правы те хозяева, которые называют своих котов, ну и прочих животных как-то вычурно. Беатриче там или Сигизмундия. Теперь-то я понимаю, это красиво, но для ушей животного, а особенно кота, неприятно. Теперь я понял, а тогда у нас с леди Харингтон была длинная дискуссия. Виолетта — ангел, сразу приняла мою сторону и держалась ее до последнего. Пока сам доктор Уинсли не подтвердил предположение ее матери. Представь, как только я начал звать Варфоломея Вафи, он тут же перестал шевелить ушками. Даже когда третьего дня была жуткая гроза, собаки выли за окном и птицы так и метались у земли, так и метались. А моему Вафи хоть бы хны. Он вообще всю поездку был в прекрасном расположении духа. Только слегка взгрустнул, когда попрощался с Виолеттой!

Александр, обессилев от потока слов, извергаемого кошатником, рухнул в кресло. У него сдавило виски.

Климов расценил это как предложение и сам плюхнулся в соседнее.

— Хочу тебе сказать, — он вдруг заговорил тише и проникновеннее, — я понимаю твои чувства к Виолетте. Не думай, я понимаю и всячески одобряю твой выбор. Она — чудесная девушка. Да что там чудесная, — он хлопнул ладонью по колену, — превосходная! Тебе повезло, приятель! Истинно повезло! Просто нечеловеческое везение — заполучить в жены такую девушку.

— Благодарю, — проскрипел сэр Доудсен, который прекрасно существовал без напоминаний, что с некоторых пор он является женихом Ви.

— Нет, правда. Кстати, она передает тебе привет и весьма сожалеет, что ты так редко ей звонишь.

— Она тоже меня не балует, — ответил Александр.

— Она же девушка! — наставительно проговорил кошатник. — Она ждет до последнего, а потом может и обидеться. Прискорбная, доложу я тебе, ситуация. Но Виолетта — она просто святая. Она постоянно рассказывала о тебе, о том, какой ты замечательный, какой добрый, умный, честный, одним словом, я у тебя как раз поэтому.

— Поэтому, почему?!

— Ну, видишь ли... — смутившись, замялся Борис, однако сделал над собой усилие, снова хлопнул ладонью по колену и продолжил, — Она меня сильно вдохновила. И я решил, что должен тебе помочь. Ты совсем один в чужой стране. И на плечах у тебя абсолютно гиблое дело. Вот, думаю, нужно такому хорошему человеку помочь. Тем более что я ведь тебе обязан. Очень сильно обязан. Ты предупредил меня о салфетках, о всех этих тонкостях этикета...

— Но, насколько я помню, мы квиты.

— Это-то да, но все-таки... Я же не знал, что все так здорово получится. Я ведь произвел впечатление. Я был великолепен за столом. Да моя мама разрыдалась бы от гордости, если бы увидела. Так что выкладывай, друг, выкладывай все без утайки. Я пришел тебе помочь, и баста. Не уйду, пока не сделаю для тебя что-нибудь полезное.

Александр уже было потянулся за тростью, дабы привести в чувство разгоряченного визитера, но передумал. Новоявленный Дон Кихот действительно мог ему пригодиться.

— Насколько хорошо вы знаете компанию Бессмертного? — осторожно

поинтересовался он.

— Ты чо, брат! — радостно воскликнул тот. — Я по ней диссертацию могу написать. Он же мой конкурент.

— Интересно, кому он не конкурент? Ну, да ладно. Мне бы хотелось кое-что ему продать.

Климов прищурился:

— Так, чтобы хозяин пока не знал? Так сказать, товар — инкогнито?

— На вашем языке «кот в мешке», — усмехнулся сэр Доудсен.

— Хорошая шутка, — оценил кошатник. — Будем действовать через подставные фирмы. Есть у Бессмертного такая слабость — заводить кучу фирм-спутников, которые самостоятельны в юридическом смысле слова, но на деле входят в его концерн. Сеть этих фирмочек, выполняющих всякую мелочь, — это его конек.

— Но ведь они должны сообщать о происходящем в центр.

— Знаешь, — задумчиво изрек кошатник, — в большом стаде всегда найдется паратройка больных овец. Чем больше стадо, тем больше больных овец. От этого не уйти. За таким количеством фирм трудно вести надлежащий контроль. Где-то в Сибири или в Саратове обязательно сыщется конторка, про которую уже давным-давно забыли. Открыли ее для какого-нибудь левака года два назад, дело сделали, а закрыть поленились. А потом все быльем поросло. Но люди-то там работают, и документы, свидетельствующие о причастности Бессмертного к ней, в полной сохранности. Так что нужно эту конторку только отыскать да прикупить того человечка, который там сидит. Наверняка обиженный, что центр его забыл.

— Но я должен что-то сделать для вас взамен, — предположил Александр.

Борис только руками на него замахал:

— Да ты чо! Я ж от чистого сердца. И потом, — тут он кашлянул, — не все тонкости этикета мы еще изучили, ведь так?

Маша ввалилась в квартиру уже за полночь. Близилась съемка клипа, и, чтобы не затягивать работу перед камерами, Вовик гонял ее и кордебалет до самой ночи. Пришлось отменить спортклуб с массажем и солярием. Правда, о последнем решении Бобров отозвался раздраженно:

— Народу не танцы ваши нанайские нужны, а твоя смазливая, загорелая рожа.

В последние дни он был очень груб с ней. Маша едва не плакала после каждого их разговора. Он вполне спокойно и вежливо общался и с Вовиком, и с Игнатом, и даже с ребятами из танцевальной группы. Но что касается солистки, на нее он неизменно смотрел с плохо скрываемым раздражением. Это в лучшие дни. В худшие с откровенной злостью. За малейший проступок он распекал ее так, словно она виновна, по меньшей мере, в третьей мировой войне. Оступилась, когда танец показывали на днях, так такое началось — Серж ее с грязью смешал. Обозвал «коровой на ходулях», «каргой», «толстухой» и «неумехой».

Немного спасал ситуацию Егор. Теперь он старался встречать ее с репетиций. Когда мог, но часто не получалось — все время отнимало новое дело. Какое пока он не говорил. Скрывал, чтобы сюрприз сделать.

Александр звонил пару раз, спрашивал, как жизнь, сочувствовал, что ей приходится так много работать. Пытался пригласить ее в Третьяковку. Так смущался, несчастный! Объяснял, что невеста настаивает, чтобы он туда ходил. Мол, желает видеть у алтаря

высококультурного человека.

«Дурочка какая-то, — возмутилась про себя Маша. — Можно подумать, Александр без Третьяковки недостаточно культурен. Бред! Ей повезло, можно сказать, а она еще веревки из него вить пытается. И как это такие замечательные мужики все терпят! Наверное, она красавица писаная».

Сегодня Егор не пришел, у него была смена в баре. Маша рухнула на диван, включила телевизор, вяло размышляя, стоит ли подниматься, тащиться на кухню и готовить ужин, когда даже на первый пункт из намеченного плана сил не было. На экране кто-то стрелял, кто-то кого-то лупил по физиономии, приговаривая: «Будешь знать, мать твою, будешь знать!» В общем, проникнуть в суть драмы ей не удалось. На другом канале беспристрастный диктор оглашал новости, на третьем дружная семья разом пила не то йогурт, не то молоко, рассказывая зрителю, как это вкусно. Маша не поверила, переключила. Так и нажимала бы на кнопки пульта совершенно бесцельно, если бы телефон не зазвонил. Поднимая трубку, она ожидала услышать кого угодно: раздраженного Боброва, усталого Егора, вежливо извиняющегося Александра, но только не хриплый, измученный голос Кольки.

— Маша, ты? — как-то вяло поинтересовался он, словно набирал номер наугад, совершенно не ожидая, что ответят.

— Я... — почему-то она растерялась.

— Ты дома?

— Нет, в метро еду, — съязвила она, — Ты же на мой домашний позвонил!

— Это хорошо, — он как-то странно икнул и, охнув, прошептал, — Маш, у меня большие проблемы.

— Что?! Какие проблемы? — Она ничего не понимала, но голос его ей не понравился. Он был каким-то неестественным, странным. Таким он не говорил никогда.

— Слушай, ты не могла бы привезти тот кулон, ну, ты помнишь, который Аська носила?

— Сейчас?! — Она машинально глянула на часы, стрелки показывали половину первого.

— Я понимаю, что поздно, но худсовет выставки выдвинул условие, — заговорил он бодрее. — Понимаешь, нужно переписать этот чертов кулон. До завтра. Иначе картину снимут с аукциона.

— Как это? — удивилась она.

— Да, говорят, он не в стиле. В общем, я с ними согласился. Звоню тебе с четырех вечера, и все мимо. Очень нужно, ну, пожалуйста. Ты поняла, какой кулон?

— Перестань говорить так, словно у меня их дюжина, — огрызнулась она. — Как они могут диктовать тебе свои условия? Это же твоя работа. Ты это украшение видишь таким, каким изобразил. Почему ты должен что-то переделывать из-за критики какого-то там знатока. Это нелепо, подумай сам!

— Знаю, знаю, — поспешно согласился он. — Но они действительно имеют право диктовать условия. Тут на карту многое поставлено. Для меня это целая жизнь, другая жизнь, понимаешь? На аукцион выставляют только победителей. А моя работа не победит, если я не перепишу кулон. Теперь ясно? Аукцион — это огромные деньги. Я смогу поехать во Францию, в общем, помоги мне, пожалуйста.

— Может, ты сам прие...

Он ее резко перебил:

— Нет-нет, обязательно сегодня, пожалуйста, это важно. Договорились? Ты сможешь его сейчас забрать?

— Забрать?! — Она окончательно перестала понимать смысл происходящего. С чего это Колька решил, что кулон она хранит не дома.

— Скажи, что сможешь, — взмолился он.

— Ты сошел с ума, — отрезала Маша, поняв, что непременно должна поехать к сбрендившему художнику. Только по пути заедет в аптеку и купит что-нибудь успокоительное. Эта выставка его доконала. Нашел свой стиль, истерический! — Ладно, я привезу тебе кулон. Только не плачь.

Она положила трубку и поднялась с дивана. Станный был разговор. И просьба у Кольки странная. Хотя, с другой стороны, мало ли что бывает у людей. У одних сумасшедший продюсер со своими нереальными требованиями, у других худсовет, тоже, кстати, не вполне вменяемый. Могли бы хоть за день предупредить. Картина висит неделю, а они только накануне оглашения результатов спохватились. Она открыла нижний ящик комода, вытащила из-под белья маленькую коробочку, открыла ее. От макушки до пяток по телу пробежала дрожь. Камень холодно сверкнул в стоваттном луче электрической лампочки.

«Почему он говорил так странно? Почему он сказал, что кулон я храню в другом месте? И почему он вспомнил про Аську? Ведь при нем я отдавала кулон Катьке. И первое, что он должен был сказать, если речь зашла об этом чертовом украшении, так это примерно: «Помнишь кулон, который ты нам с Катькой одолжила и который я изобразил на картине?»». Почему же он заговорил про Аську? Она кинула коробочку на диван, заходила взад-вперед по комнате, размышляя. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, руки тряслись. Она вдруг остановилась у окна, задернула тяжелые гардины. Замерев, попыталась понять причину своего взвинченного состояния. И, наконец, сообразила — ей страшно. Безумно страшно. Что-то в разговоре с Колькой было не так. Да и не что-то, а все не так. Голос у него был странный, смысл речей — и того удивительнее. Он словно намекал ей на что-то. На какую-то опасность. Господи, ну конечно! Аська. Колька пытался сказать, что и он, и Маша из-за этого кулона находятся в смертельной опасности. Что у него есть последний шанс — позвонить ей и попросить привезти вещь. Скорее всего, в квартире художника ее ждут убийцы Аски, которые разыскивают кулон Ирмы Бонд по всей Москве. Каким чудом они вышли на Кольку? Чудом! Да он же его написал на холсте! Идиотка, вот она кто! Ей нужно было предупредить Колю после убийства Аски, чтобы он ни под каким видом не выставлял картину на всеобщее обозрение. Но она не сообразила. Да что там говорить, она вообще выкинула из головы, что Колька собирается выставлять именно картину с кулоном. А, теперь он в смертельной опасности. Наверное, и говорил с ней под дулом пистолета. И придумал версию, будто бы она хранит кулон в неведомом ему месте, а не у себя дома, только чтоб убийцы к ней не приехали. Из этого следует, что он ее спас, а теперь ждет ответных действий от нее. Если она не придет к нему, те, кто сейчас держит дуло у его виска, Колю убьют. А потом начнут и ее разыскивать. И теперь для них это несложно. Что ей делать? Что?! К кому обратиться за помощью? Она схватила телефонную трубку, набрала номер Боброва. Сначала мобильный — «абонент временно недоступен», потом домашний — длинные гудки. Звонить в милицию? И что она скажет уставшему дежурному, вяло отвечающему на сто звонков в час? «Ах, не могли бы вы составить мне компанию и прокатиться на другой конец города, потому что мне кажется, нет, я не вполне уверена,

но...» — на этом месте он, скорее всего, повесит трубку. Она позвонила в бар, хотя и не понимала, чем может ей помочь Егор. Ей ответили, что сегодня не его смена. Значит, ко всему прочему он ее еще и обманывает. Или может быть, он мчится к ней на всех парах? Но есть ли у нее время для ожидания? Долго ли будут терпеть те, кто сейчас в гостях у Кольки?

«Господи, наверное, они его били», — мелькнуло в голове.

Зачем она об этом сейчас подумала? Минут пять она не могла собраться с мыслями. Перед глазами мелькали картины жестоких избиений. Одна страшнее другой. Она снова набрала номер. Когда на другом конце провода ответили, она то ли от ужаса, то ли от неловкости пролепетала:

— Мистер Доудсен?

— Мария? — удивился тот.

Она закрыла глаза, представив, как он глянул на часы. Зачем она ему звонит? Зачем? Что может сделать английский аристократ с русскими бандитами?

— Мария, что случилось?!

Она вздрогнула, сообразив, что молчит уже целую вечность, а он кричит ей в ухо.

— Э, видите ли, в чем дело, я, ну... — Она понятия не имела, как ему все рассказать. И если не все, то что? И что затем попросить. Совета? Помощи?

— Проблемы с кулоном? — Неожиданно он успокоился. По тону, так даже усмехнулся.

— Откуда вы знаете? — на этот раз вскричала она.

— Долго объяснять. Это хорошо, что вы мне позвонили. Я сейчас приеду.

Она положила трубку и хлопнула глазами. Тело ее сковало странное оцепенение. Она никак не могла понять, с чего вдруг первое, что пришло в голову Александру было кулон. Но разве имеет это какое-то значение! Она желала помощи, она ее почти получила. Теперь главное, чтобы бандиты их дождались. Может, Коле позвонить? Сказать, что она уже в пути. Пускай успокоятся. Она уже взяла трубку, как в дверь позвонили. Прошло минут пятнадцать, а может, и меньше. Молодой аристократ начал сразу с дела. Попросил рассказать, что заставило ее обратиться к нему. Подробности о том, как попал к ней кулон, не счел значимыми.

Сказал:

— Потом.

Зато детально выслушал все о разговоре с Колей. Похвалил за догадливость. Он тоже решил, что звонок этот был странный и друг явно пытался зашифровать между строк, что он в большой опасности.

— В милицию звонить бессмысленно...

— Но там же убийцы. Они Аську убили. — Маша всхлипнула, с ужасом понимая, что сейчас расклеится. Странное дело, но, как только Александр появился в ее квартире, у нее словно груз с плеч свалился. Она расслабилась, ее перестало трясти, и, судя по всему, она стремительно превращалась из стойкой девочки с Севера без пяти минут уверенной в себе звезды шоу-бизнеса в обычную глупую провинциальную бабу, готовую распустить нюни.

— Они Анастасию не убивали.

— Почему?

— Потому что вы все еще живы. — Он посмотрел на нее и, испугавшись своих откровений, взял ее за руку, — Мария, пожалуйста, не волнуйтесь. Я придумал неплохой ход. Раз кулон все еще в Москве, значит, один человек, которого я подозревал, ни при чем. И он нам поможет.

— Кто он?

— Некий Климов.

— Тот, кто, кто с Аськой...

— Именно он. — Сэр Доудсен ей ободряюще улыбнулся и подтолкнул к прихожей, —
Нужно спешить.

— А кулон?

— Хм... Не покажете?

Она прыгнула к дивану, схватила коробочку, раскрыла ее.

— Вы его вместе с телефоном храните? Забавно. — Он взял украшение, повертел его на свету. Рассмотрел со всех сторон.

— Нет, телефон тоже принадлежал Ирме Бонд.

— Есть! — удовлетворенно воскликнул он и, подкинув кулон на ладони, сунул его в карман пальто. — Думаю, нужно его отдать тому, кто алчет им обладать.

— Вот так просто? — удивилась она.

— Просто? Мне так не кажется. Но все-таки лучше его отдать. Вам пора выйти из этой бессмысленной гонки. Пускай кролики грызутся между собой. — Он усмехнулся.

Дом, в котором жил Коля, показался Маше зловещим еще во дворе, несмотря на то что он вполне приветливо светился желтыми окнами. В любую другую ночь она, скорее всего, сочла бы и двор, и саму четырнадцатизэтажную «свечку» обыкновенной, но сейчас, трясась от страха, она оглядела строение, словно героиня жуткого триллера верзилу-убийцу, занесшего над ней смертоносный топор или еще какую дрянь, которой собирался ее прихлопнуть. Александр же держался спокойно и уверенно, будто бы он состоял в отряде «Альфа» и освобождение заложников было его каждодневной работой. Единственное, что выдавало в нем некоторое напряжение, — это походка, ставшая вдруг, как у барса на охоте, крадущейся.

— Ничего не бойтесь, — шепнул он, входя с ней в двери подъезда. — Помните, не в их интересах вас убивать.

Во всяком случае, пока мы не отдадим им кулон.

— А потом? — выдохнула она.

— Потом будет видно.

— Не нравится мне это «будет видно».

— Мне тоже, но что тут поделаешь.

Ей стало стыдно. Сама втравила человека в сомнительное предприятие, вызвала его среди ночи, а теперь еще требует, чтобы он ее успокаивал. Нахалка! Она обхватила себя за плечи, пытаясь собраться с силами и хотя бы не трястись. Вышло не слишком хорошо.

— На лифте не поедem, идем пешком, — тихо проговорил он.

— Это же десятый этаж!

— Вот именно.

Она отметила про себя, что чем ближе к цели, тем больше он изъясняется загадками. Зачем идти пешком, к примеру? Они дошли до нужной квартиры без приключений, двигались с превеликой осторожностью, в тишине, словно ожидая нападения за каждым лестничным пролетом. Перед дверью слегка замешкались. Маша пыталась успокоиться, взять себя в руки, но ничего не получалось. Всю ее сотрясала крупная дрожь. Она прислушалась, за дверью было тихо.

— А может быть, мне все только показалась? — прошептала она.

И неожиданно услышала от спутника:

— Я тоже так думаю.

— Да?! А зачем же вы меня пугали?

— А я вас и не пугал. — Сэр Доудсен усмехнулся. — Звоните смелее. Я надеюсь, что ваш друг напоит нас чаем?

— Ох! — Она покачала головой и нажала на кнопку звонка.

Александр прилип спиной к стене за дверью, чтобы его не было видно в глазок.

«Зачем? — подумала Маша, дожидаясь, пока в невидимом коридоре Колькиной квартиры перестанут шаркать подошвами, и, наконец, отпрут дверь. — Ведь сам же сказал, что никого там нет!»

Но, увидав в полумраке прихожей чересчур спокойную физиономию Коли, она поняла, что ее худшие опасения подтвердились. Лихорадочный блеск в его глазах и особенно ссадина на щеке только усилили ее опасения. Ноги ее ослабли, она обругала себя за неосторожность. Нет, нужно было звать на помощь не хилого аристократа, а целый милицейский наряд, а лучше бы группу захвата «Альфа». Нужно было лететь в отделение милиции и умолять их составить ей компанию, в ногах у них валяться, лишь бы они согласились! Как она могла быть такой легкомысленной! Вот так и гибнут наивные дурахи!

— Маша, беги! — одними губами прошептал Колька. — Беги!

— Чего? — не поняла она. Он перебил ее лихорадочные мысли, мечущиеся в голове, словно стая испуганных птиц.

— Беги, дура! — сквозь зубы прорычал он.

Она отпрянула от двери. Хотела было крикнуть, но звук застрял в горле. Она услышала глухой удар. Коля охнул и упал на колени.

Маша попятилась, начисто позабыв о существовании Александра. Она увидела того, кто стоял за Колей.

— Ты? — вырвалось из груди.

Она рванулась прочь, но негодяй, отпихнув осевшего художника, прыгнул за ней на лестничную площадку. И вот тут что-то произошло. Она не поняла, что конкретно случилось. Сначала нечто тонкое со свистом пронеслось мимо ее локтя и обрушилось на руку нападавшего. Тот взвыл, но, подавшись вперед, вылетел на площадку. Машу отнесло к противоположной двери. Она увидела, как сэр Доудсен сделал короткий выпад, трость в его пальцах крутанулась еще раз, конец ее задел голову противника чуть выше виска, тот хлюпнул и повалился ему под ноги. Повисла пауза.

— Ну, чо там, а? — послышалось из глубины квартиры.

Александр схватил в охапку тело, прикрыл им себя как щитом и таким образом направился в распахнутую дверь. Маше он жестом посоветовал двигаться следом, держась у него за спиной. Они миновали темный коридор и оказались в комнате.

— Мать твою за ногу! — воскликнул персонаж, которого с дивана словно пружина подкинула.

Его напарник, стоящий у этюдника, выкатил глаза и раскрыл рот. Судя по всему, в немом удивлении.

— Здравствуйте, господа, — довольно спокойно для человека, только что выдержавшего схватку и теперь несшего в неудобном положении недвижимое тело, поприветствовал их Александр. — Может быть, вам покажется это странным, но я рад вас видеть.

— От, блин, опять двадцать пять! — недовольно буркнул тот, что топтался у дивана.

— Да, со времени нашей последней встречи в темной арке, помните, я все думал, когда же вы снова найдете в себе силы потолковать со мной.

— На кой хрен ты нам сдался! — ответил тип у дивана, который был не в пример словоохотливее своего товарища, застывшего у этюдника. — Мы вообще не тебя звали, а вот ее!

Маша вздрогнула, когда нахальный бандит у дивана ткнул в нее пальцем.

— Представляю, как вы разочарованы, — улыбнулся ему молодой аристократ. — Но с некоторыми ситуациями приходится мириться. Неужели вы надеялись, что настоящая леди, а Мария, несомненно, таковой и является, выйдет из дома одна в такой час? Господа бандиты, вы допустили, с точки зрения ваших работодателей, профессиональную ошибку. Ведь настоящий мастер вашего дела должен учитывать все нюансы.

— Ты как хочешь, а я его сейчас пристрелю, — неожиданно прохрипел тот, кто стоял у мольберта, и, с необыкновенной резвостью выхватив из-за пояса брюк пистолет, направил его на Александра.

— Послушайте, — Аристократ, к Машиному удивлению, остался абсолютно спокоен и, кажется, даже настроился на дружеское общение, — Однажды вы уже пытались свести со мной счеты под памятной всем нам аркой. Тогда, признаюсь, я был не в лучшей физической форме. Я только подумывал о пользе утренних упражнений. Но с той поры прошло довольно много времени. Я занялся собой и, надо заметить без лишней скромности, преуспел в этом. Не думаю, что вам приятно вспоминать нашу встречу под аркой, но уверяю вас, удар мой стал точнее и сильнее. Хотя, вполне возможно, вы тоже времени даром не теряли, — Он пристально оглядел сначала одного сторбленного типа, потом другого и, наконец, недовольно поцокал языком, — Нет, вы не утруждали себя физическими упражнениями. Настоящий атлет отличается крепким сложением. Так что я бы посоветовал вам...

— Он когда-нибудь заткнется?! — взревел бандит, потрясая в воздухе пистолетом. — Слышь, если не заткнешься, я выстрелю.

— Очень жаль. — Александр подхватил поудобнее недвижимое тело, которое все еще держал перед собой. — Однако прошу прощения за философский настрой. Когда я вас увидел, что-то теплое колыхнулось в моей душе. Знаете ли, у меня не так много знакомых в Москве...

— Вот урод! — бандит у дивана со злостью сплюнул в сторону, — Теперь он к нам в друзья-товарищи набивается! Я этого не переживу.

— Попробуйте собраться и пересилить минутный порыв, — наставлял его сэр Доудсен. — Ваш босс господин Бессмертный ждет от вас решительных действий и скорых результатов.

— Вот именно! — Бандит у этюдника снова прицелился.

— Смею напомнить, — с ноткой легкой печали проговорил молодой аристократ, — Что выстрел вам не пойдет на пользу.

— Да?! Может быть, скажешь почему? — съехидничал бандит с пистолетом.

Александр вздохнул и покорно пояснил:

— Во-первых, выстрел может привлечь внимание соседей, которые не преминут вызвать милицию. Во-вторых, стреляете вы еще хуже, чем владеете приемами ближнего боя. Не сердитесь, но я делаю вывод, исходя из того, как вы держите оружие и как трясется ваша рука. В-третьих, вы просто раните своего товарища. И, наконец, последнее, вам будет неинтересно узнать, что возле подъезда в нетерпении ждут приглашенные мной господа.

Признаюсь, я не рассчитывал увидеть здесь моих старых знакомых и не желал рисковать. Наверное, это сильно умаляет мои положительные качества в ваших глазах, но что ж поделать. Поверьте, если бы я знал, что встречу именно вас, я бы никого не стал беспокоить.

— Ты чо, ментов, чо ли, вызвал? — У бандита с пистолетом бессильно опустили руки. Надо признать, что с этого момента его лицо приобрело цвет штукатурки.

А человек в руках Александра совершенно некстати подал первые признаки жизни. Он дернул рукой, открыл глаза и уставился на своего товарища.

— Что ж... — Сэр Доудсен перекинул его на одну руку, другой вытащил из кармана пальто телефон и, набрав номер, прижал его к уху, — Наше интимное randevу разрушили непростительным образом. Вы не рассердитесь, если я все-таки приглашу своих товарищей зайти. На улице, знаете ли, не то время, когда птички поют и душа радуется. Алло, можно заходить!

Парень в его руках начал вяло брыкаться. Александр перехватил трость, которую до этого зажимал под мышкой и, поддев ею пленника под подбородок, на некоторое время пресек какое-либо движение с его стороны.

— Давай разойдемся по-хорошему, — проскрипел тот, что стоял у дивана.

Бандит с пистолетом согласно кивнул.

— Неужели вы не хотите остаться и обсудить перспективы нашего с вами сотрудничества? — удивился молодой аристократ. — Я, знаете ли, еще совсем недавно легко относился к жизни, не слишком заботясь о делах и всевозможном сотрудничестве. Но с некоторых пор, и за урок я благодарю господина Бессмертного, меня так и подмывает с каждым обсудить перспективы будущего сотрудничества. Просто не поверите, с каждым встречным. Ведь мало ли кого встретишь, выходя поутру из дома. Лучше сразу все обсудить, взвесить все «за» и «против», а то потом столько ненужных проблем возникает.

— Слушай, будь ты человеком, — всхлипнул тип у дивана. — Замолчи! И так тошно!

Сэр Доудсен оборвал речь, но не из-за просьбы поверженного противника, хотя в его знаменитом роду и не принято добивать раненых, а потому, что в комнате возникли новые персонажи — парочка внушительного вида верзил в черных куртках. Один из них втащил за собой сопротивляющегося художника.

— Коля! — Маша подскочила к нему. — Как ты?

— А, это ваше, — Верзила в черном бросил художника и занялся персонажем, вросшим в пол возле этюдника.

— Поосторожнее, прошу вас, — обратился к нему Александр. — Мы еще не закончили наш диалог.

— Нет уж, лучше пристрелите меня сразу, — собравшись с силами, проскрипел бандит, все еще напоминавший кусок штукатурки, — я этого трепа больше не вынесу.

Парень в черном кинул его на диван.

— Хоть бы оглушил, скотина, — завыл тот.

— Кажись, все, — «подмога» огляделась. — Выпусти ты уже этого малахольного. Чего он у тебя как блесна повис? На хрен он тебе сдался.

Маша только сейчас вспомнила о третьем члене банды, поднялась на ноги и, медленно подойдя к нему, заглянула в лицо.

— Значит, это и есть твой новый бизнес? — тихо спросила она.

Егор, а это был он, с трудом сглотнул. Ему мешала трость Александра.

— Поганый у тебя бизнес, — она покачала головой. — Очень поганый. Недостойный. За

стойкой ты смотрелся лучше.

Странное дело, но плакать ей не хотелось. Сейчас она вдруг подумала, что именно такой развязки и ждала почему-то. Нет, не осознанно, разумеется, а где-то глубоко внутри. Иначе, почему она не рассказала ему о кулоне Ирмы Бонд? Наверное, что-то чувствовала...

— Он ваш знакомый? — изумился потомок Доудсенов и убрал трость из-под его подбородка.

Егор рухнул на колени.

— Сегодня у нас тут встреча друзей, похоже, — резюмировал он.

— Нет уж, увольте меня от таких друзей, — ответила Маша и отошла к Коле. — Они тебя били?

— Не так уж сильно, — заверил он, потирая затылок. — Просто пихали пистолетом в висок полдня. Очень гадкое чувство. Ты молодец, что сообразила.

— Ты тоже, — она погладила его по голове.

— Этот хрен, — он кивнул в сторону Егора, — Подкатил ко мне на выставке сразу после аукциона.

— Аукциона?

— Ну да. Я с этими чертями совсем уже забыл, что работа моя заняла второе место. Представляешь, второе! После тех полевых цветочков. Ну и вкусы у нашей комиссии! Машка, мне ж премия светит! Да еще и картину продали. Просто блеск! В Париж теперь поеду.

— Поздравляю, — она расцеловала его в побитые скулы.

— А этот твой дружок подвалил, когда я уже собрался надраться с радости, уговорил показать другие работы. Мол, ему так понравился мой стиль, так понравился, мать его! Ну, я и повел его показывать, как последний дурак. Подумал: чем черт не шутит, раз такой успех. И вот пожадничал. Как в квартиру зашли, так он пистолет вытащил. А потом этих двоих впустил. Все допытывался, где кулон треклятый. Я подумал, что, если тебе не позвоню, точно ужокошат. Так что ты была моим последним шансом на выживание. И ты молодец! — еще раз тепло повторил он.

— Удивительно, что он не перерыл мой дом, — пробормотала Маша, искоса поглядывая на Егора, теперь уже рядом с товарищами сидевшего на диване.

— Он же не знал, что это твой кулон. Я ведь не сказал. Сказал, что Маша — Аськина подруга по кордебалету. Не знаю, почему они на номер не смотрели, который я набрал. Я боялся.

— Ты молодец. — Она обняла его, пощупала ссадины. — Больно?

Колька сморщился, и она испуганно отдернула руку:

— Надо бы тебе к врачу.

— Ай, пустяки, — он хрипло хохотнул. — А что это за кулон-то? Что за дрянь такая?

— Дрянь! — услышав его, ехидно передразнил Егор. — За эту дрянь люди глотки друг другу перегрызть готовы.

— Не все, — с презрением ответила Маша.

— Ах, конечно, — Егор фыркнул. — Есть и те, кто на это ни за что не пойдет! — он кивнул на Александра. — Может быть, потому, что он ничего не знает?

Тот улыбнулся всем присутствующим и вытащил из кармана украшение Ирмы Бонд. Он поддел его за цепочку и на глазах у изумленно затихших присутствующих повертел на свету:

— Красиво...

Повисла напряженная пауза. Семь пар глаз уперлись в голубой камень.

— Не знаю, на что рассчитывают ваши хозяева, — равнодушно заметил сэр Доудсен, — но я готов его вам отдать. Собственно говоря, именно за этим мы сюда и приехали. Нам он не нужен, ведь так, Мария?

Она кивнула.

— Он попал к нам в руки совершенно случайно и уже принес достаточно бед, чтобы держать его при себе и далее. Я догадываюсь, что вы постараетесь найти ему более интересное применение. Возьмите, но в обмен на обещание не чинить проблем нам всем, включая Николая, которому вообще ничего не известно.

— Лады, — угрюмо согласился за всех Егор.

Александр вознамерился было кинуть ему кулон, но парень в черной куртке неожиданно выхватил пистолет и направил его на Машу. Та замерла, уставившись на дуло.

— Только попробуй, и я ей башку разнесу! — прошипел он.

— Ну, сейчас опять начнется... — понуро вздохнул тип из стана Егора. Тот самый, который все еще сильно смахивал на кусок шпукатурки. — Сейчас начнутся трогательные воспоминания о физических упражнениях, мать их. Мама, роди меня обратно!

— Замолкни, — второй тип в черном сильно толкнул его в грудь, заставив выполнить свое требование.

Александр же поднял бровь. Пальцы его с силой сжали набалдашник трости.

— Как это понимать?

— Понимать так, что кулон ты отдашь мне. И тогда мы все тихо разойдемся.

— Мне, собственно, все равно, кому вручить кулон, но господин Климов...

— Ему все равно, а мне лично — нет! — вскричал Егор и, вскочив, мастерски саданул охранявшего их парня в черном в челюсть.

Его напарник, резко вскинув руку в сторону Егора, выстрелил. Маша невольно вскрикнула и зажмурилась. Егор взвыл и рухнул на диван, схватившись за раздробленное колено.

— Хватит шутки шутить! — рявкнул стрелявший. — Давай кулон, а то я тут всех положу!

Александр, со стоическим спокойствием перенесший выстрел, пожал плечами и обратился к товарищам Егора:

— Простите, но тут я бессилен. — Он повернулся к парню с пистолетом:

— Значит, вы требуете кулон. Я правильно вас понял?

Ответить ему не успели. Квартира вдруг наполнилась таким шумом, словно с верхнего этажа в небольшую прихожую сошел селевой поток. Ломая все на своем пути, а именно: снеся вешалку и светильник, мирно висевший на стене вопреки всем безобразиям, в комнату ворвался красный от возбуждения Серж Бобров. Александр усмехнулся, отметив про себя, что в его облике явно не хватает знамени с начертанным на нем знаменитым «Excelsior!», а то он являл бы собой «юношу с пылающим смелостью взором». Серж шумно выдохнул и, бешено вращая глазами, прогудел:

— Что тут происходит?!

Парень в черном молниеносно наставил на него дуло пистолета.

— Убери свою пукалку к едрене фене! — рявкнул на него меценат и громко взвыл, — Маша, где ты?!

— Я здесь, — пискнула она, не сводя глаз с пистолета.

Сердце ее бешено колотилась. Серж ведь не был свидетелем того, как этот стрелок

только что раздробил колено Егору. Поэтому он может на него орать, думая, что все ему сойдет с рук. А вот парень в черном, судя по всему, так не думал. Пистолет он не убрал, как раз наоборот — очень даже походило на то, что он сейчас снова начнет палить по коленям. Или, чего хуже, по головам.

— Господи! — Бобров встревоженно глянул на нее. — Ты в порядке?

— В относительном.

— А почему ты на полу сидишь? — Он порывисто рухнул рядом и зачем-то стал ощупывать ее ногу, повторяя, — Ты в порядке? В порядке?

— Эй! Что ты за хрен такой? — четко и без всяких эмоций обратился к нему парень с пистолетом. Видимо, терпение его стремительно иссякало.

— Это я у тебя спросить хочу, — ворчливо огрызнулся меценат, продолжая мять колено своей подопечной. — Что за фигню вы тут устроили?

— Пока не началась бессмысленная пальба, позвольте я все объясню, — подал голос Александр.

— Только не это! — Подельник Егора, устойчиво сохраняющий на лице цвет шпукатурки, закатил глаза. — Кто ж ему слово-то дал! Изверги!

— Спор идет о кулоне, вернее, о праве им обладать. Кулон все еще у меня.

— Да? — Бобров посмотрел на него в искреннем восхищении. — Я так и думал, что ты его найдешь. Уж больно ты пытливей, хренов ты скаут!

— Вот те ребята — от господина Бессмертного, — продолжил сэр Доудсен, пропустив его замечание мимо ушей. — Вот эти, с оружием, — от господина Климова.

— Моих приплюсуй, — предложил меценат, — В подъезде человек десять будет. И еще я ментов вызвал.

— Пошла каша, — недовольно проскрипел Егор.

— Так что все, милые, банкет окончен. Кто не хочет провести остаток дней на Колыме или сыграть в ящик, пошли вон. — Бобров встал и с упрямством, присущим разве что быку на корриде, глянул на парня, все еще целящегося ему в живот. — Я сказал, вон!

— Я тебе щас башку разнесу, — огрызнулся тот.

— Во сне, мальчик.

Но «мальчик», что называется, закусил удила. Осуждать его за это было, по меньшей мере бестактно. В конце концов, где это видано, чтобы порядочного человека с пистолетом оскорблял какой-то пухлый безоружный господин. Да как еще оскорблял, с особым цинизмом, можно сказать. Бандит побледнел и, вскинув руку, вознамерился нажать на курок. В этот момент воздух снова рассекла трость Александра. После глухого удара пистолет со свистом пронесся под потолком, пробил окно и полетел прочь, навстречу земле.

— Вам бы действительно лучше уйти по-хорошему, — проникновенно обратился к нему потомок аристократического рода. — И передайте мою благодарность господину Климову.

Судя по всему, удар несколько отрезвил бывшего союзника, повыбив из него никчемную скарედность. Баюкая больную руку, он поплелся к выходу, бормоча на ходу невнятные проклятия. Напарник поспешил следом.

— Этих пропустите. Пускай валят ко всем чертям! — крикнул в сторону прихожей Бобров и снова с отеческой нежностью глянул на Машу, — И как тебя угораздило ввязаться во все это?

— Я думаю, об этом стоит поговорить несколько позже, — опять обозначил свое присутствие сэр Доудсен. — Уже довольно поздно. Сожалею о разбитом окне. — Он

поклонился немало удивленному предыдущими сценами художнику. — Вам бы нужно поспешить в больницу. Он кивнул Егору.

Серж помог Маше подняться.

— Я не хочу, чтобы ты тут ночевал. — Она подала руку Коле, — Поедем ко мне.

— Как?! — Глаза мецената вмиг превратились в узенькие блестящие щелочки. — А как же твой ненаглядный кавалер? — Он глянул на сторбленного, бледного от боли Егора. — Его тебе совсем не жаль?

— Сэр Доудсен, кажется, предложил перенести все объяснения на завтра, — недовольно напомнила она. — Я с ним полностью согласна.

— А я нет! — взревел Бобров.

— Возьмите, это вас немного развеселит. — Александр протянул ему кулон.

Меценат осторожно принял его, повертел на ладони и сунул в карман куртки, буркнув, — Ну вас! Что за секреты, в самом деле!

— Нет тут никаких секретов, — резко ответила Маша. — Не могу я допустить, чтобы мой друг оставался в квартире с разбитым окном. К тому же он столько сегодня пережил, и все по моей вине.

Она неожиданно осеклась, посмотрела в сторону Егора, потом стремительно подошла к нему:

— Ты убил Аську? Отвечай!

— Какую, к черту, Аську... — простонал тот. — Не видишь, у меня колена нет!

— Сейчас второго не будет! Ты убил?!

Александр тихо подошел сзади, взял ее за плечи и произнес:

— Мария, не настаивайте. Ему действительно невыносимо больно. Он не убивал Анастасию.

— Откуда вам знать! — Она мотнула головой, не отводя гневного взгляда от бывшего любовника. — Этот на все способен.

— На многое, скажем так, — мягко согласился с ней сэр Доудсен. — Но Анастасию он не убивал.

— А кто? Кто убил? И кто убил Ирму Бонд? — Неожиданно она повернула голову в сторону Боброва и спросила таким тоном, словно знала ответ, — Кто убил Ирму Бонд?!

Тот потупился, покраснел и, резко развернувшись, пошел к выходу, деловито покрикивая:

— Отвезите девушку и художника с Александром, куда скажут. Сначала девушку. Этих не трогать, пускай сами добираются.

Маша всхлипнула, прошептав:

— Я так больше не могу.

Сейчас ей было очень плохо! Хуже, чем час назад, когда она узнала о предательстве Егора. Не в силах больше носить в себе переполняющую ее тяжесть, она упала лицом на плечо аристократа и закрыла глаза. Он погладил ее по голове, обнял за плечи и повел к выходу, приговаривая:

— Ничего, ничего. Все обойдется. Все наладится. Вам нужно выспаться. Завтра начнется новый день.

— Вы не понимаете, — пробормотала она. — Вы не понимаете. Я не хочу в это верить!

Утром следующего дня по настоянию молодого аристократа в офисе Боброва должны были собраться все участники «истории с кулоном», исключая художника Николая, который никакого отношения к ней не имел, кроме того, у него появились неотложные дела, связанные с восстановлением пробитого окна. Маша с Александром прибыли первыми. Ночь она провела в размышлениях и догадках, в коих принял участие и Коля, мучимый бессонницей после столь тяжелых потрясений.

День у нее начался хмурыми воспоминаниями. Странно, но Егор очень быстро вылетел из ее сердца, правда, оставил в душе неприятный осадок, словно наследил на чистом паркете. Она не хотела о нем думать.

«Поднок! — сказала она себе, наливая чашку кофе. — Он свое получил! И на этом точка!»

Она походила по квартире, отыскивая следы его пребывания в своей жизни. Сняла с вешалки его полотенце, убрала с полочки его бритвенные принадлежности, одеколон и зубную щетку, вынула из шкафа две рубашки и все это затолкала в мусорное ведро. Прodelала все быстро, без эмоций, машинально. Потом открыла форточки во всех окнах, проветрила, чтобы исчез его запах.

— Ну-ну... — только и сказал Колька, наблюдая за ней.

— У тебя есть планы? — Она села напротив, когда закончила с очисткой территории.

— Все еще в Париж, — он вяло улыбнулся, — В школу искусств. Французский не знаю, ну и хрен с ним. Прорвемся. А ты что будешь делать?

Она пожала плечами:

— Не знаю.

— А то давай, может, поехали со мной? — неожиданно предложил он.

— Как это? — удивилась Маша.

— Ну как, — он сконфузился, — понимаешь, ты ведь меня от смерти спасла. Без дураков. Я тебе по гроб жизни обязан. А я теперь перспективный художник. Не пропаду. Кончу курсы в школе искусств, стану тут у нас мега супермодным. Днем буду дизайнером подрабатывать, ты верь, мне уже предлагали, а вечерами картины писать. Смотри, я, даже стоя на развале перед ЦДХ, на квартирку заработал. То ли еще будет!

— Подожди, подожди, — она замахала на него руками. — Ты это что же, замуж меня зовешь?!

— А что такого? Чем я не выгодный жених?! — Он совсем сник, что было так на него не похоже.

— Коль, — хихикнула Маша и взяла его за руку, — мы же друзья. И всегда ими останемся. Но чего ты на мне-то крест поставил? Я ж не на улице, я к сцене готовлюсь.

— Это-то так... — Он вздохнул. — Но ты же говорила о Боброве такие нехорошие вещи.

— Подумаешь Бобров! Я молодая, талантливая, сама пробьюсь. А женятся по любви, а не из благодарности, понятно?

— Я же еще не закончил, — обиделся он. — Ты мне нравишься!

— По любви, — повторила она, похлопав его по руке.

Сейчас, расхаживая по пустому кабинету своего продюсера, она вспомнила их разговор и усмехнулась. Вот был бы номер, если бы она действительно согласилась. А ведь мелькнула

мыслишка: что, если? Колька милый, добрый и совсем не похож на прочих художников — хмурых, полупьяных типов. Кольку бы отмыть, причесать, стал бы даже ничего. Умотала бы она в Париж, где никто ее не достанет. Отомстила бы Боброву заодно... Заодно ли? Она оперлась о его стол, огляделась. Похоже на кабинет профессора околдованных наук: там карта страны с отмеченными точками нефтяных разработок, тут музыкальный центр, видеоманитофоны: и бытовой VHS, и профессиональный Betacam, чтобы клипш подопечных оценивать. На стене фотографии известных артистов вперемешку с политиками и бизнесменами. На столе кипе факсов, кажется, от всех существующих в мире компаний. Над столом новое увлечение Сержа — какой-то график из фирмы по разработке компьютерных технологий. Рядом притулился портрет модного дизайнера, видимо, в своем же интерьере. Следом за ним огромный плакат с какой-то жуткой, мерзко скалящейся рожей. Ниже надпись: «Иван Карпов! Россия победит!»

«Во что еще Бобров надумает деньги вложить?»

Она обошла стол, в углу увидела прислоненную к стене картину и ахнула. Однако поразмыслить над открытием не успела, дверь открылась, впустив в офис самого хозяина, сэра Доудсена, к ее ужасу, господина Бессмертного, Наталию Касальскую и лысого субъекта, которого путем исключения она определила как Бориса Климова. Все расселись по кожаным диванам. Серж устало рухнул в свое кресло за столом. Маша притулилась в углу на стульчике. Огляделась. Александр был, как всегда, спокоен и свеж. Ни тени усталости, ни намек на волнение, словно не было перед этим утром кошмарной ночи, где ему все время приходилось драться да защищать слабых. В отличие от него Бобров и Бессмертный заметно нервничали. А последний еще и злился. Дергал себя за длинный нос, стрелял глазами во все стороны и вообще неуютно себя чувствовал. Климов сидел смирно, сложив руки на коленях. Наталия с видимым равнодушием листала журнал.

Молодой аристократ поднялся и заговорил:

— Я прошу прощения у всех за то, что настоял на нашем странном собрании. В самом деле, вы вряд ли оказались бы в одном довольно тесном помещении по своей воле. Но всех нас занимает один вопрос, и потому все мы сейчас здесь. Я хотел бы пояснить причину, по которой пригласил дам, хотя они не имеют прямого отношения к поиску злополучного кулона. Наталия Касальская — супруга Юрия, чьи сокровища, собственно, мы все обсуждаем. И правила приличия, господа, требуют ее присутствия. Иначе я не стал бы тут выступать. Мария... — Он бросил на нее взгляд, исполненный благодарности. Она моментально зарделась. — Мария невольная участница событий, поскольку именно она нашла кулон и телефон Ирмы Бонд, когда та отшвырнула эти вещи от себя за кулисами.

Далее он вкратце описал, каким образом вещи певицы очутились в руках Маши, пояснил, почему она прятала их ото всех, в том числе и от милиции. Маша была ему страшно благодарна. Она бы не нашла таких правильных слов, чтобы объясниться с Сержем, который в начале рассказа поглядывал на нее волком, а к концу с теплым укором: мол, как ты могла мне-то не доверять.

— И вот мы подходим ко вчерашней ночи. — В продолжительной паузе сэр Доудсен оглядел всех собравшихся, — Я не виню вас, господа. Всеми вами двигало единственное желание — покончить, наконец, с безобразными поисками кулона. Расскажу всем, как было дело, чтобы далее не возникло недомолвок. Итак, господин Бессмертный...

Тот уперся в него стальным взглядом. Даже Маше стало не по себе, а аристократ продолжал как ни в чем не бывало:

— Вы использовали тактику внедрения в стан противника. Поняв, что кулон находится где-то рядом с Марией, ведь Анастасия была ее подругой и Мария могла знать о судьбе кулона, вы подослали к ней своего, скажем так, агента. И не напрасно. Он быстро взял след и вышел на художника Николая. Правда, он и не подозревал, что все время находился рядом с украшением, которое Мария держала в своей квартире. Господин Бобров — ценитель искусства — увидел картину с кулоном на выставке. Он ее, разумеется, приобрел...

— Не приобрел бы, если б она дерьмовой была, — буркнул меценат. — Хорошая работа, чего не купить. Парень скоро знаменитым станет. Я ее за большие бабки загоню.

— Похвальнее стремление, — согласился Александр, — но это не помешало вам направить за художником своих людей, которые тут же установили слежку за его квартирой. Вы дали им указание звонить в эту ночь при любых странностях. Разумеется, что большей странности, чем появление меня и Маши, они не могли и предположить. И вы успели весьма вовремя. Право, не знаю, чем бы все закончилось, если бы не ваше появление.

— Это мои козлы напортачили! — воскликнул доселе затаившийся Климов.

— Вы приказали им не только охранять нас, за что мы с Марией вам очень благодарны, но и принести вам кулон. Это примечание к действиям они получили без моего ведома, а потому с моей стороны встретили законное непонимание. И все же я верю, что вы действовали из благих побуждений.

— Конечно! — бурно согласился тот. — На меня поездка повлияла. Захотелось стать честным и правильным. Я хотел отдать украшение ее единственной владелице. С какой стати эти мужики охотятся за тем, что принадлежит хрупкой даме! Ведь не просто безделушка какая-то. Там счета ее мужа. Значит, это ее вещь по праву!

— Ничего себе заявочки! — От возмущения Бобров вскочил и саданул кулаком по столу. — Там моих денег больше половины!

— Ничего подобного, — запротестовал Бессмертный, который во время пламенной речи Бориса корчил презрительные гримасы. — Это я за своими кровными гонялся. Твоих, Серж, там и четверти нет. Там мои в основном. Еще Юрчика.

— Но большая часть должна была пойти на инвестиции в мою нефтяную компанию.

— Моя нефтяная компания! — Передразнил его Бессмертный. — Когда это она твоей была? Ты в совете директоров.

— Как и ты, между прочим. Мы же вместе договорились вложить бабки в разработки скважин.

— Да, — тот фыркнул. — Только я передумал. Признаюсь, отчеты независимых экспертов о месторождениях грубая липа, которую Юрчик заглотнул. Я деньжата слить хотел, а потом все это стало бессмысленным. Хотел деньги свои выручить.

— Вот урод! — Серж устало опустил в кресло, и Маше стало его жалко, — Мы едва не получили тендер на разработку этих месторождений. Думали, что они богаты как черт знает что!

— Это на Васю весьма похоже, — улыбнувшись, признала Наталия.

Какая же она была красивая! Маша то и дело украдкой поглядывала на нее. Точеная фигура, тонкие руки, длинная белая шея, строгий профиль, умные черные глаза, Просто статуя. И спину держит прямо, даже сидя на мягком диване. Она и сама постаралась распрямить плечи. А сколько в этой женщине внутреннего достоинства! К такой не подойдешь, не хлопнешь запросто по плечу. Немудрено, что столько мужчин влюблены в нее до смерти. Вон как бьются за ее права на капитал.

— Как бы то ни было, господа и дамы, но на кулоне нет никаких счетов, — проговорил Александр довольно тихо в наступившей паузе, однако на присутствующих его слова подействовали хуже, чем раскат грома.

— Как нет? — вскричал Бессмертный.

— Так. Нет! — Бобров развел руками и вяло улыбнулся. — Я всю ночь над ним корпел. Даже лазером светил. Пусто.

— Я не верю, — Бессмертный побледнел. — Этого быть не может. Ирма сказала, что это в последнем подарке что-то есть!

Климов ерзал на диване, словно ему кнопку подложили, и беспокойно поглядывал то на сэра Доудсена, то на Бессмертного.

— Значит, Ирма все-таки сказала, — Серж многозначительно хмыкнул.

Наталия снова уставилась в журнал, словно ее это сенсационное открытие вовсе не взволновало. Маша еще раз восхитилась поразительным самообладанием этой женщины. Пожалуй, она могла бы соперничать в этом с Александром.

— На, убедись. — Бобров вынул из кармана и кинул на стол кулон.

Бессмертный с необыкновенной прытью подскочил, схватил камень, завертел его в руках, разглядывая.

— Ты мне подделку подсунул, — наконец изрек он и швырнул кулон владельцу. — Гад!

— Неплохая мысль, — с безразличием заметила Наталия, не отрывая взгляда от красочной рекламной страницы.

— Не дури, — благодушно ответил Серж. — Я охренел не меньше твоего. Откуда мне было знать, как выглядит этот треклятый кулон?

— Еще бы! Ты убил Ирму, забрал кулон, а потом своей девке подсунул подделку, чтобы отвести подозрение. Как удачно она всплыла, а? Хороший трюк!

— Никто мне ничего не подсовывал! — заявила Маша, сама не ожидая, что выйдет так громко.

Однако на Бессмертного ее слова не произвели впечатления:

— Заткнись ты!

— Я бы попросил! — взревел Серж и, кивнув ей, снова повернулся к оппоненту, — Если бы я откопал счета, я бы уже давно вложил деньги в разработку. Они мне для того и нужны были.

— Рассказывай! У тебя вся ментура куплена еще со времен твоего папочки-министра. Да ты всех шишек сам рассадил по кабинетам. Знал, что не тронут, даже если ты полгорода перебеешь. Что тебе стоит одну Ирму завалить. И как у тебя рука только поднялась на нее. На Ирму!

Наталия болезненно поморщилась, откинула журнал и решительно поднялась.

— Мне все это ужасно надоело, — громко заявила она и найдя глазами Машу, неожиданно дружески ей улыбнулась, — Мне кажется, дамам тут делать больше нечего. Смотреть, как сильная половина человечества пачкается в собственной грязи, — зрелище не для слабых женщин. Идемте, Мария, выпьем кофе.

Маша нерешительно поднялась и посмотрела на Александра.

— Разумеется, — тот, кажется, обрадовался. — Но помните о том, что нам еще нужно потолковать. Не уезжайте, не повидавшись со мной.

Она кивнула и пошла следом за прекраснейшей из женщин.

Когда они устроились за столиком кафе, через дорогу от офисного здания, Наталия,

склонив голову набок, принялась откровенно ее разглядывать. Молчание затянулось. Марии стало не по себе, но начать разговор первой она не могла. Не знала с чего.

— Значит, вы и есть новая муза Сержа. — Наталия усмехнулась. — Забавно...

— Что же тут забавного? — Маша с ужасом ощутила, как стремительно краснеет.

Наталия не ответила на вопрос. Произнесла надменно, словно и в самом деле имела право раздавать оценки, — Вы хорошо поете. Я слышала в «Кристалле».

— Спасибо...

Что ни говори, но общаться с ней было неприятно. Наталия ко всем относилась свысока — это Маша и раньше заметила. Но испытывать этот покровительственный тон на себе и стараться сделать так, чтобы разговор не стал унижительным, — задача не из легких. Она уже чувствовала себя ужом на сковороде. Привилегию выкручиваться Наталия оставляла собеседнику, а сама играла королеву на аудиенции, позволяя себе всякие бестактности.

— Так вы теперь еще и наша темная лошадка, — Она растянула губы в улыбке, которую, по всей видимости, хотела представить как дружелюбную. Однако у нее это плохо получалось. — Удивительный виток судьбы. Скорее действительно похоже на то, что Серж все подстроил.

— Ничего он не подстраивал, — устало ответила Маша, которая к этому моменту уже не находила сил для словесной игры.

«Уж лучше бы Александр появился поскорее, — подумалось ей. — А то чувствую себя инфузорией-туфелькой под микроскопом строгой лаборантки, которая пересчитывает твои усики и находит их количество недопустимым».

— Не сердитесь, Маша. — Неожиданно голос Наталии стал теплым, а ее ладонь накрыла Машины пальцы, — Утро сегодня выдалось нервным, до сих пор не могу в себя прийти. — Она отняла руку и, приложив ее ко лбу, на мгновение закрыла глаза. — Все эти люди — мои давние друзья. Сегодня мне было очень неприятно на них смотреть. А ведь мне с ними и дальше жить...

— Простите, — промямлила Маша, раскаиваясь.

— Ах, пустяки. — Настроение Наталии менялось каждую секунду, и теперь она легкомысленно отмахнулась, — В конце концов, они всего лишь мужчины. Стоит ли ждать от них большего.

— Я не понимаю. Вернее, я хотела сказать, что некоторых из них вы знаете лучше. Но по поводу Александра и Сержа я не могу согласиться.

— Да, Серж, — со значением повторила Наталия. — Этот, как выяснилось, на многое способен.

— Что вы имеете в виду?

— А ты?

Маша растерянно пожала плечами.

«Действительно, что она имела в виду?»

— Он такой решительный, такой умный, талантливый.

— Осторожнее, — усмехнулась Натали, — Все эти качества в мужчине крайне опасны. Уж лучше иметь рядом нерешительного и глуповатого. Так, знаешь ли, спокойнее.

— Ну...

— Поверь мне. Как ни грустно признавать, я тебя много старше, — она вздохнула с наигранной печалью, — А значит, опыта у меня больше. В твои годы я тоже замечала только решительных и умных. И вот результат: я — соломенная вдова, мои капиталы делят все эти

решительные и умные, а я тут, в кафе жду, когда они решат мою судьбу, вернее, поделят шкуру моего неубитого мужа.

— Это как-то мрачно.

— Не то слово. Кто твой имиджмейкер? — неожиданно спросила она, стремительно меняя тему.

— Никита, наверное, — неуверенно ответила Маша.

— Никита — стилист. А Серж не научит тебя тому, что тебе необходимо знать. Ты не умеешь себя вести. Совершенно. Уж прости за прямоту. Ты слишком проста для того, чтобы тобой восхищались.

— Намеряете на Ирму Бонд?

Наталия нахмурилась, пристально взгляделась в нее, потом заявила:

— Нет, в ту сторону тебе даже ступать не стоит. Ты совсем другая. Ты притягиваешь, не спорю. Но все-таки тебе не хватает некоторых навыков. Ну, хотя бы в умении общаться, держать удар. Ты трижды за нашу непродолжительную беседу сдала свои позиции. Так дело не пойдет. Журналисты быстренько распространят, что ты глупенькая пустышка. Не думаю, что тебе это будет приятно.

— Да, я знаю за собой этот недостаток. Но я не умею лезть в бутылку.

— И слава богу! — Наталия рассмеялась, — Хуже, если они скажут, что ты глупая грубиянка. Нужно учиться быть тонкой и ехидной. Тогда они начнут тебя бояться и сто раз подумают, прежде чем задать тебе какой-нибудь каверзный вопрос.

— Не знаю, как этого добиться, — честно призналась Маша.

— Пока старайся отвечать вопросом на вопрос. Испытанный метод.

— Это как-то нелепо.

— Ты так думаешь? — Она выдержала паузу, а потом весело расхохоталась, — Ну как? Работает?

— А вы находите это смешным? — задала встречный вопрос Маша.

— Уже неплохо. Ты схватываешь на лету.

— Неужели?

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— А вы?

— Но ты не занята?

— Неужели вы собираетесь мне что-то предложить?

— А это будет уместно? Ты не подумаешь, что я навязываюсь к тебе в подружки?

— А вы как считаете?

— Если я в восемь заеду за тобой, ты не против?

— Хотите развеяться?

— Ну, в каком-нибудь клубе, скажем «Лимонад», а? Или в каком-нибудь другом?

— Я согласна.

— А! Проиграла! — воскликнула Наталия. — Где вопрос?!

— Хм... — Маша лукаво глянула на нее. — Но вы же не знаете моего адреса, не так ли?..

— И, пожалуйста, давай на «ты». А то я себя дуэньей чувствую.

Удивительно, как изменились их отношения после небольшого, так неприятно начавшегося разговора за чашкой кофе. Расстались они почти подругами. Наталия оказалась вовсе не той сосулькой, какой выглядела сначала. Или хотела выглядеть в обществе мужчин.

Как бы то ни было, Маше она неожиданно понравилась.

Распрошавшись до вечера с Наталией, она зашла в офис Боброва, чтобы потолковать с Александром, как он и просил. Хотя совершенно не понимала, зачем она ему понадобилась. Именно сейчас, когда она непременно столкнется с Сержем и Бессмертным, которых ей видеть совсем не хотелось. Странно у нее было на душе. Казалось бы, что должен испытывать человек, едва избавившись от тяжеленого груза, так мешавшего ему нормально существовать? История с кулоном закончилась, причем весьма благополучно. Надо бы поставить жирную точку и жить дальше долго и счастливо. Но ни легкости, ни радости от освобождения она не испытывала. Наоборот, она ощущала на душе еще большую тяжесть. В этом она и призналась сэру Доудсену, когда они вышли из здания и побрели вниз по Ленинскому проспекту.

— Я вас понимаю, — неожиданно сказал он. — Но все дело в том, что точка в истории еще не поставлена. Вас гнетет то, что вы не знаете, кто убийца Ирмы Бонд и Анастасии Вернее, не решаетесь сделать выбор между подозреваемыми. Я обещаю вам в скором времени все рассказать.

— Вы знаете?

— Почти наверняка.

— Кто же? — У нее перехватило горло, и холодный ветер застрял в нем, так и не достигнув легких.

— Я не могу обвинить человека, не имея на руках доказательств, — заявил он.

— Не знаю, хотела бы я услышать правду? — Это было сказано от самого сердца.

— Хотели бы, — пренебрегая паузой, положенной в таких случаях, ответил Александр. — Или вы будете ломать над этим голову всю жизнь. Трудно подозревать человека, с которым вы так близки.

— Вы говорите о Серже? Но доказательства налицо! Когда она произнесла эту фразу, ей стало почему-то легче, — Он мог зайти к Ирме в примерку на том концерте. И это не вызвало бы подозрений.

— Он и зашел, — согласно кивнул Александр.

— Вот видите! С Анастасией еще проще. Вы же видели вчера ночью, такие, как Бобро или Бессмертный, не убивают своими руками. У них есть для этого специалисты. И как вчера Серж примчался к Коле! Сначала я подумала, что он испугался за меня...

— Я и теперь так думаю.

— Даже после того, как увидели картину Коли в его офисе? Он увидел Катюку и понял, что на ней тот самый кулон. И он догадался, что мне что-то известно. Поэтому он и примчался.

— Хм... — многозначительно изрек Александр.

— Однако доказать его вину вам будет очень сложно.

— Я вас хотел кое о чем попросить. Не считите за наглость, но мне весьма нужна ваша помощь, — тихо проговорил он и страдальчески взглянул на нее, словно собирался предложить нечто не соответствующее его представлениям о чести.

Наталия опаздывала. Маша успела одеться и накраситься. И даже сменить платье, поскольку первое показалось ей слишком консервативным для клуба. Она снова оглядела себя в зеркале. Чудо, несмотря на все перипетии, связанные с убийствами и кулоном, произошло. На нее смотрела незнакомка, которая, казалось, только что сошла с эстрадных подмостков, чтобы отдохнуть в модном клубе.

«Н-да, о таких и пишут в светской хронике».

Терракотовый замшевый костюм, купленный для нее Никитой в Лондоне, больше подходил красотке из эры первобытнообщинного строя — одни неровные тряпочки и тесемочки. Юбка едва прикрывает попу, кофта создана для того, чтобы оголить максимум поверхности женского тела. К костюму прилагались высоченные сапоги на шпильке. Станный наряд, но что поделаешь, раз мода такая. На руке у нее блестящий браслет от Шанель, в ушах огромные круглые серьги. А волосы забраны в высокий пучок, с ними возиться не хотелось. Вот такая она теперь, Мария Иванова — девочка с Севера. Она не могла понять, нравится она себе или нет. Интересно, что скажет Наталия — знаток моды и клубной жизни? Придется ли она в таком наряде ко двору? Никита уверял, что это «самое оно». Но Никиту же не станешь таскать повсюду за собой, чтобы он разъяснял оторопелым гражданам, что тряпочки и тесемочки — это последний писк европейской моды у тамошних эстрадных звезд.

Маша бросила взгляд на часы — половина девятого. Может быть, Наталия раздумала? И это было бы весьма кстати. Вернувшись домой, приняв душ и сев на диван, Маша вдруг ощутила усталость. Ей хотелось лечь и выспаться как следует, а не тащиться в клуб, дабы провести вторую бурную ночь. Но только она расслабилась, вознамерившись переодеться в халат, как в дверь позвонили. Наталия выглядела, как всегда, сногшибательно.

— Напоишь кофе? — весело спросила она, скидывая шубу. — Попала в пробку. Какого-то идиота занесло на дороге.

— Конечно, — Мария поспешно удалилась на кухню, боясь оценки строгого критика.

Ходить на высоких каблуках было жутко неудобно. Чувствуя себя не то цаплей, не то акробатом на ходулях, она притащила в гостиную чашки и турку.

— Я плохо варю кофе, — краснея, усмехнулась она, — Так что на многое не рассчитывай.

— Ай, ерунда, — весело подбодрила ее Наталия. — Ты же не собираешься наниматься в секретарши. Тогда зачем тебе мастерски варить кофе?

— Ты так считаешь? — Мария лукаво взглянула на гостью, и обе весело рассмеялись, вспомнив утренний разговор.

— Кстати, — успокоившись, сказала Наталия и отпила кофе. — Я весь день думала над тем, что ты — последняя, кто слышал разговор Ирмы Бонд. Я хотела сказать, ты была практически последней, кто видел ее живой. То есть почему бы тебе не рассказать следователю об этом. Может быть, ключ к убийству в том самом разговоре?

— Ну... — Маша на секунду задумалась. — Мне это как-то в голову не приходило. Сейчас припомню. — Она нахмурилась, — Ирма с кем-то ругалась...

— Вот видишь!

— Но непонятно, с кем.

— Может быть, ей угрожали? Я имею в виду Ирму.

— Нет, — Маша покачала головой. — Скорее этот разговор ее сильно расстроил. Поэтому она и швырнула и кулон, и телефон в кулисы. Со злости. Я уже точно не помню, но все дело там было в мужчине. Ирма говорила, что он, этот мужчина, принадлежит только ей. А ее собеседник в это не верил.

— Догадываюсь, о каком мужчине идет речь, — погрустнела Наталия. — Наверное, мой муж умудрился завести еще одну любовницу, помимо Ирмы Бонд! Просто донжуан какой-то!

— Прости, — запоздало опомнилась Маша. Не нужно такое жене рассказывать, — Но,

может быть, речь шла о другом мужчине. Может быть, это Ирма кого-то еще завела?

— А ты даже не посмотрела, с кем она говорила? — Наталия уставилась на нее, явно изучая. Этот требовательный взгляд Маша уже успела узнать.

— Посмотрела? — удивленно пролепетала она. — Ирма же говорила по телефону!

— Ох, — Наталия прижала палец к виску, — Ведь это современный телефон. Там должен быть определитель номера.

— Я не знала, — Маша, извиняясь, развела руками, — Я его просто выключила.

— Как это? — На сей раз искренне изумилась Наталия. — Ты что, начисто лишена женского любопытства? Тебе не интересно, с кем общалась Ирма Бонд — известная певица? Какие телефоны забиты в ее записную книжку, например? Ведь сейчас мобильник — это справочник по жизни его владельца!

— Я об этом не думала, — Маша вздохнула.

— И ты не собиралась отдать телефон следователям? Или хотя бы Сержу? Или Александру?

— Я хотела, — призналась Маша. — Но сначала боялась. А потом, еще больше боялась, что кто-то узнает, что вещи Ирмы Бонд у меня.

— Неужели телефон и сейчас у тебя? — Наталия усмехнулась, словно не верила в собственное предположение.

— Да, — ответила Маша.

В глазах гостьи сверкнула лукавая искорка. И из статной красавицы она в одночасье превратилась в шкодливую школьницу. Маша даже подумала, что не намного она ее и старше.

Наталия склонила голову набок:

— А давай посмотрим, а? Жутко интересно.

— Я же его выключила. Наверное, и батарейки сели.

— Если выключила, то не сели. Ну, пожалуйста. Ведь Ирма была моей соперницей, как-никак.

Маша никогда не задумывалась о значении телефона Ирмы Бонд. И ей, в самом деле, не приходило в голову включать его. Мобильный стал частью ее жизни совсем недавно, она все еще вздрагивала, когда он звонил у нее в сумочке. И ответив, в основном на звонок Сержа, тут же прятала назад, поглубже. И ни разу не включила его просто так, ради интереса. А потому и секретов его совсем не знала. Ни своего, ни уж тем более чужого. Теперь же, глядя на Наталию, ей и самой стало интересно, а за свою дремучесть ужасно стыдно. Ну надо же, Серж ее в звезды эстрады готовит, а она ведь до сих пор, как выразилась Аська «тундра не асфальтированная». Она подошла к комоду, открыла ящик для белья и вытащила на свет телефон.

— Господи, — округлила глаза Наталия, вмиг начисто позабыв о нем. — Что это на тебе?!

Она многозначительно округленными глазами оглядела ее с ног до головы. Как будто только что заметила ее наряд. Может и так и было.

— Это? — выдохнула будущая звезда. — Ну, что-то вроде платья.

— Н-да... — с укором протянула гостья. — Посмотри на меня.

Маша повиновалась. Та была, как всегда, прекрасна. На этот раз она собиралась выйти в общество в довольно консервативном черном облегающем платье под горло, правда, украшенном искрящимся в свете люстры колье. Наряд, по мнению Маши, был скорее

театральным, нежели клубным. Наталия встала, повернулась, демонстрируя узкий вырез на спине, доходящий почти до копчика.

— Конечно, ты можешь пойти в этой шкуре, я тебя не остановлю, — произнесла она теперь уже с явной обидой в голосе. — Но мы будем смотреться как мать и дочь. Причем роль матери сыграю я, чего мне, как ты понимаешь, совсем не хочется. Может, ты переоденешься во что-то более спокойное?

— Прости, ради бога, я не подумала, — промямлила Маша и, бросив телефон на комод, ринулась к отсеку стенки, являющемуся и гардеробом. Раскрыв его, она вытащила пару нарядов на вешалках. — Смотри, что ты посоветуешь?

Остановились на серебрястом платье, отделанном тонкими кружевами, которое, в Машином представлении, более походило на комбинацию. Его она приобрела тоже по настоянию Никиты. Бросив гостью допивать кофе, она кинулась переодеваться в ванную.

Запершись, она первым делом скинула сапоги. Потом затаилась, прислушиваясь.

— Не это ли вам нужно? — Александр вошел в гостиную, держа в вытянутой руке точно такой же телефон, как тот, что Маша бросила на комод.

Наталия вздрогнула и застыла, так и не дотронувшись до аппарата. Она стояла у комода. В ее глазах пылал не то гнев, не то ужас. Ноздри раздувались, как у тигрицы, только что в безумной гонке поймавшей добычу. Она была прекрасна. Александр не мог этого не отметить, но промолчал, воздержавшись от комментариев. Зато Серж, вошедший следом, издал грудной возглас восхищения.

— Сколько же вас там еще? — на выдохе спросила Наталия.

— Еще только я, — в дверях гостиной появился Бессмертный.

— Давайте все сядем, — предложил сэр Доудсен и с пониманием посмотрел на Наталию. — Оставьте в покое этот телефон. Как видите, мы думаем с вами в одном направлении. Вы хотели подменить аппарат и завладеть оригиналом. Я тоже об этом подумал, только немного раньше. Поэтому я вас и опередил.

— Заткнитесь вы! — Она взъерошила волосы и порывисто села в кресло. — Слушать вас теперь просто невыносимо.

— А мне так нравится! — заявил Бобров.

— Ты никогда не отличался порядочностью, — сквозь зубы процедила она.

Маша остановилась на пороге комнаты, смущенно оглядывая собравшихся.

— Ты знала? — гневно спросила Наталия. — Знала и не сказала мне?!

Маша вздохнула:

— Я дала обещание Александру.

— Да, это я виноват, — тут же вступился он. — Я попросил Марию спрятать нас в спальне. Я попросил ее нас не выдавать, пообещав, что мы сами выйдем из укрытия в подходящий момент. Разумеется, я сделал это не ради пустячной шутки.

— Вот как? — Наталия успела перевести дух и спросила в своей обыкновенной манере — леденящим душу голосом.

— Ха! Так теперь мы знаем, что тебе был интересен именно телефон, детка! — хохотнул Серж. — Не расскажешь, зачем?

Повисла напряженная пауза. Поняв, что Наталия не собирается просвещать неожиданных визитеров, Александр счел нужным заговорить:

— Во-первых, затем, чтобы стереть из памяти телефона свой номер.

— Так они перезванивались? Подружки по несчастью, а? Обоих бросил Юрчик? —

весело предположил Бобров.

— Нет, — совершенно серьезно ответил молодой аристократ. — Наталия звонила Ирме два раза. Сначала незадолго до ее смерти, а потом после.

— Что?! — в один голос вскричали Серж и Маша.

— Я примерно представлял нечто в этом роде, — отстраненно заметил Бессмертный. Наталия же невесело усмехнулась и жестом показала Александру, мол, продолжай.

— Давайте я начну издалека, — предложил сэр Доудсен.

— Только не от Адама, — проворчал Бессмертный.

Серж цыкнул и повернулся к аристократу:

— Давай, давай.

— Поговорив с Марией, а потом, вернувшись в офис и застав ту ужасную сцену между вами, господа, я принял окончательное решение докопаться до истины. Невозможно сосуществовать, подозревая друг друга. Мне будет нелегко раскрыть вам то, что собираюсь. В конце концов, чужая тайна — это чужая тайна. Но обстоятельства таковы, что ради тайны одного приходится жертвовать, по меньшей мере, тремя людьми, в сердцах которых поселится недоверие. И страшны последствия этого. Особенно учитывая, так сказать, социальные возможности господина Боброва и господина Бессмертного. Разумеется, я рассчитываю на их благоразумие. Кроме того, среди нас убийца. А убийца должен понести наказание, — он обвел строгим взглядом всех присутствующих.

— Нельзя ли покороче? — болезненно скривился Бессмертный и, вытащив платок, промокнул лоб.

— Прощу прощения, я только хотел объяснить, ради чего все затеял. Итак, Наталия прекрасно знала, что ее муж увлекся новой дамой. И дама Ирма Бонд. Именно по этому поводу они и поссорились в Париже за два дня до его ареста. Наталия прекрасно понимала, что на сей раз соперница довольно сильная. Скорее всего, в Париже она попыталась пригрозить мужу документами, которыми держала его и ранее. Но он только рассмеялся, ответив, что более не намерен терпеть шантаж, что он любит Ирму и поступит так, как сочтет нужным. Наталия, все мы знаем, женщина весьма сильная духом и характером, она не стерпела такой вольности. Последствия всем нам известны. Догадываюсь, что именно она посодействовала аресту своего мужа.

— Но это же глупо! — вскричал Серж.

— Ты хоть представляешь, что наговорил мне твой дружок! — обозлилась она. — Он меня сравнивал с этой вашей, поющей потаскушкой! Меня!

— Именно это его и погубило. Он полюбил и потерял контроль над собой, — объяснил Александр, — А Наталия поступила по-женски импульсивно. Она решила наказать неверного мужа. Только и всего.

— Ничего себе мера! — не утихал Бобро, — Кого наказала-то?! В первую очередь себя! На что ты жить собиралась? Развод бы принес тебе хорошие деньги, а так что?

— Развод? — усмехнулась Наталия. — Думаешь, я намерена терпеть этот позор?

— Рассуждения среднерусской мещанки, — фыркнул оппонент.

— Что ты понимаешь! — огрызнулась та.

— Наталия поступила импульсивно, — поспешно напомнил Александр, испугавшись, что спорщики завязнут в трясине взаимных обвинений, — Спустя какое-то время она, как и все женщины, пожалела о содеянном. Но было поздно. Юрий уже находился в тюрьме, велось следствие. Дело приняло неприятный оборот. Могли арестовать все счета

Касальского. Выждать было недопустимо. Но за несколько часов до ареста, а Юрий уже понял, что из аэропорта его не выпустят, он позвонил своему другу Сержу. Он был не один, в номере находилась Ирма Бонд, которая собиралась лететь в Лос-Анджелес. Привыкший никому не доверять, он сказал загадкой:

«В последнем подарке подарочек и для тебя».

Этот звонок был для него последней надеждой. Он думал, что его друг все поймет, ведь у них и раньше случалось подобное. Господин Касальский не ошибся. Серж действительно все понял, но хотел еще раз переговорить с другом, чтобы узнать поточнее, в каком подарке искать номера счетов, с которых нужно снять деньги. Его надежды на встречу не оправдались, к заключенному его не пустили. Но Юрий не учел одного — Ирму! Ирма понимала, что делать ставку на без пяти минут заключенного, как бы она его ни любила, по меньшей мере, легкомысленно. Мне неприятно это оглашать, но у нее был и другой кавалер — господин Бессмертный. Она ему позвонила и передала услышанный разговор. Естественно, она заключила устное соглашение о дележе финансов.

— Да уж, — фыркнул тот. — Потребовала семьдесят процентов.

— Разумеется, вы не допустили бы этого.

— Это же смешно! Что бы она делала с такими деньгами?! Она даже понятия не имела, сколько на счетах!

— И вы, скорее всего, согласились, чтобы не расстраивать ее перед тем, как она вручит вам этот «последний подарок».

— Да, но я ничего не понимаю в таком случае, — Бобров потер переносицу, — Ведь последним подарком был кулон! Но на нем действительно ничего нет! — Он со злостью глянул на Бессмертного и повторил с нажимом, — Ничего на нем нет!

— В том-то и суть! Вы все купились на историю с кольцом десятилетней давности, — ответил ему Александр. — Вам, Серж, Юрий сам рассказал о своем подарке за неделю до ареста, господин Бессмертный узнал об этом от Ирмы, а Наталия из счета, который ей прислала фирма «Своровски». Вы не учли лишь одного: между тем, когда господин Касальский понял, что его арестуют, и тем, когда его арестовали, прошло меньше суток. Он при всем желании не смог бы пойти к ювелиру, чтобы тот выгравировал огромное количество цифр. К тому же десять лет назад, в пору истории с кольцом, еще не была так развита мобильная связь. Юрий вручил телефон Ирме, попросив его не выключать на случай важных деловых звонков, а по приезде отдать Сержу. И никому из вас, в том числе и самой певице, даже в голову не пришло, что телефон и есть последний подарок. Наталия первой узнала о мобильнике. Как? Она позвонила мужу. Наверное, это был жест отчаяния. Уж не знаю, на что вы надеялись, но в тюрьме не разрешают пользоваться мобильным телефоном.

Та пожала плечами:

— Я догадалась и без звонка. Рассудила примерно так же, как вы. Набить счета в адресной книге своего телефона проще и быстрее, чем выгравировать их на кулоне.

— Блестяще! — восхищенно воскликнул Серж. — Ай да Юрчик, ай да сукин сын!

— Я думаю, что, убедившись в правильности своей догадки, Наталия вылетела из Парижа в Москву, чтобы под любым предлогом забрать у Ирмы мобильник. Она позвонила ей еще раз, уже находясь в России. Именно этот разговор и слышала Мария за кулисами. И именно этот разговор так расстроил певицу. Но он не меньше расстроил и Наталию. Ирма тоже привыкла держаться надменно. А нет большего оскорбления для жены, чем высокомерие соперницы. Знаете, я видел глаза убитой певицы, и они меня, честно

признаюсь, потрясли. Ранее мне не приходилось наблюдать покойных, слава богу, но эти глаза... Не знаю, какой силы должен быть человек, чтобы с таким вызовом и с таким презрением смотреть в глаза смерти. Я подумал тогда в примерке: женщина не посмотрит так на убийцу-мужчину. Наверняка в ней проснутся и страх, и надежда на спасение, и укор. Так женщина может смотреть только на соперницу, которую считает ничтожеством и которую ненавидит больше всего на свете. Тогда я впервые подумал о жене ее возлюбленного.

— Это ты ее шлепнула? — Серж подскочил на диване, разворачиваясь к Наталии.

Та побледнела и проговорила почти шепотом:

— Я сразу хотела пристрелить эту тварь. Но у меня дрожали руки, боялась, не попаду. А она стояла и издевалась. Назвала меня «красоткой, вышедшей в тираж».

— Господи, Наташа! Ты хоть знаешь, как меня называют каждый день! — взревел Бобров. — Да в приличном обществе это и не повторишь! Вон хоть этот тип!

— Дайте ему договорить, — оборвал их Бессмертный, кивнув на Александра.

— Я окончательно убедился в том, что нажала на курок Наталия, когда побывал у нее в гостях. Она сказала фразу, которая засела в моем мозгу, но я никак не мог понять, почему она не дает мне покоя. Помните, Наталия, вы сказали: «Что в ней было такого, чего не было...», ивы не закончили, испугавшись, что я догадаюсь. Я не догадался бы, если бы Серж не повторил эту же фразу.

— Это лишнее, — пробубнил тот, краснея.

— Вы имели в виду, Наталия, фразу: «Что в ней было такого, чего не было во мне?!» Вас возмущало, что не только Юрий, но и господин Бессмертный — ваш многолетний поклонник — вдруг увлекся любовницей вашего мужа. Вы же не знали, что его любовь поверхностная, основанная на деловом интересе. А Ирма, наоборот, приукрашала их роман. Когда вы держали пистолет в примерке, вы об этом не догадывались. В конце концов, вы не выдержали. Придя к певице с пистолетом, вы лишь намеревались отобрать у нее телефон. Но дело приняло непредсказуемый оборот.

— Но как ты прошла, там же кругом охрана! — удивился Серж.

Но женщина лишь отрицательно помотала головой и отстраненно уставилась в окно.

— Я попросил господина Климова, который, кроме всего прочего, является владельцем известной охранной фирмы, организовать мне встречу с бывшими охранниками Ирмы Бонд. Эту услугу он согласился выполнить взамен небольшой с моей стороны. Итак, охранники рассказали мне, что в какой-то момент отлучились. Буквально на пять минут. Примерка не закрывалась, да и зачем, охранять там было нечего. Помните, Серж, когда мы зашли в примерку, вы сказали, что Ирма одевалась к выступлению дома. Наталия видела, что Ирма приехала в манто из шиншиллы. На ней было синее платье. Ростом они почти одинаковы. Кроме того, Наталия сама рассказывала, что Ирма Бонд, как ни была высокомерна, пыталась подражать в одежде жене господина Касальского.

— У этой пустышки совершенно не было ни вкуса, ни стиля, — зло заметила та.

— Как бы то ни было, но в гардеробе госпожи Касальской нашлись и синее в пол платье, и манто из шиншиллы. Ей не составило труда поехать домой и переодеться, пока шло первое отделение концерта. А в перерыве она прошла в примерку. Это случилось сразу после звонка Ирме. И директор певицы из коридора видел именно Наталию. В том странность и заключалась, что буквально через пять минут охранник видел входящую в примерку Ирму. Она-то и погнала его прочь, желая отдохнуть. И дверь на ключ заперла. А когда певица

увидела в гримерке жену своего кавалера, она, может быть, и испугалась, но виду, разумеется, не подала. Она была слишком горда.

— Вот дуреха! — выругался Серж.

— Да, необдуманый поступок. Но, в конце концов, она не ожидала такой развязки. Хотя обходилась с людьми слишком уж вызывающе.

— Точно, — согласно кивнул меценат.

— Кстати, я упустил ваше появление в гримерке певицы, — признался сэр Доудсен.

— Этот пострел везде поспел! — невесело хохотнул Бессмертный.

— Не везде, — улыбнулся Александр. — Ирма заключила соглашение с вами и работать на Сержа не намеревалась. Поэтому, когда он потребовал кулон, она, предварительно спрятав его, полагаю, в довольно интимный предмет туалета, сказала, что забыла его в Лос-Анджелесе. Разговор состоялся прямо перед выходом певицы на сцену. Когда она Сержа вытолкала, то снова надела украшение на шею.

— Такая была стерва, признаю, — буркнул Бобров. — Я ни на секунду ей не поверил. Приехал к тебе в ресторан, а потом вдруг решил: дай-ка снова ее навещу. Навешаю, к едрене фене, будет знать! Я же ей жизнь дал, можно сказать, а она меня нагло кидает! Хотел поговорить, вразумить, пригрозить, если нужно. Что она без моих связей-то? Если б я только захотел...

— Да будет тебе уже! — не вытерпел Бессмертный. — Все знают о твоих возможностях.

Александр вздохнул и продолжил:

— Ирма Бонд договорилась с господином Бессмертным встретиться после концерта и передать ему кулон.

Она была самонадеянна, полагая, что Серж столь легко поверит в ее историю с Лос-Анджелесом. Но она просчиталась и насчет Наталии Касальской. Разумеется, Юрий не рассказывал ей о шантаже, поэтому жена любимого представлялась ей некой избалованной дамой, красивой, но разнеженной и привыкшей к роскоши. Кстати, я полагаю, что она не выполнила просьбу Юрия и не отдала телефон господину Боброву только потому, что желала еще раз посмеяться над Наталией, если та ей позвонит. Таковы уж женщины, они слишком жестоки с соперницами. Тем более с побежденными. Ирма думала, что Наталия терпит измены мужа от безысходности, а не по расчету. Поэтому, даже увидев пистолет в ее руках, да еще и дрожащих, она не испугалась, а принялась ее высмеивать. Наталия не стерпела насмешек и нажала на курок. Однако она помнила, что пришла за телефоном. Но его у Ирмы к тому моменту уже не было. Она выбросила мобильный за кулисами. Наталия позвонила, пытаясь выяснить, где телефон, а когда не услышала звонка, поняла, что в гримерке его не найдет.

— Я слышала этот звонок, — пробормотала Маша, — когда была с Аськой, с кордебалетом...

— И вот тогда и началась гонка за кулоном, который, по сути, был не чем иным, как обыкновенным женским украшением.

— Значит, Аську действительно убили грабители, — тихо пробормотала Маша.

— Нет. Анастасию убила Наталия.

— Едрить твою двадцать! — воскликнул Бобров. — А эту-то на хрена?!

Взгляды устремились на центральную фигуру рассказа. Наталия сидела прямо, словно ей привязали палку к спине, губы ее были сжаты, а глаза пусты. Выглядела она как человек, находящийся в глубоком трансе. Впрочем, ощутив к себе всеобщий интерес, она вздрогнула

и тихо произнесла:

— Говорят, встав на путь убийства, уже не можешь остановиться...

— Скорее всего, это верно, — кивнул Александр. — Убить Ирму вам не составило труда. Вы ее ненавидели, Вам она мешала, а потому, расправившись с ней, вы ощутили нечто, сходное с чувством победителя.

— Конечно, что тебе слезы миллионов ее поклонников? — возмутился Бобров.

— Да заткнись ты! — не вытерпел Бессмертный. — О ней уже никто не помнит. Ни голоса, ни вкуса. Если бы не ты, что бы из нее получилось? Дальше, чем дорогая шляха, она бы не продвинулась.

— Bravo! — Наталия хлопнула в ладоши. — Вот видишь, Серж, Вася неожиданным признал за тобой талант. Это дорогого стоит.

— Пойду выпью за это в ближайший выходной, — огрызнулся меценат. — Но на кой хрен тебе понадобилось лишать жизни безобидную пичужку? Она тоже с твоим муженьком погуливала? Так ведь всех его баб не перестреляешь!

— Прекратите! — резко остановила его Маша и испуганно затихла. В голове у нее гудело, сердце билось с такой силой, что едва не крошило ребра, в глазах потемнело. Она сидела в метре от Аськиной убийцы. Ей стало страшно.

— Позвольте продолжить, — вмешался Александр. — Наталия не хотела убивать Анастасию.

— Ну да, опять нечаянно получилось, — хохотнул Серж.

— Почти. Наталия использовала тот же прием, что и с Марией. Сменила пренебрежение на милость, обласкала, заговорила, прикинулась доброй подругой, готовой помочь. Марии она предложила заняться ее имиджем, Анастасии — составить протекцию в свете. Они познакомились на приеме в посольстве Великобритании. Разумеется, неспроста. Наталия, как и все, заметила кулон на шее Анастасии, ведь она знала, как он выглядит. Она смекнула, что, раз у девушки неожиданно появилось это украшение, значит, ей, возможно, известна судьба телефона.

Рассказ Анастасии о чудесном подарке только подстегнул ее. Она позвонила ей и предложила встретиться. У Анастасии совершенно случайно отменили выступление в этот день, и Наталия попросту приехала к новой приятельнице в гости. Скорее всего, что-то пошло не так...

— Девчонка догадалась о телефоне, — Голос Наталии стал хриплым, словно она очень устала и хотела спать. — Когда я поняла, что с кулоном какая-то длинная история, связанная с ювелиром, я спросила про телефон, и она уставилась на меня, как баран на новые ворота. Она сказала: «Климов думает, что все ищут кулон, а ведь, кажется, все ищут совсем другое, так?»

— Это и решило ее судьбу. Вы поняли, что, если Анастасия заикнется о телефоне, ваша тайна перестанет принадлежать вам. Тем более девушка была знакома с Борисом Климовым.

— Она же болтала как заведенная — только тему дай! — задумчиво изрек Бобров. — Да и с Климовым она знакома шапочно.

— Но если бы эта дуреха где-нибудь брякнула, а брякать она любила, уж до нас бы с тобой долетело, — усмехнулся Бессмертный.

— Я согласен, — кивнул сэр Доудсен. — Поэтому Наталия испугалась и убрала свидетельницу. Потом она надела шубу Анастасии и, никем не замеченная, вышла из квартиры. Она не захлопнула дверь, а лишь прикрыла ее, чтобы убийство было похоже на

нападение бандитов.

— Если бы ты поменяла пистолет, никто бы в жизни не догадался, что ты в этом замешана, — заметил меценат.

— У меня не оружейный склад, — сквозь зубы процедила Наталия.

Бессмертный хлопнул в ладоши и, подавшись вперед, воззрился на Александра:

— Ну, хорошо, с убийствами мы разобрались. Что дальше?

Тот описал возле ботинок замысловатый узор тростью:

— Я полагаю, что необходимо сообщить в органы безопасности.

— Чего?! — скривился тот. — Ты спятил? Ведь следствие начнется. А зачем нам следствие, если преступник известен?

— И как же вы со мной поступите? — Наталия оглядела его и Сержа с вызовом, — Сдадите властям или четвертуете?

Те потупились.

— Я не думаю, что самосуд в этой ситуации уместен, — отчеканил потомок аристократического рода.

— Когда счета в наших руках, мы сможем договориться, — наконец изрек Бессмертный. — Посмотрите, как все замечательно складывается: пересмотрим доли с учетом укрывательства кое-чьей жены.

— Или любовницы, — Серж вцепился в подлокотник кресла, пытаясь сдержать эмоции. На Машу он не глядел, хотя она уставилась на него, не мигая.

— Согласен. Я готов пойти на уступки с тем условием, что Наталия разведется с Касальским и будет со мной.

— Значит, ты думаешь, что можешь и меня купить? — хмыкнула та.

— Не думаю, любовь моя, а знаю, — Бессмертный положил руку ей на локоть, — Ты же не желаешь жить с Юркой-бабником, ты его давно ненавидишь. А я куда лучше, чем любая женская колония.

— И ты не боишься? — Она медленно подняла на него холодные глаза. — Ведь теперь я умею убивать.

Даже Маша содрогнулась, а Бессмертный улыбнулся:

— Милая моя, я уж продумаю все до мелочей. Поверь мне, после моей смерти тебе ничего не достанется. Так что сдавайся.

И Наталия, вздохнув с явным сожалением. Неожиданно улыбнулась.

— Вот, — кивнул на эту парочку Бобров. — Наконец-то они нашли друг друга! Теперь пора сваливать из Москвы. А то и из России! Бонни и Клайд, едренить!

— Но ведь она убила Аську! — вскричала Маша. — И Ирму Бонд! Наверное, они не были совершенством, с вашей точки зрения, но они были людьми! Наталия убила двух человек. Вы собираетесь так просто забыть об этом?! — Она в ужасе оглядела собравшихся.

Серж по-прежнему упрямо пялился в сторону. Словно не замечал ее в комнате. Казалось, он даже пребывал в неплохом расположении духа. Единственное, что было странным в его облике, так это мертвенная бледность.

— Именно такой исход я и предполагал, — горестно изрек сэр Доудсен, — А потому взял на себя смелость и стер номера счетов в адресной книге телефона Юрия Касальского.

— Что?! — в один голос вскричали Бессмертный и Наталия.

— Именно это я и сделал.

— Я тебя самого в порошок сотру! — прошипел Бессмертный и начал медленно

подниматься с дивана.

Александр вскинул трость и посмотрел на него в упор:

— Мне неприятно вам напоминать, но ваши люди уже пытались предпринять нечто в том же роде. Их было больше, и у них ничего не получилось. Кроме того, счета все еще у меня. Так что на вашем месте я бы не спешил.

— Чего ты хочешь? — выдавил из себя Бессмертный и благоразумно плюхнулся обратно на диван.

— Давайте устроим голосование. Я предлагаю два варианта исхода нашего спора. Первый — Наталия должна сознаться во всем, а номера счетов оставим до возвращения Юрия в Москву. Второе — Наталия может считать себя свободной, но счета мы тут же отправим в офис Интерпола.

— Сукин ты сын! Ты хоть понимаешь, что это грубый шантаж? — сощурился Бессмертный, — Как это сочетается с твоим понятием о чести, или что там у тебя выше всего прочего?

— Выше всего прочего у христианина человеческая жизнь, — наставительно заметил молодой аристократ. — Вы должны понять, что жизнь человека стоит много больше, нежели деньги на счетах Юрия Касальского.

— Итак, иного не дано. Кто за то, чтобы Наталия призналась в преступлениях?

— Скотина, — В голосе Касальской слышалось глухое раздражение, — Ты хоть знаешь, что такое тюрьма в России?

— Почему вы не подумали об этом перед тем, как нажать на курок? — Александр поднял руку.

Бобров глянул на Машу. В глазах его она прочла отчаяние.

— Я не могу. — Он все еще цеплялся за подлокотник кресла. — Я не могу голосовать. Я заинтересованное лицо. И так ясно, что я за, но разве я могу это сделать, учитывая, что на счетах мои деньги?!

— Моих денег там нет, — ответила Маша и подняла руку.

— Как вы понимаете, я не могу быть за, — Касальская окинула всех надменным взглядом и хмыкнула.

Все посмотрели на Бессмертного. Наталия склонила голову к его плечу и улыбнулась. Повисла пауза. На лице последнего голосующего никаких эмоций не читалось, словно он надел маску.

Наконец он сухо произнес:

— Если откроются операции со счетами Касальского, я стану банкротом. Не сразу, но все равно неприятно. Господи, а счастье было так близко, — и он медленно поднял руку.

Александр довольно оглядел свой новый кабинет. Делал он это не первый раз за последние полчаса. В общей же сложности за день он пялился по сторонам и блаженно улыбался раз сто, не меньше. Дела шли в гору. Новые сотрудники, новые контракты. Он и сам удивлялся, как это у него получилось наладить и расширить гиблое в России предприятие, на которое даже босс — его дядюшка — махнул рукой. Он еще не успел оправиться от ощущения безмерного счастья, когда два дня назад в вечерних новостях передали о махинациях с гуманитарной помощью на таможне. Понятно, кто стоял за этим. Господин Бессмертный, скорее всего, не простит ему разбитое сердце и будет чинить всевозможные козни. Разумеется, журналисты ринулись в офис компании Speed, дабы узнать из первых уст, каким это образом вместо гуманитарной помощи в Ивановскую область

ввозили старое хозяйственное мыло. И сэра Доудсен едва скрыл ехидную улыбку, когда сообщал пяти телекамерам, что его компания никакого отношения к гуманитарной помощи не имеет, что эти перевозки давным-давно перекупил у нее некий концерн «Славуч», в который входит маленькая фирмочка с громким названием «Трансмагистраль». Всплыло на поверхность, что генеральным директором одного концерна является не кто иной, как господин Бессмертный. Разразился скандал. Так что ему теперь придется ненадолго отвлечься от мыслей о мести и заняться решением своих проблем. Несколько удручало молодого аристократа то обстоятельство, что физиономия будущего думского деятеля Карпова по-прежнему уродует автомобили его компании. Однако он полагал, что предвыборная кампания явление не постоянное, когда-нибудь она пройдет, и водители с радостью смоят уродливый оскал с бортов своих машин. В общем, все бы ничего, но в сердце сэра Доудсена жила безысходная тоска — он обязан жениться. Ви, раньше донимавшая его телефонными звонками с расспросами, какие шаги он предпринимает на пути к здоровому образу жизни, немного успокоилась, занявшись, по всей видимости, подготовкой к свадьбе. Но это обстоятельство не радовало его, поскольку приближало к злополучным свадебным колоколам, подружкам невесты, шаферам, гостям, торту и прочим помпезным атрибутам мероприятия, от которого его в дрожь кидало. Он уже убедил себя, что отступать бессмысленно, и даже склонил голову под топором, занесенным над ним судьбой. Однако Александр по натуре был человеком добрым, а потому вдруг снял телефонную трубку и набрал номер.

— Бобров, — прохрипел меценат на другом конце провода. — Чо надо?

— Послушайте, Серж, — смущенно начал молодой аристократ. — Не в моих правилах лезть в чужие дела...

— Ха! — тот излишне громко изъявил свое отношение к сказанному, — Только мне об этом не рассказывай!

— Я продолжаю утверждать, что поступил так, руководствуясь исключительно благими намерениями.

— Знаешь, благими намерениями куда дорога вымощена? Мне почему-то кажется, что Наталия Касальская со мной согласится. Да и еще найдется немало приверженцев этого мнения из числа твоих близких знакомых.

— Сожалею, но вы ведь не любите Наталию?

— Какая разница? Мне ее по-человечески жалко. Баба в тюрьму загремела!

— Но она совершила двойное убийство!

— Это, конечно, да... — после некоторых раздумий согласился Бобров.

— Вам необходимо объясниться с Марией, — твердо проговорил сэра Доудсен. — Вы заставляете ее и себя страдать.

— Та-ак, — протянул Серж. — Решил переквалифицироваться из Пуаро в Амура?

— Я видел, как вы смотрели друг на друга, когда я говорил. И вы не подняли руку только потому, что вам очень хотелось поступить благородно. А ведь всем известно, что именно любовь пробуждает это желание.

Серж опять надолго замолчал. После продолжительного сопения он тускло произнес:

— Пусть так, и что с того? Я — ее продюсер. Я не могу, понимаешь? Это некрасиво.

— Вы сами придумали себе барьер, за которым прячетесь.

— Послушай, — взмолился несчастный, — Маша только что выпустила диск, на каналах вышел ее первый клип. Она нравится зрителю, она набирает обороты. Конечно, за

ней охотятся журналисты. Ты представляешь, что они затараторят, какие пустят легенды, если узнают, что я и она, в общем, не могу я, и все.

— Но долго ли вы намереваетесь терпеть?

— Ох, — тяжело вздохнул Серж. — У меня сердце разрывается. Представляешь, бросил пить, теперь по вечерам валидол сосу. Да ведь и выдумка это, будто бы она, ну, в общем, любит. Посмотри на меня: толстый, красный, нос картошкой. Разве полюбит молодая девица такого? Глупость!

— Она любит, — уверенно ответил сэр Доудсен. — Поговорите с ней. Узнайте, что она думает о вашем решении держаться от нее подальше и всякий раз при встрече изображать, будто бы вы злейшие враги. И когда она оттаскает вас за ваш нос...

— Кто тут говорил, что не в его правилах лезть в чужие дела?! Со своими бы разобрался, Гименей хренов, — Серж хмыкнул, а потом вдруг сдался, — Ладно, будь по-твоему, я поговорю с ней.

Когда Александр положил трубку, на душе у него пели райские птицы. Счастье влюбленных он расценивал как высшее благо и не мог пройти мимо людей, сознательно разрушающих свою жизнь. Однако Серж прав, его собственная лежала почти в руинах.

— Сэр Доудсен, Борис Климов просит вашей аудиенции, — проворковала новая секретарша на чистом английском.

Девушка порядком озадачилась, когда в офисе английской фирмы ей посоветовали говорить по-русски. Наверное, отсутствие возможности продемонстрировать потрясающие знания в английском языке привело ее в уныние. Так что она не упускала случая хотя бы изредка практиковаться с начальником. Александр усмехнулся и ответил ей тоже на английском:

— Пусть войдет, — приятно каждую минуту дарить кому-то радость.

Борис выглядел неважно. Он сильно похудел, и лысый череп не искрился радостным энтузиазмом, как прежде, а лишь тускло отражал свет офисной лампы.

— Кот заболел? — участливо осведомился хозяин кабинета.

Климов сел в кресло у стола и с тоской трехдневной селедки уставился на тяжелое пресс-папье.

— Я долго думал, — проскрипел он, — Я понимаю, какой мерзкий поступок совершил. Я знаю, что сегодня мы расстанемся злейшими врагами, но что я мог поделать?

Он развел руками, соорудив на физиономии гримасу страшного мучения.

— Что случилось? — Александр не на шутку разволновался, — Вы совершили что-то нехорошее в доме Харингтонов. Что? Ели птицу руками или капнули соус на золотой вензель?

— Ох! — страдальчески вздохнул визитер, — Поверьте, поверьте, пока мы еще друзья и помним, что сделали друг для друга, я действительно старался изо всех сил. Но я проиграл!

С этими словами он протянул оторопевшему аристократу небольшую английскую брошюру. Тот взял ее в руки, потом перевел на гостя недоуменный взгляд:

— Борис, от вас я этого действительно не ожидал. Зачем вы вручили мне очередное творение кошмарного любителя самоистязаний Дж. Росмонда? Вам надоел мой цветущий вид?

Но тот его не слушал. Он закрыл лицо ладонями и надрывно запыхтел:

— Она так прекрасна! Она потрясающая! Потрясающая!

— Дж. Росмонд? Вы-то сами здоровы? — Сэр Доудсен внимательно оглядел

посетителя, — Хотя, скорее всего, вы уже успели прочесть эту брошюру.

— Брошюру? — Климов оторвал руки от лица и удивленно уставился на него, — При чем здесь ваш Росмонд? Кстати, это женщина.

— Это многое объясняет...

— Вы не понимаете, Ви... Виолетта, да перестаньте же терзать меня, откройте книгу, прогоните меня прочь!

Молодой аристократ раскрыл брошюру. Он читал и перечитывал коротенькую дарственную надпись. Читал и перечитывал, чувствуя, как душа его наполняется живительной энергией, а тело новой силой.

— Вы, кажется, забыли обо мне, — после десяти минут молчания не вытерпел кошатник.

— Ах, — Александр вздрогнул, посмотрел на название книги и улыбнулся ему, — Виолетта очень великодушная девушка.

Он снова опустил взгляд на надпись, не в силах заставить себя покончить с перечитыванием слов, которые в его душе уже легли на сладостную музыку:

«Мой милый, милый Александр! Я понимаю, как горько тебе будет узнать, но я должна сообщить тебе... (тут, похоже, Ви уронила слезинку, во всяком случае, последняя точка расплылась в пятнышко). Ты прекрасный, ты удивительный, но... (еще одно пятнышко вместо точки). Я полюбила другого. Надеюсь, мы расстанемся друзьями.

Вечно твоя, Виолетта Х.»

Он еще раз посмотрел на обложку: Дж. Росмонд «Как выйти из душевного кризиса?». И блаженно улыбнулся.

Маша шла по гулкому коридору. Перед глазами плыло, в ушах шумело, но она была счастлива. Только что она отработала первый в своей жизни сольный концерт. Саратовская публика приняла ее с восторгом. Впереди и позади нее охранники несли огромные охапки цветов. Третий страж едва мог удержать все мягкие игрушки, которыми ее закидали зрители. Ноги ее слушались плохо. Она страшно устала.

— Ой! — она споткнулась.

— Стоять! — шепнул ей на ухо Серж и взял под локоть, — Не хватало еще, чтобы ты в начале гастрольного тура ноги переломала. Ты мне весь график порушишь к едрене фене!

Она лукаво глянула на него и улыбнулась:

— Не смей произносить эту гадость!

— Не смей мне указывать! — Хохотнул он.

— Будешь грубить, я воспользуюсь советом Александра и оттаскаю тебя за нос!

Он нахмурился, потом медленно склонился и поцеловал ее руку:

— Идем. Хочу опустить тебя в горячую ванну.

Процессия вышла на холодный ночной ветер. Впереди Машу ждала огромная толпа. Охранники принялись расчищать проход, чтобы не морозить певицу.

— Мария, автограф! — загудели зрители.

— Подпишите мне!

— И мне!

— Мне распишитесь, ну пожалуйста! — слышала она со всех сторон. Толпа напирала. Маша замерла, взяла первую протянутую бумажку.

— Что это? — она улыбнулась. — Билет на мой концерт!

— Как вас зовут? — она старалась перекрыть шум и ветер.

— Вася!

«Желаю удачи! Василию от девочки с Севера!» — нацарапала она мгновенно замерзшей рукой.

— Идем же! — потянул ее Серж.

Но она не двинулась с места. Посмотрела на него, извиняясь, прошептала:

— Они ждали меня долго. На холоде. Разве красиво бросить их тут и уйти!

— Вот дуреха! — закатил глаза Бобров.

Толпа неожиданно колыхнулась вправо, выплюнув Маше под ноги комочек, состоящий в основном из болоньевой куртки и русых волос. Девушка с испуганным лицом глянула на нее снизу вверх.

— Что вы стоите? — взревел Серж на охранников. — Нас тут сейчас передавят!

— Автограф!

— Мне распишитесь! — со всех сторон Марию окружали билетки, ее диски, плакаты и просто клочки бумаги. Кто-то протягивал паспорт.

Маша улыбнулась девушке в болоньевой куртке и подала ей руку. Та зачарованно ухватила за нее, поднялась, робко пролепетала:

— Я еще и пою, между прочим.

Маша склонила голову набок, изучая ее. Личико маленькое, а глаза горят таким жаром, что кажутся пол-лица.

«Что я хотела услышать от своего кумира — Ирмы Бонд? Что? Ведь в тот злополучный день я произнесла нечто похожее. Зачем? Для чего?»

Она подмигнула поклоннице и прошептала:

— Тогда не сдавайся!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net